

Чарльз Сандерс
Пирс

Принципы
философии

Том II

ТОРИЗОНТЫ ФАНОМЕНОЛОГИИ

Санкт-Петербургское Философское Общество
Лаборатория Метафизических Исследований

Серия «Горизонты Феноменологии»

CH. S. PEIRCE

PRINCIPLES OF PHILOSOPHY

Collected Papers

Harvard University Press

Cambridge (Mass.)

1931

Ч. С. ПИРС

ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФИИ

Том II

Перевод с английского В. В. Кирющенко и М. В. Колопотина

Санкт-Петербургское Философское Общество

Санкт-Петербург
2001

ББК 87.3

Санкт-Петербургское философское общество
Лаборатория Метафизических Исследований

Серия «Горизонты Феноменологии»

Редакционная коллегия серии:

Орлова Ю. О., Разеев Д. Н. (ред.), Солонин Ю. Н.,
Соколов Б. Г., Соколов Е. Г., Хаардт А., Черняков А. Г.

Пирс Ч. С. Принципы философии. Том II. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 320 С.

«Принципы философии» открывает кембриджское издание восьмитомного «Собрания сочинений» известного американского логика Чарльза Сандерса Пирса. В этой книге собраны главы задуманных, но так и не написанных им книг по философии и истории науки, законченные статьи и отдельные фрагменты без датировки, посвященные различным историко-философским проблемам, а также работы по классификации наук. Центральную и наиболее важную часть тома занимает изложение автором феноменологических предпосылок семиотики, основные положения которой легли в основание его философского учения, получившего позднее название «прагматизм».

ISBN 5-93597-016-3

© Издательство Санкт-Петербургское
философское общество, 2001

© Кирющенко В. В., Колопотин М. В., перевод, 2001

© Квиткин С. Б., перевод приложения, 2001

© Harvard University Press, 1931

ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФИИ

ТОМ II

КНИГА ТРЕТЬЯ

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

Глава 1

Введение¹

§1. Фанерон²

284. Фанероскопия [или Феноменология] дает описание *фанерона*. Под *фанероном* я имею в виду общую совокупность всего, что так или иначе, в том или ином смысле является наличным (is present to) сознанию, совершенно независимо от того, соответствует ли наличное какой-либо реальной вещи. Вопрос *когда* и *какому* сознанию остается в данном случае без ответа, ибо у меня нет ни тени сомнения, что черты такого фанерона, которые я обнаруживаю в своем сознании, во всякое время наличествуют и любому другому. Насколько позволяет судить теперешнее состояние науки фанероскопии, предметом ее исследования являются основные формальные элементы фанерона. Известно также, что существует целый ряд других элементов, некоторое представление о которых дают гегелевские Категории. Но я не вполне готов теперь предложить их сколько-нибудь удовлетворительный перечень.

285. Понятие *фанерона* довольно близко тому, что английские философы обычно имеют в виду под словом *идея*. Однако

¹ [Согласно плану классификации, приведенному в предыдущей книге, феноменология (или фанероскопия) является первым подразделением философии, в свою очередь являющейся второй в ряду открывающих наук (discovery sciences). Настоящая книга, следуя задуманному плану, должна была бы быть предварена книгой, посвященной математике, стоящей первой в этом ряду. Однако ввиду того, что большинство из работ Пирса в данной области носят, с точки зрения среднего читателя, слишком технический характер и зачастую перемежаются рассуждениями на отвлеченные темы, мы не сочли возможным включить их в настоящий том. Большинство из его математических работ можно найти в томах 3 и 4; рассуждения, посвященные природе математического знания, встречаются в каждом томе (см., например, 247 и далее).]

² [284 из «Адирондакских лекций 1905 г.» («*Adirondack Lectures, 1905*»); 285-287 – из <статьи> «Логика, рассмотренная как семиотика», введение 2, Фанероскопия (около 1904).]

значение последнего слишком ограничено ими, чтобы полностью покрыть собой все то, что я вкладываю в свое понятие (если только это может быть названо понятием) за исключением, разве что, некоторых психологических коннотаций, которых я всеми силами стремлюсь избегать. Среди англичан в порядке вещей утверждение типа «не существует такой идеи» как то-то и то-то, хотя как раз в отрицаемом они и дают описание тому, что понимается в данном случае под фанероном. Это делает их термин совершенно неподходящим для моих целей.

286. Нет ничего более открытого для прямого (direct) наблюдения, чем фанероны. И поскольку я не буду ссылаться ни на какие другие, кроме тех из них, которые (или подобия которых) хорошо знакомы каждому, постольку всякий читатель сможет проверить точность моего описания. При этом, конечно, он должен на собственном опыте, шаг за шагом повторять мои наблюдения и эксперименты. В противном случае в том, что я хочу передать, меня постигнет неудача еще более сокрушительная, чем если бы я затеял беседу о цветовых эффектах с человеком, который слеп от рождения. Называемое мной *фанероскопией* есть исследование, которое, основываясь на прямом наблюдении фанеронов и результатах обобщения этих наблюдений, выявляет небольшую группу наиболее ярко выраженных (broad) категорий фанеронов; дает описание каждой из них в основных чертах; показывает, что, хотя они настолько сложным образом перемешаны друг с другом, что ни один не может быть обособлен, их качества несоизмеримы; затем доказывает, что означенные категории фанеронов могут быть объединены в один небольшой перечень; и наконец приступает к выполнению утомительной и весьма трудоемкой задачи по выведению всех подразделов данных категорий.

287. Из всего вышесказанного очевидно, что фанероскопия вовсе не имеет целью ответ на вопрос, в какой степени фанероны, исследованием которых она занимается, соответствуют каким бы то ни было реалиям. Она тщательно воздерживается от всякого суждения об отношениях между ее категориями и фактами физиологии, касающимися деятельности мозга или чего бы то ни было еще. Она ни коим образом не пытается, но, на-

против, старательно избегает выдвижения каких бы то ни было гипотетических предположений, и предпринимает исследование только открыто явленного (*direct appearances*), стремясь сочетать в нем детальную точность и возможно более широкое обобщение. Великое предназначение ученого заключено не в выборе той или иной традиции, преклонении перед авторитетом или мнением, позволяющим считать, что факты состоят в том-то и том-то, и не в том, чтобы предаваться фантазиям. Он должен ограничить себя открытым и искренним наблюдением явлений (*appearances*). Читатель, со своей стороны, должен повторять наблюдения автора на собственном опыте, и, уже исходя из результатов своих наблюдений, решать, правильный ли отчет о явлениях дается автором.

§2. Валентности³

288. Не может быть никаких психологических трудностей в определении того, что обнаруживает себя принадлежащим фанерону, а что нет. Ибо, что бы ни являлось наличным сознанию, оно *ipso facto* обнаруживает себя именно таковым в том смысле, который я придаю этому выражению. Я предлагаю вам рассмотреть не все элементы фанерона, а только далее неразложимые или, точнее, логически неразложимые, т.е. представляющиеся таковыми при прямом наблюдении. Я намереваюсь разработать классификацию, или подразделение этих неразложимых элементов, распределяя их в различные группы согласно их реальным характеристам. Мне знакомы две подобные классификации, которые для нашего случая одинаково хороши, но существует также и множество других. Так вот, из этих двух классификаций одна проводит различия согласно форме или структуре элементов, другая же — сообразуясь с их материей. Два года моей жизни я посвятил исключительно отчаянным попыткам достичь какого бы то ни было достоверного решения проблемы классификации последнего рода, однако оставил это дело ввиду того, что вопрос либо явно превосходит мое понимание, либо, во всяком случае,

³ [Из «пл» (1908).]

противен моему духу. Я, конечно, ознакомился со всем тем, что имели сказать по этому поводу другие мыслители, но не могу быть уверенным в том, удалось ли им достигнуть успехов больших, нежели мне самому. К счастью, классификаторы из различных областей знания сходятся во мнении, что наиболее значимой является все же классификация сообразно структуре.

289. Внимательный читатель непременно склонен будет задать хороший вопрос: «Как могут неразложимые далее элементы иметь структурные различия?» В отношении внутренней логической структуры представить себе такое совершенно невозможно. Но для внешней структуры, то есть для структуры ее возможных составляющих, такие ограниченные структурные различия весьма вероятны. Возьмем, к примеру, химические элементы, в которых «группы», или вертикальные столбцы таблицы Менделеева, универсально и вполне справедливо считаются куда более важными в сравнении с «рядами», или горизонтальными строками той же таблицы. Данные столбцы характеризуются несколькими валентностями, таким образом, что:

He, Ne, A, Kr, X будут нольвалентными, или медадами (medads) (*μηδέν* – ничто + родовое = *ιδης*).

H, L [Li], Na, K, Cu, Rb, Ag, Cs, –, –, Au – одновалентные, или монады;

G [Gl], Mg, Ca, Zn, Sr, Cd, Ba, –, –, Hg, Rd [Ra] – двухвалентные, или диады;

B, Al, Sc, Ga, Y, In, La, –, Yb, Tc [Tl], Ac – трехвалентные, или триады;

C, Si, Ti, Ge, Zr, Sn, Co [Ce], –, –, Pb, Th – четырехвалентные, или тетрады;

N, P, V, As, Sb, Pr [Nd], –, Ta, Bi, Po [Pa] являются истинными пятивалентными элементами, пентадами (например, PCl_5 , хотя из-за соединения двух колышков (pegs) они зачастую выглядят как триады. Их пентадные свойства особенно важны для объяснения некоторых свойств альбуминов;

O, S, Cr, Se, Mo, Te, Nd [Sm], –, W, –, U суть шестивалентные, гексады (благодаря совмещению связей походящие на диады);

F, Cl, Mn, Br, -, I – семивалентные, гептады (обычно представляющиеся монадами);

Fe, Co, Ni, Ru, Rh, Pd, -, -, -, Os, Tr [Ir], Pt – восьмивалентные, октады;

(Sm, Eu, Gd, Er, Tb, Bz [?], Cl [Ct] пока еще не нашли своего места в таблице.)

290. Таким образом, если элементы могут иметь структуру благодаря валентностям, я предлагаю читателю рассмотреть валентность элементов фанерона. Я вижу, мой читатель не желает следовать за мною. Почему? Или он боится принять мое предположение, так как оно несогласно с обыденным мнением? Ну хорошо, я признаю, что привношу в исследование толику личной убежденности. Так давайте подвергнем критике эти мои убеждения, не переходя собственно к наблюдению до тех пор, пока так или иначе полностью не избавимся от предвзятости.

291. Для начала зададимся вопросом на предмет того, нет ли у элементов фанерона иных формальных аспектов помимо валентности, которые отличали бы их один от другого? Но ясно, что возможность <выбора> указанного рода основания для деления зависит от возможности многовалентности, в то время как возможность деления сообразно валентности ни в коем случае не может быть следствием отношений связей. Следовательно, всякое деление согласно вариациям таких отношений должно рассматривать как вторичное по отношению к делению сообразно валентностям, если последнее вообще имеет место. Таким образом (здесь логика моих рассуждений может показаться странной, но она верна), опираясь на мои десять трихотомий знаков,⁴ –

⁴ [См. письма к леди Уэлби. <Charles S. Peirce. Selected Writings (Values in a Universe of Chance), Dover Publications, Inc., New York, 1958. P. 380-432; Пурс Ч. Логические основания теории знаков. СПб., 2000. С. 278-342.> Эти десять трихотомий не следует путать с десятью совершенно независимыми классами знаков, приведенными в томе 2, кн. II. <См. указанное русское издание, раздел *Grammatica Speculativa*, §7-8.> Последние производны только от трех трихотомий, тогда как все десять трихотомий производят 66 не строго независимых классов знаков.]

если признать, что они независимы одна от другой (кстати, весьма невероятное предположение), – от которых производны классы знаков количеством:

$$\begin{aligned} 3^{10} &= (3^2)^5 = (10-1)^5 = 10^5 - 5 \cdot 10^4 \\ &\quad + 10 \cdot 10^3 - 10 \cdot 10^2 \\ &\quad + 5 \cdot 10 - 1 \\ &= 50000 \\ &\quad + 9000 \\ &\quad + 49 \\ &= 59049 \end{aligned}$$

(*Voila*, пример того, какую услугу может оказать примитивный счет!), число коих явно превышает возможности нашей памяти, – мне кажется, нам следует отложить дальнейшие деления вплоть до момента, когда они могут понадобиться.

292. Если, стало быть, имеет место некое формальное деление элементов фанерона, то должно быть и деление сообразно валентностям, и можно ожидать медад, монад, диад, триад, тетрад, и т.д. Некоторые из них следует откинуть заранее как невозможные, хотя не стоит при этом забывать, что таковые деления не совпадают с соответствующими разделами Экзистенциальных Графов,⁵ которые относятся только к явным неопределенностям (*explicit indefinites*). В нашем словоупотреблении медада будет означать неразложимую идею, логически отделенную от всякой другой идеи. Монадой следует называть элемент, который – помимо того, что он представляется относящимся к некоему субъекту, – не обладает иными свойствами, кроме тех, что наличествуют в нем безотносительно к чему-либо еще. Диадой будет элементарная идея предмета, обладающего определенными свойствами только относительно другого предмета, но безотносительно к третьему, какой бы категории тот не принадлежал. Триадой мы называем элементарную идею чего-либо, являющегося таковым, каково оно есть, благодаря двум отличным одно от другого отношениям к двум другим нечто, но независимо от какого-либо четвертого, и т.д. Некоторые из них, повторяю, очевидным образом невозможны. Меда-

⁵ [См. 4-ый том, кн. II.]

да будет лишь вспышкой, неким ментальным «световым эффектом», абсолютно мгновенным, бесшумным, не запоминающимся и не имеющим никакого следствия. Далее можно было бы утверждать – не совсем *a priori*, но с некоей долей априорности, присущей логике, а именно, с необходимостью вывода из факта существования знаков, – что должна быть и элементарная триада. Ведь если бы каждый из элементов фанерона был монадой или диадой, не вступающей в отношения тройственного тождества (*teridentity*)⁶, было бы невозможно выстроить ни одной триады. Так, отношение любого знака к своему объекту и интерпретанту с очевидностью есть триада. Триаду также можно различными способами сконструировать из пентады или из других элементов более высокого порядка. Вместе с тем, можно также доказать, и весьма просто, несмотря даже на кажущуюся сложность общего доказательства для данного случая, что ни один элемент не имеет валентность большую, чем три.

§3. Монады, диады и триады⁷

293. Доскональное изучение логики отношений подтверждает заключения, которые я сделал довольно давно. Оно показывает, что логические термины (*terms*) являются монадами, диадами, или полиадами, и что последние не имеют никаких радикально иных элементов, кроме тех, которые мы обнаруживаем у триад. Я, следовательно, разделяю все объекты на монады, диады и триады; и первым дальнейшим шагом будет выяснение того, что подразумевается под чистой монадой, свободной от всяких диадических или триадических примесей. Что мыслится в качестве диады (включающей монаду), очищенной от любых триадических наслоений, и что своеобразного привносит диада в монаду. И, наконец, что есть триада (включающая монаду и диаду), и что ее характеризует.

⁶ [См. 346.]

⁷ [*The List of Categories: A second Essay* (1894). В рукописи 300-301 предшествуют 293.]

§4. Неразложимые элементы⁸

294. Не сомневаюсь, что многие читатели остались недовольны, ибо фраза «неразложимый элемент» кажется им смешной. Это выражение, по сути, не менее ирландское (*Hibernian*), нежели, скажем, выражение «необходимое и достаточное условие» (как если бы «условие» не означало ничего кроме *сопутствующего*, а «необходимое» не являлось бы важным дополнением к «достаточному»). Логический анализ не есть анализ существующих элементов. Логический анализ – это выявление отношений между понятиями на том основании, что наряду с каждым данным или приобретенным понятием дается и его отрицание, и всякое иное отношение, являющееся результатом транспозиции его коррелятов. Последний постулат означает лишь идентификацию каждого из коррелятов и его отделение от всякого другого коррелята, без того, чтобы устанавливать среди них какой-либо последовательный (*serial*) порядок. Таким образом, «любить» и «быть любимым» рассматриваются как одно и то же понятие, равно как и «не любить» логически выражает его же. Комбинация понятий составляется из двух в каждом отдельном случае и означает бесконечную идентификацию субъекта одного из них через субъект другого, при том, что всякий коррелят принимается в качестве понятия. Из этого следует, что если одно понятие может быть четко определено (*defined*) как комбинация других понятий, и если эти последние не имеют более сложной структуры, нежели определяемое понятие, тогда оно считается *разложенным на* (*analyzed into*) эти понятия. Например, А является дедом Б тогда и только тогда, когда А является родителем кого-то, кто является родителем Б. В таком случае «быть дедом» разлагается на <понятия> «родитель» и «родитель». Таким же образом и «отчим», если не исключать возможность отцовства, разлагается на <понятия> «супруг» и «родитель»; а «свекор» – на «родитель» и «муж».

295. Поскольку рассмотренное нами предпосылается (*being premised*) *in primo*, то *a priori* нет противоречия в утверждении наличия элементов фанерона, которые таковы, каковы они суть, безотносительно к чему-либо еще, каждый завершен в самом себе,

⁸ [«Основания прагматизма», тетрадь 1 (1905).]

при условии, конечно, что они приспособлены к соединению. Мы объединим такие элементы и все, что к ним относится, под титулом *Первичное* (Priman). Несомненно, таковые должны иметь место, так как именно они и будут составными понятиями, которые не отсылают ни к чему иному. В конце концов, мы в общем сумеем абстрагироваться от внутренней структуры, сообщающей им их составной характер, посредством чего и получим неразложимые элементы.

296. *In secundo, a priori* нет противоречия в утверждении наличия неразложимых элементов, которые таковы, каковы они суть, относительно нечто иного, но независимо от какого-либо третьего. Таковой, например, окажется идея *инаковости* (otherness). Все подобные идеи и то, что ими обозначается, мы будем называть *Вторыми* (Secundan) (т.е. зависимым от второго).

297. *In tertio, a priori* нет противоречия в утверждении наличия неразложимых элементов, которые таковы, каковы они суть, относительно второго и третьего, но независимо от четвертого. Примером тому может служить идея *композиции*. Мы будем обозначать все, что отмечено как третье, или как средство соединения между первым и вторым, как *третье* (tertian).

298. *A priori* невозможно, чтобы имел место неразложимый элемент, который есть то, что он есть, относительно второго, третьего и четвертого. Очевидной причиной этого будет тот факт, что нечто, включающее в себя два, при помощи повторения будет включать любое число.⁹ Ничего не может быть проще, для философии же не может быть ничего важнее, нежели это.

299. Итак, мы *a priori* установили, что имеет место три категории неразложимых элементов, преднаходимые в фанероне: просто положительные совокупности; те, что определяются идеей зависимости, но не идеей комбинации; включающие комбинацию. Обратимся теперь к фанерону и посмотрим, что же мы на деле в нем обнаруживаем.

⁹ Постулированный таким образом, этот принцип, как кажется, не распространяется на ненумерические (abnumerical) множества. Однако он должен на них распространяться ввиду того, что ненумерическое определяется посредством комбинаций двух, да и не может быть иным, так как нет никакой формы комбинации, которая не сводилась бы к ней.

Глава 2

Категории в подробностях

А. Первичность

§1. Первоисточник категорий¹⁰

300. *Список категорий* – или, как называл их автор «Гермеса» Харрис (Harris),¹¹ «философские уложения» – это таблица понятий, выведенных из логического анализа мысли и рассматриваемых в качестве приложимых к бытию. Данное описание не просто отсылает к списку, который опубликован мною в 1867 году¹² и который мне хотелось бы здесь дополнить, но также к категориям Аристотеля и Канта. Категории Канта были многократно модифицированы различными критиками, такими как Ренувье и, в большей мере, Гегель. Мой первоначальный список возник именно из изучения таблицы категорий Канта.

301. Здесь я не стану выяснять границы применения логических понятий в метафизике. Я полагаю, что важность такого рассмотрения носит вторичный, во всяком случае, не первостепенный характер по отношению к вопросу о том, каковыми такие понятия могут быть. По моему глубокому убеждению, каждая категория должна оправдывать себя через индуктивное исследование, на основе которого ей может быть приписана только ограниченная и приблизительная значимость.

§2. Манифестация Первичности

302. Первичность преобладает в идеях новизны (freshness), жизни, свободы. Свободное есть то, что не предполагает за собой определяющего его действия другого. Но когда есть идея

¹⁰ [The List of Categories: A second Essay (1894).]

¹¹ [Джеймс Харрис, «Философские уложения» (*Philosophical Arrangements*, 1775).]

¹² [См. главу 6.]

отрицания другого, есть и идея другого. Такая негативность должна быть определена в качестве предпосылки, иначе мы не можем утверждать преобладания Первичности. Свободное может манифестировать себя только в неограниченном и неконтролируемом разнообразии и множественности, поэтому мы и определяем в них преобладание первого. В том же состоит и главный смысл кантовской идеи «многообразия чувственного». В кантовском понятии синтетического единства преобладает идея Троичности. Это единство, приобретенное или достигнутое, и его лучше было бы назвать тотальностью, ибо именно в идее тотальности данная категория себя изначально находит. Первичность преобладает в идее бытия, но не в силу абстрактности этой идеи, а скорее по причине ее самодостаточности. При этом Первичность в большей степени преобладает не в лишенном каких-либо качеств бытии, но в бытии особенного и своеобразного. Она преобладает также в переживании (*feeling*), отличающемся от объективной перцепции, воли и мысли.

§3. Монада¹³

303. Чистая идея *монады* не есть идея объекта. Так как объект – это нечто мне противостоящее. Однако она гораздо ближе к объекту, чем к понятию «самости» (*self*), еще более сложному. Должна иметь место некая детерминация, или «таковость» (*suchness*), иначе мысль невозможна. Но это должна быть не абстрактная «таковость», ведь она отсылает нас к «таковости» конкретной. Это должна быть конкретная «таковость» с некоторой степенью определенности, но определенности, которую нельзя понимать в том смысле, что она может быть большей или меньшей. Здесь нет места сравнению. Это есть «таковость» *sui generis*. Предположим, у меня в весьма сонном состоянии есть слабое, не объективированное, еще менее субъективированное переживание красноты, или солёности, или боли, или печали, или радости, или дрящейся музыкальной ноты. Это и будет наиболее

¹³ [The List of Categories: A second Essay (1894). В рукописи 303 идет за 293 и за ним следует 326.]

близкое подобие чисто монадического состояния переживания. Теперь же, чтобы конвертировать это психологическое, или логическое понятие в метафизическое, мы должны представить метафизическую монаду как чистую природу, или чистое качество в себе, не имеющее ни частей, ни свойств, и невоплощенное вовне. Такова чистая монада. Значения имен для «вторичных» качеств являются из всех наиболее близкими тому, что обозначает такую монаду.

§4. Качества переживаний¹⁴

304. ... Среди фанеронов могут быть названы некоторые качества переживаний, такие как: цвет анилина, запах эфирного масла, звук паровозного свистка, вкус хинина, качество, присущее переживанию, сопровождающему обдумывание математической задачи, или чувству влюбленности и т.д. Я имею в виду не действительный опыт перечисленных переживаний, прямой или полученный посредством памяти или воображения – действительный опыт включает качества переживаний как свой составной элемент – но качества сами по себе, которые суть чистые, не реализованные возможности (*may-bes*). Читатель, возможно, будет со мной не согласен. Если так, следует напомнить: в данном случае нас не интересует ни истинность высказывания, ни даже то, что поистине является. Должно обратить внимание на то, что слово *красный* означает неопределенное нечто, когда я говорю, что прецессия точек равноденствий настолько же красная, насколько и синяя; и означает то, что означает, когда я сообщаю, что красный анилин имеет красный цвет. Простое *качество* или таковость сама по себе есть не событие, каковым является наблюдение красного объекта, но чистая возможность. Бытие качества состоит единственно в том, что в фанероне *могло бы* иметь место некоторое обособленное позитивное «так». Когда я называю это качеством, я не имею в виду его «свойственность» субъекту. То есть фанерон есть нечто совершенно

¹⁴ [Из ст. «Логика, рассмотренная как Семиотика». Введение 2. Фанероскопия. Продолжение 287.]

особое по отношению к метафизической мысли, не вовлекающей в чувственное восприятие, а следовательно, и в качество переживания, которое полностью удерживается и вытесняется из действительности чувственного восприятия. Немцы обычно называют эти качества переживаниями, например – переживания *удовольствия или боли*. Мне это кажется просто приверженностью традиции, никогда не подвергавшейся серьезной проверке наблюдением. Я могу представить себе сознание, вся жизнь которого, бодрствует оно, дремлет, или крепко спит, не переполнена ничем, кроме фиолетового цвета или запаха гниющей капусты. В данном случае все зависит только от моего воображения, а не от того, что допускают законы психологии. Тот факт, что я способен это вообразить, показывает отсутствие у такого качества характера *всеобщности* в том смысле, в каком им обладает, скажем, закон тяготения. Ибо никто не смог бы вообразить, что данный закон обладает каким-либо бытием, если существование по крайней мере двух масс материи, или такой вещи как движение, было бы невозможно. Истинно общее не может обладать никаким бытием, если не существует некоторой перспективы его актуализации в некотором факте, который сам по себе не является законом или чем-то подобным закону. Качество переживания, как мне видится, можно вообразить и без привлечения некоторого события. Его бытие-в-возможности (*may-being*) вполне обходится без какой-либо реализации.

*§5. Переживание как нечто независимое
от сознания и неподверженное изменению*¹⁵

305. Попробуй представить себе, читатель, переживание красноты или фиолетовости без начала, конца и изменения; или звучания паровозного гудка, вечного и неизменного; или же вечного трепетного восхищения; или даже, скорее, того качества, которое могло бы вызвать *наше* восхищение, но само по

¹⁵ [Из «Апологии прагматизма» (*An Apology for Pragmatism*), которая была подготовлена для публикации в январе 1907 в журнале «Монист». См. 4.540.]

себе не имеет к этому никакой склонности. Предположим, мне захотелось спросить у тебя, в каких конституирующих весь универсум частностях эти и подобные им переживания отличаются от субстанции? Я могу догадаться, что ты ответишь следующее. Ничто из этого не может быть одним во всем универсуме по следующим причинам. Во-первых, потому, что потребуется сознание, которое испытывало бы это переживание и которое данным переживанием уже не будет. Во-вторых, и цвет, и звук, и даже трепет восхищения состоит из вибраций. В-третьих, ни одно из них не может длиться вечно вне течения времени. В-четвертых, каждое из них будет обладать качеством, определяющим в нескольких смыслах. Это оттенок, светочувствительность, насыщенность и яркость для цвета; звук же определяем посредством высоты, тембра (весьма сложного самого по себе), громкости и яркости; восхищение может быть более или менее чувственным, эмоциональным, возвышенным, и т.д. И, в-пятых, каждому из них потребуется физический субстрат, в общем-то, отличный от переживания как такового. Но мне хотелось бы указать на тот факт, что все перечисленное доступно нам только в качестве внешнего опыта. Ничто из этого не видится нам в цвете, не слышится в звуке и не переживается в живом чувстве. Следовательно, нет логической трудности в том, чтобы отказать им всем в наличии, и я сам, мне кажется, не усматриваю в этом никаких психологических затруднений. Предполагать, что существует течение времени, или степень яркости, высокая или не очень, кажется мне в нашем случае столь же неподходящим, как предполагать магнитное поле или реальность свободы прессы.

§6. Определение переживания¹⁶

306. Под переживанием я имею в виду состояние сознания, не предполагающее никакого анализа, сравнения или развития и не складывающееся в целом или части какого-либо акта, с помощью которого одно усилие сознания отличается от другого.

¹⁶ [Из ст. «Фанероскопия *φαν*» (Phanerogscopy *φαν*), задуманной для январского выпуска журнала «Монист» за 1907г.]

Переживание обладает собственным положительным качеством, которое само по себе таково, что не зависит от чего бы то ни было еще и не включает в себе ничего иного, кроме себя самого. Так что если переживание длится в течение некоторого времени, оно во всей своей полноте равным образом дано в каждый момент этого времени. Данное описание можно свести к определению: переживание есть пример такого рода элемента сознания, который есть то, что он есть положительно в самом себе, независимо от чего бы то ни было еще.

307. Значит, переживание не есть никакое событие, случай, нечто происходящее, поскольку происходящее не может происходить, если не существует такого времени, когда оно еще не происходило, так что оно есть не в себе, но относительно прошлого. Переживание есть *состояние*, собранное во всей своей полноте в каждый момент времени, пока оно длится. Но при этом оно не есть единичное состояние, ибо последнее не является точной копией (*reproduction*) себя самого. Ведь если такая копия находится в том же сознании, она должна иметь место в другое время. Следовательно, бытие переживания будет соотносено с конкретным временным отрезком, когда оно имело место, а это уже будет нечто отличающееся от самого переживания. Тем самым нарушается дефиниция переживания как того, что есть то, что оно есть, независимо от чего бы то ни было еще. Если копия одновременна переживанию, то она должна находиться в другом сознании, и, таким образом, идентичность переживания должна зависеть от того сознания, в котором оно находится – что, опять же, противоречит данной дефиниции. Таким образом, всякое переживание должно быть идентично любой своей точной копии (*duplicate*), а это равносильно тому, чтобы определить переживание как простое качество непосредственного сознания.

308. Следует заметить, что опыт переживания, передаваемый во внешнем ощущении, может быть репродуцирован в памяти – отрицать это представляется абсолютно бессмысленным. Например, вы воспринимаете некий цвет, соответствующий свинцовому сурику. Он обладает определенным оттенком, яркостью и тоном. Эти три элемента не присутствуют в переживании от-

четливо, каждый сам по себе, а следовательно, вообще не присутствуют в переживании, хотя и полагаются в нем, в соответствии с принципами науки о цветах, как выражение результатов определенных экспериментов с цветовым диском или каким-либо другим приспособлением. В этом смысле цветовые ощущения, выводимые в результате наблюдения свинцового сурика, передают определенный оттенок, яркость и тон, которые полностью определяют качество цвета. *Живость* <или ясность восприятия> цвета, тем не менее, независима ни от какого из трех указанных элементов и через четверть секунды после действительного восприятия существенно отличается в памяти от того, как она проявила себя в самом этом восприятии, хотя память при этом правильно передает оттенок, яркость и тон, истинность которых конституирует точную копию целого качества переживания.

309. Отсюда *живость* <*ясность*> переживания, или, более точно, – сознания переживания – независима от любого из компонентов качества этого сознания, а следовательно, независима от результирующего тех компонентов, чье качество-результат есть само переживание. Таким образом мы узнаем, чем ясность не является, и остается только выяснить, что же она такое.

310. Для настоящей цели будет полезным сделать две ремарки. Во-первых: всему, что бы ни находилось в уме, соответствует его непосредственное сознание, а следовательно, и переживание. Доказательство данной пропозиции очень поучительно в том, что касается природы переживания. Оно показывает, что если под психологией мы понимаем позитивную, основанную на наблюдении науку, изучающую ум или сознание, тогда – если согласиться с тем, что сознание как целое в любой момент времени есть не что иное как переживание – психология ничему не может нас научить о природе переживания, и мы не можем получить знание о каком-либо переживании путем интроспекции. Переживание совершенно недоступно для интроспекции именно потому, что представляет собой непосредственное сознание. Возможно, именно эту истину пытался – без особого успеха – ухватить Эмерсон, когда писал:

The old Sphinx bit her thick lip –
Said, «Who taught thee me to name?
I am thy spirit, yoke-fellow,
Of thine eye I am eyebeam.

«Thou art the unanswered question;
Couldst see thy proper eye,
Always it asketh, asketh;
And each answer is a lie». ¹⁷

Но что бы он ни хотел сказать, ясно одно: непосредственно данное есть все, что находится в сознании в настоящий момент. Вся жизнь сознания – в его настоящем. Но если задаться вопросом о содержании настоящего, вопрос всегда приходит с опозданием. Настоящее уходит, и все, что остается от него – неузнаваемо изменено. Человек может, правда, осознать, что в тот или иной момент времени, например, смотрел на образчик красного сурика и должен был видеть цвет, который, как это теперь выясняется, есть нечто положительное, *sui generis* и имеет природу переживания. Однако непосредственное сознание, разве что человек находится в полусне, не может быть без остатка заполнено ощущением цвета. И если переживание есть нечто абсолютно простое и не имеет частей – каковым оно, очевидно, и является – оно есть то, что оно есть, независимо от чего бы то ни было еще, а значит и от какой-либо части, которая была бы чем-то отличным от целого. Следовательно, если восприятие красного цвета не является целым переживания настоящего, оно не имеет ничего общего собственно с переживанием момента настоящего. Конечно, хотя переживание представляет собой непосредственное сознание, т. е. все, что может для сознания непосредственно присутствовать, все же сознание в нем отсутствует, ибо переживание не длится. Ведь мы уже видели, что

¹⁷ <Древняя Сфинкс для ответа не размыкает губ: / «Имя! Кто открыл тебе мое имя? / Смертный, послушай, ведь я твой дух, / свет зрачка – продолжение линий. / Ты – вопрос, не задетый ответом: / взор всегда обнажен пред светом. / Где вопросам пределов нет, / там с изнанки ответ – с изветом. – перевод Пристолова М.Ю.>

переживание есть не что иное как качество, т. е. нечто помимо сознания, а именно – простая возможность. Правда, мы можем определить, что представляет собой переживание в общем и целом, что, к примеру, это или то красное есть переживание. Мы можем с легкостью предположить, что некто должен иметь данный цвет как целое своего сознания на протяжении некоторого времени, и поэтому, в каждый отдельный момент этого времени. Но тогда этот некто никогда бы не знал ничего о своем сознании и не был бы способен мыслить ничего, что можно было бы выразить в виде пропозиции. У него не могло бы возникнуть соответствующей идеи, так как он был бы ограничен только переживанием цвета. Если вы осознаете, что должны были в тот или иной момент смотреть на данный образчик свинцового сурика, вы осознаете, что указанный цвет имеет некоторое сходство с вашим переживанием в тот момент. Но это означает ни больше ни меньше, как только то, что когда переживание уступает место сравнению, возникает сходство (*resemblance*). В самом переживании не присутствует никакого сходства, ибо переживание есть положительно то, что оно есть, независимо от чего бы то ни было еще, а сходство находит себя в сравнении с чем-то другим. [...]

311. Всякая сколь угодно сложная деятельность сознания имеет свое абсолютно простое переживание или эмоцию *tout ensemble*. Это вторичное переживание или ощущение возникает в сознании также, как качества внешнего чувства вызываются извне в соответствии с некими психическими законами. На первый взгляд кажется необъяснимым, что едва уловимая разница в скорости вибрации вызывает такое заметное различие качеств, как, например, различие между темной киноварью и фиолетово-голубым. Но не следует забывать, что именно в силу несовершенства нашего знания об этих вибрациях мы и представляем их абстрактно, как различающиеся только количественно. В поведении электронов уже можно уловить намек, что низкая и высокая скорости имеют различия, которые нами не осознаются. Многие удивляются, как мертвая материя может вызывать переживания в сознании. Я же, со своей стороны, вместо того, чтобы удивляться, как это может быть, склонен вовсе отрицать,

что это возможно. Новые открытия лишней раз напоминают нам, насколько мало мы знаем о том, как устроена материя. Моя точка зрения состоит в том, что психическое переживание красного вне нас (*without us*) возбуждает симпатическое переживание красного в наших чувствах.

*§7. Подобие переживаний различных модусов чувственности*¹⁸

312. Один из ранних шотландских психологов, не так уж важно, был ли это Дугальд Стюарт, Рид,¹⁹ или кто-нибудь еще, упомянул как-то в качестве яркого примера несопоставимости различных чувств, то, как некий слепой от рождения человек однажды спросил другого, вполне зрячего, не есть ли алый цвет нечто подобное звуку трубы. Конечно, этот философ ожидал, что мы все дружно потешимся такой путаницей в понятиях. Но то, о чем его пример на самом деле гораздо более красноречиво свидетельствует, — это смутность разума, — как его собственного, так и всех тех, кто не ушел далее условностей образования XVIII века и остался непросвещенным в вопросе сравнения идей, весьма отличных в своей природе. Ведь всякий, кто приобрел восприимчивость, необходимую для рассмотрения более тонких материй, — тот тип рассуждения, который наш шотландский психолог назвал бы «*интуициями*», с явным намеком на их иллюзорность — непременно признал бы определенное сходство между люминесцентным и чрезвычайно насыщенным алым цветом, подобным йодиду ртути, обычно выдаваемому за этот цвет, [и звуком трубы]. Я бы даже высказал предположение, что форма химических колебаний, вызываемых восприятием этого цвета, весьма может стать, будет некоторым образом походить на форму акустических волн звука трубы. Однако я воздержусь от этого хотя бы ввиду той очевидной истины, что наше слуховое восприятие полностью аналитично, так

¹⁸ [Из ст. «Дефиниция», 1910.]

¹⁹ [Reid, *Inquiry into the Human Mind*, ch. 6, sec. II. Cp. Locke. *Essay*, bk. II, ch. 4, §5.]

что мы остаемся невосприимчивыми к звуковой волне такой, какова она есть, и слышим лишь гармонические составляющие, независимо от тех фаз, в которые объединены вибрации соизмеримой длины.

§8. Простые данности как знаки²⁰

313. Простая данность (*presentment*) также может быть знаком. Когда наш слепец сказал, что он представлял алый цвет как нечто, подобное звуку трубы, он очень хорошо уловил его броскость. Звук, несомненно, является простой данностью, в то время как является ли таковой цвет,²¹ остается под вопросом. Некоторые цвета называют веселыми, другие – грустными. Эмоции, приписываемые тонам, еще более обыденны: тона суть знаки физиологических качеств наших чувств. Но лучшим примером остаются запахи, так они являются знаками в более, чем одном смысле. Хорошо известно, что запахи вызывают воспоминания. Это происходит отчасти потому, что, вследствие ли особенности связи обонятельного нерва с мозгом, или по иным причинам, запахи обладают замечательной склонностью к тому, чтобы *презентировать* (*presentmentate*) сами себя, т.е. занимать всю сферу сознания таким образом, что человек мгновение жи-

²⁰ [Из «Оснований прагматизма» (*The Basis of Pragmatism*), Тетрадь 2 (1905).]

²¹ «Что касается цветов, то есть определенная трудность в том, чтобы считать их простыми данностями, так как мы не можем признать их за простые элементы, вследствие их смешанности с пространственной протяженностью, которая суть нечто легко различаемое и очевидно не первичное (*priman*), ведь пространство по природе своей не может быть ограниченным. Цвет не может не только быть абстрагирован от пространства, он не может быть также и отвлечен (*prescinded*) от него. Он может быть лишь попросту отличен (*distinguished*) от последнего. В то же время нам вполне по силам *пренебречь* пространственным элементом и, тем самым, редуцировать его значение в данном случае. И я склонен считать, что цвета все-таки могут в каком-то смысле быть признаны в качестве презентаменов, хотя я и не способен сейчас привести полное доказательство». [Из «Оснований прагматизма», Тетрадь 1 (1905).]

вет почти исключительно в мире запахов. В исконной пустоте такого мира не возникает препятствий игре ассоциаций и полунамеков. Это один из способов, а именно, ассоциация по смежности, – каким запахи проявляют свою особенную знаковую природу. Но им также свойственно вызывать в памяти качества ментального и духовного рода. Это, должно быть, происходит благодаря ассоциации по сходству, если к ней мы относим все *естественные* ассоциации различных идей. По крайней мере, я не могу сказать, что же еще мы понимаем под сходством.

Любимые духи женщины, по-моему, некоторым образом согласуются с ее духовным настроем. Если она ими вообще не пользуется, то ее духовная природа не будет иметь никакого аромата. Женщина, носящая платье в фиолетовых тонах, сама обладает некоей особой деликатной стройностью. Из тех двоих моих знакомых дам, которые одевались в розовое, одна была весьма артистичной старой девственницей *a grande dame*, другая же оказалась очень шумной молодой матроной, к тому же ограниченного ума. Тем не менее, как ни странно, они были очень меж собой похожи. Те, кому нравится гелиотроп, кто пользуется «Франджипани»²² и тому подобным – мне довольно приятны и симпатичны. Конечно, должно быть небольшое сходство между запахом и тем впечатлением, какое у меня складывается о душе той или иной женщины.

§9. Сообщаемость переживаний²³

314. Философы, справедливо ставящие все под вопрос, хотели знать, есть ли основание полагать, что воспринимаемый одним человеком красный цвет выглядит также и для другого. Я признаю возможность незначительных отличий, но вернемся к примеру с тем слепцом, кто представлял себе красный цвет как подобие звука трубы. У него сформировалось такое мнение из разговоров окружающих его людей о цветах. И тот факт, что

²² <frangipani – марка духов.>

²³ [Неопубликованный отрывок 4-ой лекции из «Лекций о прагматизме» (*Lectures on Pragmatism*, 1903).]

я не был одним из них, но все-таки могу уловить определенную аналогию, показывает мне, что не только мое восприятие красного согласуется с чувствами других окружающих его людей, но и что его восприятие звука трубы было весьма сходным с моим. Я уверен, что мои переживания, вызванные восприятием красного цвета, очень схожи с переживаниями видящего красную тряпку быка. Что же до чувств моего пса, кажется, они очень и очень сильно отличаются от моих. Но когда я задумываюсь о том, как мало он озабочен визуальными образами, и какую важную роль в его мышлении играют *запахи*, – роль, аналогичную той, что играют *зрительные образы* в моем мышлении и воображении, – я уже более не удивляюсь тому, что аромат роз или цветов апельсинового дерева вообще не привлекает его внимания, и что миазмы, наиболее для него интригующие, весьма неприятны моему собственному обонянию. Он не рассматривает запахи в качестве источников удовольствия или отвращения. Для него они – источник информации. Точно так же и я не смотрю на голубой цвет как на нечто неприглядное, а красный цвет не вызывает у меня приступов бешенства. Тем не менее, я также знаю, что, например, музыкальные переживания моей собаки очень похожи на мои собственные, хотя его возбуждение при этом превосходит мое. Нам свойственны сходные эмоции и переживания, но его переживания имеют над ним большую власть. Вам никогда не убедить меня в том, что моя лошадь не симпатизирует мне, или что моя канарейка, испытывающая радость от общения со мной, не чувствует то же, что чувствую я сам. И именно мое интуитивное убеждение в том, что это так, служит мне достаточным доказательством того, что это действительно так. Мой друг-метафизик, спрашивающий, можем ли мы испытать чувства другого человека, а также одна моя знакомая скептически настроенная дама, человек, исключительно мне симпатичный, чьи сомнения по данному вопросу вызваны искренней симпатией к друзьям, – могли бы также поинтересоваться у меня, уверен ли я сам в том, что красный, виденный мною вчера, выглядит для меня таким же красным, и не играет ли память со мной некую скверную шутку. По опыту я знаю, что чувственные восприятия час от часу слегка разнятся друг от

друга. Но в общем у нас имеются весьма изобильные свидетельства в пользу того, что все же они где-то сходным образом знакомы всем существам, воспринимающая способность которых в достаточной степени развита.

315. Я слышу, как вы восклицаете: «Но ведь это не является *фактом*, это все необязательная поэзия!» Нонсенс! Плохой стих лжет, я сам это знаю. Но нет ничего правдивее поэзии истинной. И позвольте заметить, дорогие мои ученые друзья, что художники по сравнению с вами – наблюдатели более строгие, за исключением тех случаев, когда речь идет о конкретных нюансах, поисками которых занят естествоиспытатель.

316. Теперь вы заявляете, что все это уж очень походит на антропоморфизм. Я же отвечаю, что всякое научное объяснение естественных феноменов есть гипотеза, согласно которой в природе существует нечто, чему человеческий разум является аналогичным. И свидетельством того, что это так, служат все те многочисленные успехи науки, которых она достигла в применении к человеческой жизни. Успехи эти иллюстрируют данную истину по всему современному миру. И в свете достигнутых наукой огромных успехов отрицать наше право называться создателями Божиими и с чувством ложной стыдливости отворачиваться от антропоморфной концепции вселенной было бы по крайней мере несколько неблагоприятно.

§10. Переход к Двоичности²⁴

317. Все содержание сознания состоит из качеств переживаний. И это так же истинно, как и то, что все пространство состоит из точек, а тотальность времени – из мгновений.

318. Поразмышляйте о чем-либо как таковом, о чем-либо, что может быть рассмотрено таким образом. Возьмите целое, оставляя его части без малейшего внимания. В подобном упражнении можно приблизиться почти к совершенству и увидеть, что если мы все же его достигнем, то в сознании в этот момент не будет ничего, кроме некоего качества переживания. Такое качество пережива-

²⁴ [Из ст. «Прагматизм», фрагмент 2 (1910).]

ния, взятое само по себе, не будет иметь частей. В этом оно будет непохоже на всякое иное качество переживания. Само по себе оно не будет ни в коей мере напоминать (*resemble*) никакое другое качество, ибо сходство обретает свое бытие лишь в сравнении. Это будет чистое *первое*. А поскольку то же самое верно и для всякого иного объекта нашего рассмотрения, независимо от его сложности, то из этого следует, что в непосредственном сознании и нет ничего другого. Быть в сознании (*to be conscious*) не означает ничего иного, кроме как переживать (*to feel*).

319. Осталось ли теперь место для *вторых* и *третьих*? Не допустили ли мы ошибки, доказывая необходимость их наличия в фанероне? Нет, ошибки не было. Я уже отмечал, что фанерон состоит исключительно из качеств переживаний, так же как пространство состоит исключительно из точек. Если использовать мой неологизм, то в положении, согласно которому пространство воистину состоит только из точек, есть некий *протоидальный* аспект. В то же время остается очевидным, что никакое собрание точек – если использовать термин «собрание» просто для обозначения множественности, исключая идею объектов, собранных вместе, – невзирая на их числовую величину, не может конституировать пространство. [...]

320. Фанерон действительно включает в себя истинные *двоичности*. Когда вы стоите у приоткрытой двери и держите руку на ручке с намерением войти, вы испытываете невидимое глазу, безмолвное сопротивление. Вы прикладываетесь к двери плечом и собираете свои силы для очередной попытки. Усилие подразумевает сопротивление. Нет усилия без сопротивления, как нет и первого без последнего в нашем или любом из возможных миров. Из чего следует, что усилие не есть ни переживание, ни нечто *первичное* или протоидальное. Есть переживания, связанные с ним. Они суть некая сумма сознания во время совершения усилия. Действительно, вполне можно предположить, что человек способен прямым образом (*directly*) собрать воедино все эти переживания, как, впрочем, и любые другие. В любом возможном мире он никак не смог бы сконцентрировать усилие, для которого не существовало бы соответствующего ему сопротивления. – Абсурдно было бы предположить, что человек может ис-

пытывать прямое желание противостоять этому же самому желанию. В том, что именно так обстоят дела, убедиться до крайности легко. Согласно такому психологическому анализу, который мне по силам провести, усилие есть явление, которое возникает только тогда, когда одно чувство накладывается на другое во времени, и впоследствии возникает всегда. Однако, мои возможности как психолога весьма ограничены, если вообще имеются, и я упомянул свою теорию только затем, чтобы на контрасте показать читателю всю тщетность собственно психологического рассмотрения нашего вопроса, а именно, выявления природы того, что наличествует в нашем уме, когда мы совершаем усилие, и что конституирует это усилие.

321. Мы живем в двух мирах: мире фактов и мире фантазий. Каждый из нас привычно полагает себя творцом собственного воображаемого мира. Он считает, что в этом мире вещи существуют по его желанию, которое не требует усилия и которому ничто не может сопротивляться. И хотя такое убеждение слишком далеко от истины, чтобы я не усомнился в том, что большая часть читательского труда тратится теперь именно на фантазии, все же для первого приближения к истине достанет и этого. Мы называем мир фантазии внутренним миром, мир факта для нас – нечто внешнее. И в этом последнем каждый из нас хозяин своих произвольных мышц и ничего более. Но человек изобретателен и стремится извлечь из того, чем он обладает, больше, нежели может показаться необходимым. Защищаясь от упрямых фактов, он делает мир для себя привычным и полным удобств. Не стремись он приобрести привычки, он бы всякий раз вынужден был обнаружить, что его внутренний мир потревожен, а его желания обращены в ничто грубыми вторжениями извне. Я объясняю такие вынужденные изменения способов мышления влиянием мира фактов или *опыта*. Привычки подобны одежде, которую человек латает, пытаясь выяснить природу и причины этих внешних вторжений и изгоняя из своего внутреннего мира те идеи, которые приносят ему беспокойство. Вместо того, чтобы ждать, когда опыт застигнет его врасплох, он, не причиняя себе вреда, провоцирует его сам и в соответствии с результатами изменяет установки своего внутреннего мира.

В. Двоичность

*§1. Переживание и борьба*²⁵

322. Вторая категория, которую нам следует рассмотреть, следующая наипростейшая черта, имеющая место во всем, что предстает нашему уму, есть элемент борьбы (struggle).

Она находит себя даже в такой рудиментарной составляющей опыта, как простое переживание, ибо переживание всегда обладает той или иной степенью ясности или живости. Жизнь представляет собой взаимообразное движение, возникающее в результате столкновения действия и противодействия между нашей душой и стимулом. Даже если, пытаясь отыскать идею, не содержащую в себе элемент борьбы, мы вообразим универсум, состоящий из одного единственного качества, всегда остающегося неизменным, наше воображение все равно должно обладать той или иной степенью устойчивости, иначе мы не могли бы думать или задаваться вопросом о существовании объекта, имеющего некоторую положительную таковость. Устойчивость гипотезы, позволяющая нам думать о ней, или, более точно – манипулировать ей в нашем сознании, ибо обдумывание гипотезы действительно состоит в том, что, учитывая ее, мы производим некоторый мысленный эксперимент – заключается в том, что если наши умственные манипуляции достаточно настойчивы, гипотеза будет сопротивляться своему возможному изменению. Далее, там, где не проявляет себя никакое сопротивление, не может идти речи и о борьбе или о каком-либо силовом воздействии. Под борьбой я имею в виду взаимодействие между двумя вещами, происходящее вне зависимости от любого рода третьего или посредника, в особенности от способного управлять действием закона.

323. Неудивительно, если находятся такие, кто предполагает, что идея закона играет существенную роль в идее взаимодействия между двумя вещами. Однако данное предположение совершенно неверно. Мы должны учесть простую вещь: ни один

²⁵ [Из «Лекций о прагматизме», II, первый вариант (1903).]

из тех, кто привык смотреть на мир с позиций детерминизма, еще никогда не оказывался в силах отучить себя от идеи о том, что он при любых обстоятельствах способен выполнить абсолютно любой волевой акт. Это один из ярчайших примеров того, как предвзятая теория может сделать человека слепым по отношению к фактам – ведь, как полагают многие детерминисты, никто в действительности не верит в свободу воли, – и тем не менее, высказывающий подобную точку зрения начинает в нее верить, как только прекращает теоретизировать. Так или иначе, данная проблема слишком незначительна, чтобы уделять ей еще больше внимания. Оставайтесь детерминистом, если это себя оправдывает. И все же, думаю, Вы должны принять, что ни один из законов природы не может заставить камень упасть, лейденскую банку – опустошиться, а паровую машину – начать работать.

*§2. Действие и восприятие*²⁶

324. [Имеет место категория,] к которой жизненная суматоха приучила нас относиться с большим уважением. Мы постоянно сталкиваемся с жесткими фактами. Так, мы ожидаем одного, или пассивно приняли нечто на веру, имея какой-то образ этого нечто в своем сознании, но опыт вынуждает нас предать его забвению, вытесняя самый образ его на задний план и направляя наши мысли в совершенно другую сторону. В некотором приближении можно сказать, что состояние сознания, в котором мы в этом случае пребываем, подобно тому, в котором мы пребываем, когда прикладываем плечо к двери и пытаемся ее отворить. Мы испытываем переживание сопротивления, и в то же время – переживание усилия. Нет сопротивления без усилия, и наоборот. Есть только два способа описания одного и того же опыта. Это можно было бы назвать двойным сознанием. Мы осознаем себя, начиная осознавать нечто, от нас отличное. Состояние пробуждения есть сознание противодействия, а так как

²⁶ [Из «Лоуэлловских лекций 1903 г». Лекция III, том 1, третий вариант. См. 343.]

сознание *само по себе* двусторонне, существуют две его разновидности, а именно: действие, когда изменение других вещей нами более значительно, чем их воздействие на нас, и восприятие, при котором оказываемое вещами на нас воздействие намного превосходит наше на них влияние. Понятие о том, что мы суть то, чем вещи заставляют нас быть, занимает столь важное положение в нашей жизни, что мы полагаем другие вещи существующими за счет их воздействия друг на друга. Понятие о другом, о *не-*, становится рычагом мысли. Этому элементу я даю имя *Двоичности*.

§3. Типы двоичности²⁷

325. Двоичность преобладает в идеях причинности и статической силы. Ибо причина и следствие образуют пару, а статическая сила всегда возникает внутри парного. Двоичность есть принуждение. Во временном потоке сознания прошлое оказывает прямое воздействие на будущее, следствием чего является память; будущее же воздействует на прошлое только посредством третьих (*thirds*). Феномены такого воздействия, имеющие место во внешнем мире, будут рассмотрены ниже. В чувственности и воле проявляет себя противодействие между *ego* и *non-ego* (каковое *non-ego* может быть осознаваемо напрямую). События воли, ведущие к действию, суть нечто внутреннее, и как волящие мы действуем в большей степени, нежели претерпеваем. События чувственности, предшествующие настоящему, не суть наше внутреннее. Кроме того, на объект перцепции (под которым вовсе не следует понимать нечто, непосредственно воздействующие на нервные окончания) воздействие не оказывается. Здесь, следовательно, мы претерпеваем, а не действуем. Двоичность преобладает в идее реальности, ибо реальное есть то, что навязывает себя как нечто *другое* по отношению к тому, что создано умом. (Следует еще учесть, что до того, как французское *second* перешло в английский, слово *другой* представляло собой порядковое числительное, использовавшееся в значении *два*).

²⁷ [Недатированный фрагмент.]

Реальное действует, что ясно уловимо, когда мы называем его *действительным*. (Это слово, благодаря аристотелевскому *ενεργεια*, действие, используется в значении «существующего» – как того, что противоположно состоянию чистой потенции.) Пропозиции дуалистической философии построены так, как если бы существовало только две альтернативы, не переходящие постепенно одна в другую. Например, мысль о том, что, пытаясь отыскать в феноменах закономерность, я должен связать себя пропозицией об абсолютной власти закона над природой, явным образом отмечена Двоичностью.

§4. Диада²⁸

326. *Диада* состоит из двух *субъектов*, сведенных воедино. Эти субъекты обладают модусом бытия в себе, но они также обладают и модусом бытия как первое и второе, связанные одно с другим. Их два, если не в действительности, то, по крайней мере, в каком-то аспекте. Между ними также имеет место своего рода союз. Диада не исчерпывается субъектами, она лишь имеет их в качестве одного из своих элементов. Помимо чего, она обладает таковостью монадического характера и таковостью, или таковостями, присущими ей как диаде. Диада сводит субъекты воедино, чем сообщает каждому из них некоторый характер. Таковых характеров два. Диада имеет также две стороны, согласно которым субъект рассматривается как первое. Эти две стороны диады образуют вторую пару субъектов, приписываемых диаде, у которых также есть собственный модус объединения. Каждому из них как субъекту диады также присущи определенные характеры.

Это описание показывает, что диада, в отличие от монады, обладает некоторым разнообразием чертам, все из которых представляют собой диадические отношения.

327. В качестве примера диады возьмем следующее. Бог сказал: «Да будет свет!» И стал свет. Нам не следует думать об этом как о стихе из «Бытия», так как «Бытие» в данном случае

²⁸ [Из «Списка категорий: эссе второе», в продолжение 303.]

будет уже третьим. Вместе с тем, нам не следует полагать, что данное высказывание приведено для нашего одобрения, или в качестве истинного суждения, так как все это, включая сюда наше одобрение, является третьей стороной. Мы должны думать только о Боге, созидающим свет словом. И не так, что слово и становление света были бы двумя фактами или событиями, но в их бытии нерасторжимым единством. Бог и свет являются субъектами. Акт творения здесь рассматривается не в качестве какого-то третьего элемента, но как таковость связи, имеющей место между Богом и светом. Диада сама по себе есть факт. Она определяет существование света и творчество Бога. Два аспекта диады суть, с одной стороны, Бог, вызывающий к существованию свет и, с другой, свет, обретающий существование и, тем самым, делающий Бога творцом. Последнее утверждение в данном примере есть не более, чем точка зрения, не отсылающая к реальности. Но это вызвано лишь специфическим характером выбранного примера. Из двух аспектов диады, таким образом, один в нашем случае является основополагающим, реальным и первичным, а другой – производным, формальным и вторичным.

328. Я выбрал этот пример из-за иллюстрируемой им идеи мгновенности. Если бы между причиняющим действием и его следствием разместился еще какой-либо процесс, он был бы посредничающим элементом, т.е. третьим. Троичность в категориальном смысле суть то же, что посредник. Вследствие этого, чистая диада есть акт произвола или слепой силы, так как если имеет место некий принцип или закон, главенствующий над нею, он выступает как посредничающее звено между двумя субъектами и осуществляет их соединение. Диада есть индивидуальное событие в его жизненном своеобразии, в котором нет никакого общего элемента. Бытие монадического качества представляет собой простую потенциальность, не наделенную существованием. Существование же исключительно диадично.

329. Следует отметить, что существование есть всегда проявление слепой силы. «Даже этот иссоп растет в своей трещине на стене лишь постольку, поскольку весь мир не смог этому помешать». Существование какого угодно атома не нуждается в

предопределяющем его законе. Существовать – значит просто быть наличным в некоем экспериментальном универсуме – будь то мир существующих в данный момент времени материальных вещей, переживаний или феноменов, или же сфера законов, – и это наличие подразумевает, что всякая существующая вещь находится в динамическом отношении с любой другой вещью данного универсума. Таким образом, существование диадично. Бытие же – монадично.

§5. Полярные дистинкции и воление²⁹

330. Если называть *полярным* любую дистинкцию между двумя равно определенными сущностями, которым не посредствует никакое третье (хотя их и разделяет нейтральность), то таковых во внешнем мире обнаружится не так уж много. Дистинкция между прошлым и будущим, с соответствующим двойным способом перехода от одного к другому (и последующими право- и левосторонними винтовыми и улиточными спиралями (spirals and helices), из которых, возможно, происходят магнитные и электрические полюса, – при том, конечно, условии, что здесь используется именно принятое нами значение «полярности»), правая и левая стороны тел, два пола. Кажется, что этими немногими примерами наш список исчерпывается практически полностью. Однако в гораздо более ограниченном мире психологии подобные полярности встречаются гораздо чаще и в основном имеют отношение к волеию. Так, удовольствие есть любой вид ощущений, которых человек ищет непосредственно и всегда. Боль – те, которых он всегда и немедленно стремится избежать. Должное и неправомерное также очевидно принадлежат волевой сфере. Необходимость и невозможность настолько непосредственно отсылают к волеию, что зачастую требуется специальное уточнение, если имеются ввиду их рациональная модификация. Слова «разумный» и «извращенный» подразумевают оценочное суждение, обладающее степенью свободы, сравнимой с ничем не ограниченной свободой выбора, в чем проявля-

²⁹ [Неопубликованный фрагмент.]

ется их волевая нагруженность. «Тезаурус» Роже (Roget) демонстрирует большую склонность психологии к *полярным* различиям. Любое более подробное изучение того, в какой степени этот факт обязан волею, увело бы нас слишком далеко от темы данной работы. Но оно показало бы, что дихотомия, означающая, что различаемых элементов только *два*, чрезвычайно часто (возможно, даже всегда) является порождением волевого акта. [...]

331. Несмотря на то, что подобное состояние сознания, называемое нами волеием, или желанием (*willing*), определенно отличается от простого восприятия того, что нечто было сделано, все же оно никогда не может быть полностью завершено, или вообще даже не имеет места быть вплоть до выполнения некоего условия. Человек, пытающийся толкать слишком тяжелый для него предмет с целью сдвинуть его с места, несмотря на все свои усилия, с относительной полнотой достигнет непосредственно желаемого лишь в одном возможном смысле – в смысле сокращения определенных мышц. Помните, во времена увлечений спиритизмом нас просили сесть подальше от стола и «*всей волевой мощью*» постараться сдвинуть его с места? Помните, как тяжесть наших вытянутых рук неосознанно заставляла кончики пальцев онеметь (ибо не бывает никакой «сознательной бессознательности»); притом, что имели место и иные физиологические последствия, которых мы вовсе не ожидали), в то время, как у нас не было никакой другой «мощи», позволяющей как-то влиять на положение стола, кроме как посредством наших мышц. Однако же совсем скоро, благодаря лишь желанию, нас посещало чудесное видение повинующегося нам стола. До тех пор, пока он не двигался, мы только *стремились*, но не *желали*. Когда некоторые психологи, в основном пишущие по-французски, – на языке, богатом тончайшими различиями, но ведущем, при попытке дать какую-либо аналитическую интерпретацию, к совершенно неверному пониманию того, что хочет выразить автор, так что он оказывается не слишком хорошо приспособлен к целям психологии и философии, – рассуждают о «непроизвольном внимании» («*involuntary attention*»), они могут говорить только об одной из двух вещей. Они имеют в виду либо *непредусмотренное* (*unpermeditated*) внимание, либо

внимание, возникшее из двух конфликтующих *желаний*. Не-взирая на то, что «желание» подразумевает отношение к воле-нию и что кажется вполне естественным предполагать, будто бы человек не может *хотеть* сделать то, делать что он не испыты-вает никакого желания, все мы очень хорошо знаем, что означа-ют слова «конфликт желаний», и насколько такие конфликты могут оказаться предательски обманчивы. Желание также мо-жет быть и не вполне удовлетворено волеием, т.е. тем, что че-ловек *сделает* (*will do*). Сознание данной истины представляет-ся мне лежащим в корне нашего понимания свободы воли. «Не-произвольность внимания», переведенная на корректный ан-глийский язык, означает противоречие *in adjecto*.

§6. *Ego u non-ego*³⁰

332. Триада – переживание, желание, познавательный акт – очень часто понимается как чисто психологическое разделение. Продолжительные серии аккуратно спланированных, и хотя лишь качественных, но все же последовательных и разнообразных са-монаблюдений и экспериментов, не оставили для меня сомнений в том, что в данных элементах налицо три отличных друг от друга модуса осознанности (*awareness*). Это, конечно, психологи-ческая пропозиция, однако здесь нам интересно не столько пси-хологическое содержание, сколько собственно различие между тем, что мы осознаем в переживании, желании и познавательном акте. Переживание есть качество. Но как чистое переживание оно не является предикатом какого-либо субъекта. Нам расска-зывают о человеке желчного склада ума, и подобная фраза хоро-шо выражает переживание, лишённое всякого разумного основа-ния. Переживание как таковое не анализируемо. Воление цели-ком и полностью дуально: делающий и страдающий, усилие и сопротивление, активное стремление и запрет, совершение дей-ствия над самим собой и над внешними объектами. Более того, существуют активные и пассивные (инертные) волевые акты:

³⁰ [Из ст. «Фанероскопия, или естественная история понятий» (*Phaneroscopy or the Natural History of Concepts*, (1905).)]

желание реформ и консервативные устремления. Шок, испытываемый нами, когда происходит что-либо особенно неожиданное, что привлекает наше внимание (в когнитивном аспекте – побуждение объяснить простые данности), есть лишь переживание волевой инерции ожидания. Он подобен хлопку водяного молота при его остановке, и сила такого хлопка, если ее измерить, будет мерой энергии консервативного стремления, натолкнувшегося на препятствие. Ослабленные варианты такого шока, без сомнения, сопровождают любой акт восприятия неожиданного события, а любое восприятие, так или иначе, неожиданно. Основываясь на проделанных экспериментах, я полагаю, что минимальная степень данного переживания представляют собой то чувство внешнего, присутствия *non-ego*, которое сопровождает акты восприятия вообще и позволяет нам отличать сон от яви. Оно наличествует во всяком переживании; здесь под переживанием я понимаю зарождение ощущения, ибо последнее для меня означает переживание за вычетом отнесения его к какому-либо конкретному субъекту. В моем словоупотреблении, когда впервые звучит душераздирающе громкий гудок локомотива, есть ощущение, которое, однако, перестает длиться, если звук продолжается хотя бы в течение минуты, или времени, близком к тому. В момент его прекращения налицо второе ощущение. Между ними расположилось состояние переживания.

333. Что касается удовольствия и боли, которые, по мнению Канта, как и многих других, составляют самую сущность переживания – по той ли простой причине, что их группа и та область психологии, на стороне которой я теперь себя нахожу, применяют термин «переживание» к различающимся между собой модусам осознанности, или же по причине ошибок, допущенных при анализе одной из сторон, – мы несомненно далеки от того, чтобы предполагать, что чистое, ни с чем не смешанное переживание – если только таковой элемент вообще может быть изолирован, – имело бы хоть малейшее отношение к боли или удовольствию. Ибо, по нашему глубокому убеждению, если бы имело место какое-либо качество переживания, равно присущее всякому приятному опыту или каким-то его компонентам, а другое качество переживания подобным же образом относилось

ко всякому опыту боли (в чем мы склонны усомниться, и это по крайней мере), тогда мы принимаем ту точку зрения, что первое качество представляет переживание «бытия-привлеченным», а другое – «бытия-отвергнутым» неким наличным опытом. Если имеют место два таких переживания, они суть переживания волевых состояний. Вероятно, однако, что удовольствие и боль все же суть не более, чем имена для состояний, которыми отмечено бытие-в-отвергнутости и бытие-в-привлеченности каким-либо наличным опытом. Несомненно, что таковые сопровождаются переживаниями, но, если принять эту гипотезу, ясно, что никакое переживание не будет равным образом присуще всякому удовольствию, и то же можно сказать о боли. Если наше мнение справедливо, то позиция, занимаемая гедонистами, совершенно нелепа, ибо они простые переживания наделяют ответственностью, в то время как таковые суть не более чем сознательные указания на реальные детерминации нашей бессознательной волящей природы. [Я упомяну, что их *высказывания* (каковы бы ни были на деле их мысли) нелепы в степени еще большей, поскольку, как представляется, пытаются убедить нас в том, что боль есть просто лишенность удовольствия, хотя совершенно ясно, что именно боль указывает на активную, а удовольствие – на пассивную детерминации нашей волящей природы.]

334. Что касается воления, я бы ограничил данный термин в одном смысле и распространил во втором. Я склонен ограниченно понимать его как мгновенное прямое диадическое сознание *ego* и *non-ego*, наличных и действующих друг на друга там и тогда. В одном действие в общем более интенсивно, в другом – более пассивно, но в чем точно состоит различие, я определить не берусь. Полагаю, как бы то ни было, что воля к привнесению изменений активна, а воля к сопротивлению – пассивна. Тогда ощущение, в существе своем, по определению имеет активный характер. В качестве возражения на эту точку зрения может быть выдвинуто соображение следующего характера. В соответствии со сказанным, волевое подавление рефлекса не должно обнаруживать никакого усилия; и возможно, что дефиниция различия между чувством внешнего (*sense of externality*) в волении и восприятии требует внесения в гипотезу некоторых изменений. Но важно,

прежде всего, [то, что] чувство внешнего в восприятии сводится к ощущению бессилия перед подавляющей энергией самого восприятия. Теперь, единственный способ, которым может быть получено знание о какой-либо силе, – посредством чего-то вроде попытки этой силе противостоять. Тот факт, что мы совершаем нечто похожее, демонстрируется шоком, настигающим нас, когда мы сталкиваемся с чем-то, совершенно для нас неожиданным. Это своего рода инерция ума, стремящегося к сохранению в неизменности состояния, в котором он пребывает. Нет никаких сомнений в том, что имеет место отчетливая разница между активным и интенциональным волеием мышечных сокращений и пассивным, лишенным интенции волеием, которое несет шок от неожиданного изменения и чувство внешнего. Вместе с тем эти волеия следует признать подобными один другому модусами двойственного сознания, т.е. осознания – одновременно и в одном и том же акте – *ego* и *non-ego*.

§7. Шок и ощущение изменения

335. Некоторые авторы настаивают на том, что опыт целиком состоит из чувственного восприятия. Возможно, что всякая составляющая опыта, и правда, в первый момент обращена к внешнему объекту. Тот, кто утром, к примеру, встал не с той ноги, обвиняет в этом все, что только попадается на глаза. В этом и состоит опыт, сопутствующий его плохому расположению духа. Однако было бы неправильным утверждать, что он *воспринимает* порочность, которую он несправедливо приписывает внешним объектам.

336. Мы воспринимаем внешние нам объекты, но то, что мы действительно получаем опытным путем – то, к чему слово «опыт» гораздо более применимо – есть событие. При этом нельзя считать событие в точности объектом нашего восприятия, ибо это потребует от нас того, что Кант называл «синтезом схватывания», хотя в данном случае мы, конечно, не ставим себе задачей в точности следовать его определению. Мимо меня стремительно проносится локомотив с включенным свистком. Когда он минует то место, где я стою, звук, как это и должно быть, изменяет тон на более низ-

кий. Я воспринимаю свисток. У меня есть ощущение звука свистка. Но я не могу сказать, что ощущаю изменение тона – у меня есть ощущение низкого тона свистка. Знание об изменении есть знание в большей степени интеллектуальное. Его я скорее познаю на опыте, нежели воспринимаю. С событиями, с изменениями восприятия нас сближает именно опыт. Внезапные изменения восприятия мы можем предельно точно охарактеризовать как шок. Шок представляет собой феномен воли. Долгий свисток приближающегося локомотива, как бы он не был мне неприятен, вызывает во мне определенного рода инерцию, так что внезапное понижение тона встречает определенного рода сопротивление. Так складывается факт. Ибо если бы сопротивление не оказывалось, во время изменения тона не происходил бы *шок*. Шок есть нечто безошибочное, и слово «опыт» мы используем, когда речь идет именно об изменениях и контрастах в восприятии. Опытным путем мы узнаем превратности перемен (*vicissitudes*). Мы не можем иметь опыт этих превратностей без опыта восприятия, претерпевающего изменения, однако понятие *опыта* шире понятия *восприятия* и включает в себе многое из того, что не является, в точном смысле этого слова, объектом восприятия. Опыт конституирует сковывающее нас принуждение, которое заставляет нас изменять ход наших мыслей. Принуждение не существует без сопротивления, сопротивление же есть попытка противостоять изменениям. Поэтому опыт должен включать в себя элемент усилия, который всякий раз придает ему особенный характер. Но мы, как только вполне определили этот характер, всякий раз расположены уступить влиянию, так что чрезвычайно трудно убедить себя в том, что хоть какое-то сопротивление имеет место. Мы, можно сказать, едва знаем о нем, разве что благодаря аксиоме, по которой никакая сила не может действовать там, где отсутствует сопротивление или инерция. У того, кто со мной не согласен, есть право самому исследовать проблему. Возможно, ему и удастся определить природу феномена сопротивления в опыте и его отношение к воле лучше, чем это сделано мной. Но я вполне уверен, что основным результатом его исследования неизбежно станет сам факт присутствия в опыте элемента сопротивления, не столь уж легко логически отделимого от воли.

С. Троичность

*§1. Примеры Троичности*³¹

337. Под третьим я имею в виду посредника или связующее звено между абсолютно первым и последним. Первое есть начало, второе – завершение (the end), третье – середина. Второе – это цель (the end), третье – средство. Третье – нить жизни; судьба, что обрывает ее – второе. Третье – развилка дорог, оно предполагает три пути; прямой путь, просто соединяющий два места, есть второе, но если это путь, на котором мы встречаем еще другие места – это третье. Позиция есть первое, скорость или отношение двух последовательных позиций – второе, ускорение или отношение трех последовательных позиций – третье. Скорость, постольку, поскольку она вовлекает непрерывность, также вовлекает в себя третье. Непрерывность – почти совершенная репрезентация Троичности. Всякое действие или процесс стремятся к нему. Сдержанность – также разновидность Троичности. Положительная степень прилагательного есть первое, превосходная – второе, сравнительная – третье. Всякое преувеличение в языке: «высочайший», «крайний», «несравненный», «наиважнейший» – привлекает ум, который думает о втором и забывает третье. Действие есть второе, поведение – третье. Закон как действующая сила – второе, порядок – третье. Сострадание, плоть и кровь, помогающее мне переживать и чувствовать то, что чувствует ближний, – это третье.

*§2. Репрезентация и всеобщность*³²

338. Идеи, в которых преобладает Троичность, как можно предположить, сложнее других и в большинстве своем требуют для своего понимания самого тщательного анализа. От мысли обычной, поверхностной элемент содержащейся в этих идеях

³¹ [Фрагмент «Третье» («Third», 1875).]

³² [338-9 – из недатированного фрагмента, 340-42 – из фрагмента «Троичность», 1895.]

Троичности ускользает, ибо слишком для нее труден, и в подробном прояснении некоторых из них необходимость не отпала до сих пор.

339. Простейшая из тех, что представляют интерес для философии – это идея знака или репрезентации.³³ Знак замещает собой (*stands for*) нечто, придерживаясь (*stands to*) некоторой идеи, которую он производит или изменяет. Говоря иначе, он представляет собой средство, передающее сознанию нечто извне. То, что он замещает, называется его *объектом*; то, что он передает – его *значением*; идея же, которую он порождает, называется его *интерпретантом*. Объект интерпретации не может быть ничем иным, кроме репрезентации, первая репрезентация которой есть интерпретант. Но бесконечный ряд репрезентаций, каждая из которых репрезентирует ту, что ей предшествует, вполне можно помыслить в имеющем своем пределе абсолютный объект. Значение репрезентации не может быть ничем иным, как только репрезентацией. Фактически, это не что иное, как репрезентация, взятая сама по себе, безотносительно ко всему, что ей не принадлежит в собственном смысле. Однако это несобственное окружение репрезентации никогда не может быть удалено полностью, – оно лишь может быть сделано более прозрачным. Так что здесь мы сталкиваемся с бесконечной регрессией. Наконец, интерпретант есть не что иное, как другая репрезентация, которая перенимает факел истины у той, которая ей предшествует; и, будучи репрезентацией, также обладает собственным интерпретантом. Итак, перед нами еще один бесконечный ряд.

340. Особого внимания, благодаря своей значимости для философии и науки, требуют следующие наиболее известные идеи Троичности: всеобщность, бесконечность, непрерывность, рассеивание, приращение, информация.

341. Рассмотрим теперь идею всеобщности. Всякий повар имеет в своем распоряжении поваренную книгу, содержащую совокупность правил, которым он следует в приготовлении пищи. Предположим, он хочет приготовить яблочный пирог. Должно

³³ [См. *CP* vol. 2, bk. II.]

помнить, что объектом нашего желания крайне редко, а возможно никогда не является нечто одно, некая конкретная вещь. То, что мы хотим, есть нечто, служащее причиной определенного рода удовольствия. Говорить о конкретном удовольствии значит пользоваться словами, лишенными какого-либо значения. Мы можем получить единичный опыт удовольствия, но само по себе удовольствие есть качество. Опыт всегда есть нечто единичное, но качества, как бы ни были они специфичны, не могут быть подвергнуты исчислению. Мне известно более двух дюжин различных видов металла. Я помню, что обследовал множество разных слитков, обладающих соответствующими качествами. Но лишь ограниченность моего опыта позволяет мне подвергнуть эти качества счету; на деле число качеств металла, которые я могу себе вообразить, просто бесконечно. Я могу вообразить бесконечное качественное разнообразие между оловом и свинцом, или между медью и серебром, между железом и никелем, между магнием и алюминием. Стало быть, нам нужен яблочный пирог – хороший яблочный пирог, изготовленный из свежих яблок, с умеренно тонкой корочкой, не слишком сладкий, в меру кислый и т.д. Но это не какой-то конкретный яблочный пирог, – это пирог, который должен быть испечен по случаю, и единственное, что мы можем сказать о нем вполне конкретно, это что он будет приготовлен и съеден сегодня. Для его приготовления требуются яблоки, и, помня о том, что в подвале хранится наполненный яблоками бочонок, повар спускается туда и отбирает самые лучшие. Вот вам пример следования общему правилу, который направляет повара в его действиях. Он много раз видел предметы, называемые яблоками, и подметил для себя их общее качество. Теперь он знает, где и как их найти, и его устроят любые из тех, что не испорчены и достаточно свежи. То, что желательно повару, представляет собой нечто, обладающее некоторым данным качеством; то, что он берет – это или другое конкретное яблоко. Природа вещей такова, что он не может взять качество, но должен выбрать какую-то конкретную вещь. Ощущение и воление как то, что проявляет себя через действие и соответствующее ему противодействие, связывают себя с конкретными вещами. Повар видел конкретные

яблоки и может взять только конкретные яблоки. Но желание не имеет никакого отношения к частным конкретным вещам, – это идея об идее, а именно, идея того, как приятно было бы мне, человеку, у которого есть собственный повар, съесть яблочный пирог. Как бы то ни было, однако, объектом желания является вовсе не свободное от воплощения качество; у меня есть мечта о том, чтобы отведать пирог, и желаемым является то, чтобы данная мечта была воплощена Мной (*realized in Me*). И это «Мной» (*Me*) есть объект опыта. Подобным же образом дело обстоит и с желанием повара. Нет конкретного пирога, который он предпочел бы подать к столу, но он действительно желает и намеревается подать пирог конкретному человеку. Когда он спускается за яблоками в подвал, то берет с собой любую вазу или корзинку, которая кажется ему подходящей, не заботясь о том, какую именно, но постольку, поскольку она чисто вымыта, обладает определенной вместительностью и другими качествами. Однако, выбрав ее, он намеревается положить несколько отобранных яблок именно в эту конкретную вазу. Он берет любые яблоки из тех, которые его устраивают, но, взяв их, намеревается теперь уже использовать их для приготовления пирога. Если, по возвращении из подвала, ему случится увидеть на кухне еще другие яблоки, он уже не возьмет их для пирога, если только, конечно, в силу каких-то собственных соображений, не изменит своего решения. В течение всего времени своей работы он будет руководствоваться идеей, или мечтой, лишенной конкретных «*вот это*» или «*вон то*» (*thisness or thatness*) – или, как мы говорим, «*этовости*» (*hessceity*), – к ней прикрепленных. Но эту самую мечту он желает реализовать в связи с объектом опыта, который, как таковой, действительно наделен некоторой *этовостью*. И поскольку он должен действовать, а действие соотносится только с нечто, которое должно быть конкретным «*это*» или «*то*», он должен непрерывно производить определенное количество случайных селекций, т.е. брать то, что представляется наиболее подходящим.

342. Мечта сама по себе не обладает никакой ярко выраженной троичностью. Напротив, она до крайности безответственна; она есть все что угодно, чему она потворствует. Объект опыта,

как нечто реальное, есть двоичность. Но желание, в смысле попытки отыскать способ соединить то и другое, представляет собой троичность, или посредника.

Подобным же образом дело обстоит с любым законом природы. Будь он просто нереализованной идеей – а закон и правда обладает природой идеи – он был бы чистой первичностью. Слушай, к которым он применяется, суть двоичности.

§3. Реальность Троичности³⁴

343. ... Для создания полного представления о том, что мы называем мыслью, двух рассмотренных категорий [Первичности и Двоичности] недостаточно. Мы можем теперь сказать, что Двоичность составляет основную массу происходящего в действительности, или, лучше сказать, Двоичность представляет собой доминирующий характер того, что произошло, или сделано *до настоящего момента*. Непосредственно данное, если бы мы могли ухватить его, имело бы своим единственным свойством Первичность. Я не имею в виду, что непосредственное сознание (которое, к слову сказать, представляет собой чистую фикцию), есть собственно Первичность. Я хочу сказать, что Первичность есть не являющееся фикцией *качество* непосредственно нами сознаваемого. Но мысль наша обращена в будущее. Далее, в соответствии с нашей концепцией, то, что нам предстоит (what is to be), никогда не может целиком стать прошлым, иными словами, то, что мы называем *значениями* – неисчерпаемо. Мы привыкли не находить никакой связи между тем, что некто <намеревается или> *назначает себе* (means) сделать и *значением* (meaning) слова. Или же считаем, что эти два значения слова «значение» связаны только тем, что оба отсылают к некоторой действительной умственной операции. Профессор Ройс в своем труде «Мир и индивид» с успехом опровергает данную точку зрения. Единственное различие на деле состоит в следующем: когда человек *назначает себе* сделать то-то и то-то,

³⁴ [«Lowell Lectures of 1903», III, vol. 1, 3d Draught. См. также 324 и 521.]

он пребывает в состоянии, вследствие которого грубое противодействие между вещами должно смениться приведением их отношений к соответствию друг с другом, так чтобы это соответствие имело ту форму, которую имеет сознание самого этого человека; в то время как значение слова состоит в том способе, которым, заняв правильное положение в выражающей убеждение пропозиции, оно могло бы помочь привести поведение человека в соответствие той форме, которую имеет оно само.³⁵ Значение всегда, с той или иной степенью успеха, в конечном счете сводит противодействие внешнего к собственной форме. Более того, только в силу выполнения этой функции оно и может быть названо значением. Поэтому я называю данный элемент феномена или объекта мысли Троичностью. Последняя есть то, что она есть благодаря тому, что приписывает качество возможному будущему противодействию.

344. Все мы испытываем сильную склонность скептически относиться к утверждению, что вещи содержат в себе какое-либо реальное значение или закон. Скептицизм этот в наибольшей степени присущ людям сильного и бескомпромиссного склада ума. Я, со своей стороны, преклоняюсь перед ним – при том условии, что его отличают четыре качества. Во-первых, если он обладает природой искреннего и исходящего из реальных оснований сомнения; во-вторых, если он агрессивен; в-третьих, если он провоцирует исследование; и, в-четвертых, если он всегда находит в себе силы подтвердить то, что он сомневается в том-то и том-то в ситуации, когда объект сомнений обнаруживает себя как таковой во всей своей полноте. Неприкрытая неприязнь по отношению к таким скептикам, которые, отдают они в этом себе отчет или нет, суть самые близкие друзья духовной истины, явный знак того, что выказывающий неприязненное отношение человек сам заражен скептицизмом. Но это скептицизм не здо-

³⁵ <Намерение *выплавляет* (moulds) форму соответствия между вещами, а значение способствует или *контролирует* приведение в соответствие с этой формой (tends to mould) поведения. Таким образом значение понятия, весь объем которого занимают гипотетические практические результаты, исполняет роль эффективного посредника между внутренней мотивацией и позицией действия.>

ровый и беспримесный, который действительно способен вывести на свет истину, а лживая, скрывающая свою истинную природу и рядящаяся в чужие одежды подделка, консервативная и в страхе избегающая истины, меж тем как истина означает не более чем способ следовать своему назначению. Если скептики полагают, что о феноменах данного универсума может быть дан любой отчет, и при этом оставляют в стороне Значение, пусть продолжают свое предприятие, не будем им в этом препятствовать. Это дело в высшей степени похвальное и стоящее. Но если они заходят настолько далеко, чтобы сказать, что подобная идея, несводимая к чему бы то ни было еще, вовсе отсутствует в наших умах, я говорю им в ответ: «Джентльмены, ваше стойкое убеждение, под которым я с чистым сердцем готов поставить собственную подпись, состоит в том, что тот, кто с полным правом может называть себя человеком, не позволит мелочным интеллектуальным пристрастиям ослепить себя настолько, чтобы утратить способность различать истину, состоящую в приведении собственной мысли в форму, соответствующую определенному им для себя назначению. Но вам должно быть известно и о том, что искренность может иметь некоторый скрытый дефект, осознать который человек часто бывает не в состоянии. У вас, несомненно, есть ясное понимание того, что если бы имел место элемент мысли, несводимый к какому-либо другому элементу, было бы крайне сложно, руководствуясь избранными вами принципами, дать отчет в том, что человек им обладает, если он не выводит его из окружающей его Природы. Однако, подумайте: если эта самая причина заставила бы вас отвести умственный взор от идеи, источающей в вашем сознании ярчайший свет, ваше преступление против собственных принципов было бы гораздо более радикальным».

345. Я кратко изложу доказательство того, что идея значения несводима только к идеям качества и противодействия. Оно основывается на двух главных посылах: (1) всякое подлинное триадическое отношение подразумевает значение в силу того, что последнее само по себе также есть триадическое отношение; (2) триадическое отношение не может быть выражено посредством только диадических отношений. Истинность первой из

двух указанных посылок, которая утверждает, что всякое триадическое отношение вовлекает значение, становится ясно далеко не сразу. Данное положение может быть исследовано двояко. Во-первых, физическая сила всегда пребывает там, где есть пары частиц. Об этом писал в своей работе «О сохранении сил» (*On the Conservation of forces*) Гельмгольц.³⁶ Возьмем любой пример триадических отношений в физике, – т. е. факт, определяемый только через одновременную референцию к каждой из составляющих некоторой триады. Какой бы пример вы не выбрали, у вас не будет недостатка в свидетельствах в пользу того, что такое отношение никогда не складывается при участии сил, действующих на основании только диадических отношений. Так, Вашей правой рукой будет та, что с *восточной* стороны, если Вы стоите лицом на *север* и головой к *зениту*. Восток, запад и точка зенита организуют факт различения между правым и левым. Если обратиться к химии, субстанции, вращающие плоскость поляризации вправо или влево, могут быть произведены только [подобными им] активными субстанциями. Их общая организация настолько сложна, что они не могли существовать, когда температура земли была еще очень высока, и как возникла первая из них – для нас остается большой загадкой. <Ясно лишь то, что> это не могло произойти под действием грубых сил. Для того, чтобы приступить ко второй части исследования, вам необходимо будет проанализировать отношения, начав с тех, чей триадический характер очевиден, и затем постепенно перейти к остальным. Так вы сможете убедиться, что всякое подлинное триадическое отношение затрагивает мысль или *значение*. Возьмем, к примеру, отношение *дарения*. А *дарит* предмет В некоему С. Эти отношения не сводятся к тому, что А выбрасывает В, который случайно попадает к С, как финиковая косточка джинну в глаз. Если бы дело обстояло таким образом, отношение не имело бы подлинно триадический характер, но представляло бы собой простую последовательность двух диадических отношений, в которых отсутствовал бы сам акт дарения.

³⁶ *Über die Erhaltung der Kraft, Einleitung* (1847). См. издание 1889 г., серия Ostwald's «Klassiker d. E. W.»

Дарение есть передача прав собственности. Право руководствуется законом, а закон управляется мыслью и обладает значением. Здесь я оставляю предмет на ваше собственное усмотрение и добавлю только, что хотя я и использовал слово «подлинный», оно в данном случае не так уж необходимо, ибо полагаю даже вырожденные триадические отношения затрагивающими нечто подобное мысли.

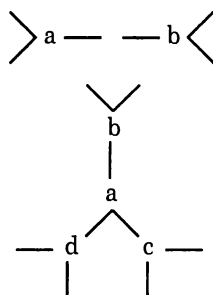
346. Вторая из приведенных предпосылок, утверждающая, что подлинные триадические отношения никогда не могут быть составлены из диадических отношений и качеств, становится предельно ясна на примере экзистенциальных графов.³⁷ Пятно с одной дугой $-X$ репрезентирует качество, пятно с двумя дугами $-R-$ репрезентирует диадическое отношение. Соединение концов двух дуг также дает диадическое отношение.³⁸ Но при помощи такого соединения Вы никогда не сможете получить граф с тремя дугами. Вы можете считать, что узел, соединяющий три линии тождества Y , не является триадической идеей. Однако анализ показывает, что это действительно так. В понедельник я вижу какого-то человека. Во вторник я также сталкиваюсь с неким человеком и замечаю: «Это *тот самый* человек, которого я видел в понедельник». Можно с полным основанием утверждать, что в данном случае имел место прямой опыт идентификации. В среду мне встречается какой-то человек, и я говорю: «Это тот человек, с которым я встретился во вторник, а значит, его же я видел и в понедельник». Теперь мы имеем уже идентификацию, выстроенную триадически. При этом о ней можно говорить только как о результате вывода из двух посылок, который сам по себе есть триадическое отношение. Если я вижу двух человек одновременно, я не могу иметь прямой опыт идентификации их обоих с человеком, которого я видел до этого. Я способен это сделать, только если рассматриваю их не в качестве *тех же самых*, но как две различные манифестации одного и того же человека. Но идея *манифестации* – это идея знака. Знак же есть некото-

³⁷ <О системе экзистенциальных графов см. Пирс Ч. Прологомены к апологии прагматизма. // Начала прагматизма. СПб., 2000. С. 219-287.>

³⁸ [CP vol. 4, bk. II.]

рое А, осуществляющее денотацию некоторого факта или объекта В для некоторой интерпретирующей мысли С.

347. Интересно отметить, что если граф с тремя дугами не может быть получен из графов, имеющих одну или две дуги, то из сочетаний графов, каждый из которых имеет три дуги, может быть построен граф с любым количеством дуг, превышающим три.

Подробный разбор показывает, что всякое *четверичное*, *пятеричное* или имеющее еще сколь угодно большее количество коррелятов отношение сводится, в конечном счете, к совокупности триадических отношений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Первичность, Двоичность и Троичность, которые организуют такое отношение, являются элементарными составляющими феномена.

348. Что касается весьма распространенной нерасположенности к признанию того, что *мысль* представляет собой действенный фактор реального мира, некоторые из причин таковой проследить не представляет труда. Во-первых, некоторые люди внушили себе, что в материальной вселенной не происходит ничего кроме движения, целиком и полностью детерминированного нерушимыми законами динамики, что, как они полагают, не оставляет места для какого-либо другого влияния. Но законы динамики покоятся на основании, в корне отличном от того, на которое ориентированы законы, описывающие действие гравитации, упругости, электричества и т.п. Законы динамики во многом, если вообще не во всем, напоминают логические принципы. Они лишь сообщают, каково будет движение тел после того, как сказано, какого рода силы задействованы, и, допуская

любые силы, допускают, тем самым, любое движение. Один лишь принцип сохранения энергии требует от нас дать объяснение определенных видов движения посредством гипотез, оговаривающих случаи с молекулами и проч. Так, дабы вписать в рамки указанного принципа такое свойство газов, как вязкость, мы должны предположить, что газы обладают таким-то и таким-то молекулярным строением. Итак, если мы объединим в одну группу законы динамики, каковые можно охарактеризовать не как положительные правила, но скорее как некоторые формальные принципы, у нас, за вычетом этой группы, останутся только законы гравитации, упругости и электричества, а также химические законы. Кто теперь отважится, взяв на себя весь груз ответственности, заявить, (1) что наше знание об этих законах является вполне достаточным для того, чтобы быть не без основания уверенными в их абсолютной вечности и неизменности; и (2) что они сами, в свою очередь, не подчиняются великому закону эволюции? Всякий наследуемый характер обладает силой закона, но он, вместе с тем, обречен на развитие и вырождение. Законом является и всякая индивидуальная привычка, но она чрезвычайно легко поддается изменениям посредством операции самоконтроля, следствием чего является очевидность того факта, что мысль и идеалы повсеместно оказывают громадное влияние на человеческое поведение. Истина и справедливость наделены величайшей властью в этом мире, и это высказывание является вовсе не риторической фигурой речи, но ясно констатирует факт, с которым следует соизмерять всякую теорию.

349. Ребенок, с его чудесной способностью к *языку*, естественным образом взирает на мир как нечто, управляемое законом, ибо мысль и выражение суть одно. Согласимся с Вордсвортом, который считает, что в этом ребенок чрезвычайно близок к истине, что он есть

eye among the blind,
On whom those truths do rest
Which we are toiling all our lives to find.³⁹

³⁹ ... дитя, глаза твои в толпе слепых / зрят тайны, чьи разгадки жизнью стоят – *перевод Коваль О.А.*

Когда же он подрастает, то теряет эту свою способность. Он взрослеет, и его родители стремятся напитать его разными ложными истинами, которые представляются им наиболее здоровой и благотворной пищей для развивающегося ума. Они не дают себе труда задуматься о его будущем, поэтому он вступает в реальную жизнь исполненный презрения к тому, что занимало его в детстве, и на место великой истины о том действенном влиянии, которое мысль изнутри оказывает на внешний мир, заступает ложь. Я предлагаю данное гипотетическое объяснение потому, что, если общее нежелание признавать за мыслью обладание реальной силой, или, по крайней мере, считать ее чем-то иным, нежели фикция или иллюзия, могло бы обрести под собой твердую почву естественным образом, оно бы озаботилось более сильными аргументами против признания обладания ею реальной властью.

§4. Протоплазма и категории⁴⁰

350. Итак, математическое рассмотрение – под которым я имею в виду исследование в такой степени чисто априорного и необходимого характера, в какой это может быть гарантировано мыслью, – подсказало и настоятельно потребовало реализации идеи классификации элементов фанерона и, таким образом, функций сознания, нервной системы и самой протоплазмы, каковая идея в отношении последней должна вызвать живой интерес у эмпирической науки. Вместо известного рода подразделений Тетенса (Tetens) или Канта, в которых в качестве трех категорий ментальных феноменов рассматриваются удовольствие-боль, познание и воление, мы предлагаем переживание, или качество, действие противостояния (action of opposition) и синтетическую мысль.

351. Что до протоплазмы, то три *кенопифагорейские категории*, как я их называю, а равно все, что с ними связано, – все это сосредотачивает наше внимание на трех очень отличающихся друг от друга свойствах указанного химического тела. Первое состоит в *posse*, которое оно в себе заключает, ибо *первичное* не

⁴⁰ [Из недатированного фрагмента.]

идет далее *возможностей* (can-bes), никогда не достигая <уровня> существования, которое обретается во взаимодействии, или *вторичности* (secundarity). Эта внутренняя сила, на которую данная категория лишь намекает, мы распознаем как силу переживания. Несмотря на то, что она первична, она, вне всяких сомнений, обнаруживает зависимость от крайне сложного строения молекулы протоплазмы, если только термин «молекула» может быть применен для обозначения столь замысловатой, нестабильной и лишенной единства системы. Однако, в соответствии с законом больших чисел, система крайней сложности, содержащая огромное множество независимых подобных (independent similars), дает в результате новую простую систему. Следующей идет противодействующая сила, двойственность (twoness), которая ярко выражена в феномене сосуществования нервных клеток. Это свойство, благодаря которому любое состояние крепкой сцепленности стремится распространить себя в веществе, содержащем белковые соединения. Мы привычно называем это свойство «сжимаемостью» (contractility). Далее, категории предполагают поиск синтезирующего закона, и таковой мы находим в проявлении способности к ассимиляции, частным случаем которой является способность к приобретению привычки. Вот все, к чему может быть сведено действие категорий. Они предлагают нам некий способ мысли, – сама возможность науки зависит от того факта, что человеческая мысль с необходимостью разделяет любой характер из тех, что рассеяны по всему универсуму, и что естественные модусы ее имеют определенную склонность быть также модусами действия универсума.

352. Занимаясь изучением логики, я обнаружил, что концепция кенопифагорейских категорий позволяет открыть многое и многое из того, на что до этого был накинута покров тайны.

§5. *Взаимозависимость категорий*⁴¹

353. Возможно, было бы неправильным рассматривать данные категории в качестве понятий. В сути своей они настолько

⁴¹ [Фрагмент из ст. «Раз, Два, Три» («One, Two, Three»), 1880.]

неуловимы, что скорее представляют собой тона или оттенки понятий. Когда я только еще начинал работу над списком, я выделил три уровня отличия идей друг от друга. Первый уровень составляют идеи, имеющие друг с другом настолько мало общего, что одна из них может быть представлена сознанию в образе, который вовсе не содержит другую. В этом смысле мы можем вообразить нечто *красное*, не представляя при этом ничего голубого и наоборот. Мы можем вообразить звук без мелодии, но при этом, воображая мелодию, не можем обходиться без звука. Данный тип разделения я называю *диссоциацией*. Второй уровень описывает случаи, в которых два понятия не могут быть четко отделены одно от другого в воображении, но при этом мы часто оказываемся способны полагать одно из них, не полагая другого, т.е. можем вообразить факты, которые должны привести нас к убеждению в возможности такого положения вещей, при котором одно из них отделено от другого. Так, мы можем думать о пространстве, не имеющем цвета, хотя и не можем на деле диссоциировать пространство от цвета. Такой тип разделения я называю *отвлечением* (*pre-scission*). Третий уровень описывает случаи, когда при том условии, что полагание одного элемента без другого абсолютно невозможно, они все же они могут быть отделены друг от друга. Так, мы не можем ни вообразить, ни допустить мысли о более высоком, если не допускаем более низкого, несмотря на то, что четко отличаем одно от другого. Такой способ разделения я называю *дистинкцией*. Итак, категории не могут быть диссоциированы в воображении ни от остальных идей, ни друг от друга. Первое может быть отделено от второго и третьего, а также второе от третьего через отвлечение. При этом второе не может быть отделено от первого, а третье – от второго тем же путем. Всякая категория может быть отделена через отвлечение от любого другого понятия, но не от нескольких понятий или элементов. Невозможно полагать первое, пока первое не будет чем-то определенным и более или менее определенно полагаемым. Наконец, хотя не составляет труда отличить все три категории одну от другой, чрезвычайно трудно четко и безошибочно выделить каждую из других понятий в ее чистоте, так чтобы она при этом не потеряла всей полноты своего значения.

Глава 3

Ключ к загадке^{42 P}

План книги

354. Раздел 1. Пункты Первый, Второй, Третий. Уже написаны.

Раздел 2. Триада в рассуждении. Еще не приступал. Надо сделать следующим образом. 1. Три рода знаков, как они лучше всего продемонстрированы в моей статье в «Ам<ерикэн> Джор<нэл оф> Мат<емэтикс>»⁴³. 2. Термин, пропозиция и аргумент, о которых говорится в моей статье о новом списке категорий⁴⁴. 3. Три рода аргумента: дедукция, индукция, гипотеза, как они показаны в моей статье в «Стадиз ин Лоджик»⁴⁵. Вдобавок, три фигуры силлогизма, как они показаны там же и в моей статье о Классификации Аргументов⁴⁶. 4. Три рода терминов: абсолютные, относительные и сопряженные, как это показано в моей первой статье о Логике Соотнесенных⁴⁷. Можно привести разнообразные другие диады. Двойные разделения в логике – результат ложного абсолютистского взгляда на вещи. Так, кроме утвердительных и отрицательных пропозиций, есть реально вероятные, и они – средние между двумя первыми, а кроме универсальных и частных есть все разновидности пропозиций численного количества. Например, частная пропозиция: Некоторые А суть В означает «По меньшей мере одно А есть В». Но мы также можем сказать: По меньшей мере два А суть В. И также: Все А кроме одного суть В, и т. д., и т. д.

⁴² [Ок. 1890 г. Один из набросков этой работы озаглавлен: «Заметки для книги, которая будет называться “Ключ к загадке” (“A Guess at the Riddle”) и под титулом которой будет помещена виньетка, изображающая сфинкса». За этим заголовком следовало замечание: «И эта книга, если вообще будет написана, а она будет написана уже скоро, если я окажусь в благоприятной для ее создания ситуации, станет одним из знаменательных порождений всех времен».]

⁴³ [CP 3.358 ff.]

⁴⁴ [См. ниже, гл. 6.]

⁴⁵ [CP т. 2, кн. III, гл. 8.]

⁴⁶ [CP т. 2, кн. III, гл. 2.]

⁴⁷ [CP т. 2, № III.]

ad infinitum. Мы переходим от двойного количества, или системы количества вроде Булевой алгебры, где есть только два значения переменных, к множественному количеству.

Раздел 3. Триада в метафизике. В этой главе, одной из лучших, должна трактоваться теория познания.

Раздел 4. Триада в психологии. Большая часть написана.

Раздел 5. Триада в физиологии. Большая часть написана.

Раздел 6. Триада в биологии. Предназначена показать истинную природу Дарвиновской гипотезы.

Раздел 7. Триада в физике. Этот раздел в зачаточном состоянии. 1. Необходимость начать с естественной истории законов природы, дабы можно было получить какое-то представление о том, чего ожидать в дальнейшем. 2. Логический постулат для объяснения запрещает допущение любого абсолюта. То есть он требует ввести Троичность. 3. Метафизика есть имитация геометрии; и поскольку математики объявили об отсутствии своих аксиом, метафизические аксиомы также обречены пасть. 4. Абсолютная случайность. 5. Универсальность принципа привычки. 6. Формулировка всей теории. 7. Следствия.

Раздел 8. Триада в социологии, или может быть стоит сказать: в пневматологии. О том, что сознание это нечто вроде публичного духа, обретающегося среди нервных клеток. Человек как сообщество клеток; сложные животные и составные растения; общество; природа. Переживание как подразумеваемое Первичностью.

Раздел 9. Триада в теологии. Вера требует от нас быть непреклонными материалистами¹⁸.

§1. Трихотомия^{49P}

Вероятно, я мог бы начать с замечания о том, как разные числа находили своих защитников. Пьер Рамю превозносил Двойку, Пифагор – Четверку, сэр Томас Браун – Пятерку, и т. д.

⁴⁸ [Последние два раздела, по всей видимости, написаны не были.]

⁴⁹ [Разделы этой книги изначально были названы «главами». У данного раздела есть несколько альтернативных версий. 1 и 2 из Предисловия взяты как раз из одной из них.]

Я со своей стороны ни в коем случае не враг ни одному из безвинных чисел – я уважаю и ценю их все, причем каждое по-своему. Однако в философии я вынужден признать за собой склонность к числу Три. Фактически, я так много употребляю трехчленные деления в своем умозрении, что видимо наилучшим было бы начать с небольшого предварительного исследования тех понятий, на которых такие деления покоятся. Я имею в виду идеи первого, второго и третьего. Идеи эти столь широки, что каждую надо рассматривать скорее как настрой или тон мысли, нежели как определенное представление, – но, несмотря на все это, они обладают огромной значимостью. Будучи взяты как числительные, которые применяются к любым, по нашему выбору, объектам, они и в самом деле лишь хрупкие остовы мысли, если вообще не просто слова. Захоти мы только делать перечисления, было бы совершенно неуместно спрашивать о значении чисел, которые нам предстоит использовать; однако предполагается, что философские дистинкции все-таки пытаются сделать нечто гораздо большее – что они предназначены дойти до самой сути вещей. А поэтому, если мы собираемся произвести хотя бы одно трехчленное деление, нам надлежит заранее спросить о том, что суть эти объекты: первое, второе и третье – причем не в качестве именно так сосчитанных, а в своем истинном характере. И мы сразу же обнаруживаем основание для того, что реально есть такие идеи, как первое, второе и третье.

356. Первое – это то, чье бытие есть просто в нем самом – оно ни к чему нас не отсылает и ни за чем не стоит. Второе – это то, что есть, каково оно есть, в силу чего-то, для чего оно второе. Третье – это то, что есть, каково оно есть, благодаря вещам, между которыми оно опосредует и которые приводит в отношении друг с другом.

357. Идея абсолютно первого должна быть полностью отделена от всякого понятия или всякой отсылки к чему бы то ни было еще; ибо нечто, содержащее второе, само есть второе по отношению к этому второму. Следовательно, первое должно быть наличным и непосредственным – чтобы не быть вторым по отношению к своей репрезентации. Оно должно быть свежо и ново, ибо, будучи старым, оно оказывается вторым по отношению к

своему предыдущему состоянию. Оно должно быть изначально, оригинально, спонтанно и свободно – иначе оно будет вторым по отношению к детерминирующей причине. Оно также есть нечто живое и сознательное – лишь бы оно избегало быть объектом какого-то ощущения. Оно предшествует всякому синтезу и всякой дифференциации: у него нет ни единства, ни частей. Оно неспособно быть артикулированно помыслено: сделайте о нем первое утверждение и оно уже утратило свою характерную невинность – ибо в утверждение вложено отрицание чего-то еще. Перестаньте о нем думать и оно уже случилось! То, чем был мир для Адама, когда он открыл глаза ему навстречу, – но прежде, чем что-то в нем различил, прежде, чем осознал собственное существование, – вот что такое первое, наличное, непосредственное, свежее, новое, изначальное, оригинальное, спонтанное, свободное, живое, сознательное и мимолетное. Только помните, что всякое его описание обязательно солжет о нем.

358. Как первое не будет абсолютно первым, если мы помыслим его вместе со вторым, точно так же и чтобы помыслить второе в его полноте, мы должны изгнать из мысли всякое третье. Второе, следовательно, это абсолютно последнее. Но нам нет необходимости изгонять из второго идею первого – наоборот, мы не должны делать этого ни в коем случае: второе есть именно то, что не может быть без первого. Оно встречает нас в таких фактах, как другое, отношение, принуждение, эффект, зависимость, независимость, отрицание, происшествие, реальность, результат. Вещь не может быть иной, отрицательной или независимой без чего-то для нее первого – того, относительно чего она будет иной, отрицательной или независимой. И все же не таков самый глубокий род двоичности; ибо хотя первое в этих случаях может быть уничтожено, оно оставит реальный характер второго абсолютно неизменным. Когда второе претерпевает какую-то перемену из-за действия первого и зависит от него, тогда двоичность более подлинна. Однако зависимость не должна заходить слишком далеко – второе не должно быть всего лишь случайно присоединено к первому, потому что иначе двоичность выродится. Подлинное второе претерпевает, но сопротивляется – как мертвая материя, чье существование состо-

ит в ее инерции. Заметьте также: второе, дабы обладать финальностью (а мы видели, что она ему принадлежит), должно быть детерминировано первым в не подвижности и тем самым зафиксироваться – так, что неизменная фиксированность станет одним из его атрибутов. Мы находим двоичность в происшествии; ибо происшествие есть что-то, чье существование состоит в нашем с ним внезапном столкновении. К тому же сорту относится «твердый» факт, или, иными словами, нечто, которое вот оно есть и от которого нельзя освободиться усилием мысли – которое я вынужден признать как объект (или второе) наряду со мной самим – субъектом (или первым) и которое образует материал для напряжения моей воли.

Мы должны считать идею второго легко схватываемой. Ведь идея первого столь нежна, что вы не можете дотронуться до нее, не испортив, а идея второго особенно тверда и ощутима. Она вдобавок и знакома нам слишком хорошо – она навязывается нам каждодневно, она есть наш главный жизненный урок. В юности мир кажется свежим, а мы сами кажемся себе свободными; однако в лице предела, конфликта, ограничения и вообще двоичности мы сталкиваемся с поучительным опытом. С какой первичностью

«Только что построенный барк отчаливает от родного берега»;
с такой вторичностью он

«возвращается

С износившейся от погоды обшивкой и порванными парусами».

Однако сколь бы ни было знакомо это представление и сколь бы вынуждены мы ни были узнавать его за каждым поворотом, мы все же никогда не бываем способны его реализовать – мы никогда не способны непосредственно осознавать конечность или вообще что бы то ни было, кроме божественной свободы, не знающей границ в своей собственной изначальной первичности.

359. Первое и второе, деятель и претерпеватель, да и нет – категории, которые позволяют нам грубо описывать опытные факты, и ум довольно долго может обходиться исключительно ими. Но в конце концов обнаруживается их неадекватность – и третье оказывается здесь тем понятием, которое нам требуется.

Третье – это то, что ложится мостом над бездной, разделяющей абсолютно первое и последнее, и приводит их во взаимоотношение. Нам говорят, что у всякой науки есть качественная и количественная стадия. Так вот, качественная стадия имеет место тогда, когда достаточно двойных различий – вне зависимости от того, обладает ли данный субъект данным предикатом или нет. Количественная стадия наступает тогда, когда мы, не довольствуясь более подобными грубыми дистинкциями, требуем ввести возможный половинчатый вариант – нечто среднее между двумя возможными (в аспекте обладания качеством, обозначаемым предикатом) состояниями субъекта. Античная механика признает в силах причины, которые порождают движения как свои непосредственные действия, и тем самым не заглядывает дальше существенно двойственного отношения причины и следствия. Именно поэтому она не смогла добиться успеха в динамике. Галилей же и его последователи потрудились продемонстрировать нам, что силы суть ускорения, посредством которых постепенно возникает состояние скорости. Слова «причина» и «действие» продолжали употребляться, однако их старые понятия были отброшены механической философией – общеизвестный теперь факт гласит, что в таких-то и таких-то относительных положениях тела имеют такие-то и такие-то ускорения. Что же касается ускорения, то это – в отличие от скорости, которая есть отношение между двумя последовательными положениями, – отношение между тремя, а поэтому новое учение состояло в ведении соответствующего понятия тройственности. Вся современная физика построена на фундаменте этой идеи. Несомненно, что и современная геометрия обязана своим возвышением как раз сведению воедино несчетного числа различных затруднявших античную науку случаев. Нам позволительно даже сказать, что все великие шаги, сделанные во всех отраслях научного метода, состояли в увязывании прежде разрозненных случаев в одно отношение.

360. Мы легко можем узнать человека, мысль которого осталась главным образом на двойственной стадии, по его неумеренному использованию языка. Прежде, когда он был естественным, все для него было «отъявлено», «абсолютно», «несказан-

но», «крайне», «беспримерно», «высочайше», «бескачественно», «в корне»; но теперь, когда модно принижать и обесценивать, он столь же заметно выделяется смехотворной неуместностью своих выражений. Талисманом для таких умов служит принцип противоречия: в положение, которое они пытаются доказать – даже если оно ясно как день, – всегда вкрадывается развенчивающее его противоречие. Отметьте для себя ту удивительную беззаботность, с которой математики, со времен изобретения <дифференциального> исчисления, занимаются своим делом – они обращают не больше внимания на разносчиков противоречия, чем броненосец на пушки американского форта.

361. Мы увидели, что именно непосредственное сознание – прежде всего первое, а внешняя мертвая вещь – прежде всего второе. Очевидно, что похожим образом прежде всего третьим оказывается опосредующая между ними двумя репрезентация. Однако, не стоит пренебрегать другими примерами: первое есть действующий, второе – претерпевающий, а третье – действие, которым первое влияет на второе; между началом как первым и концом как последним происходит процесс, который ведет от первого к последнему.

362. Математики говорят, что если при измерении какой-нибудь линии заменить наш землемерный деревянный ярд ярдом, который помечен на бесконечно длинной жесткой линейке, то при всех передвижениях с целью приложить ее к последовательным участкам измеряемой линии две помеченных точки на этой линейке оставались бы фиксированными и неподвижными. С такой парой точек согласуется математический термин абсолюта – они, будучи измерены как отстоящие друг от друга на ярд, лежат на бесконечном удалении как в одну, так и в другую сторону. Такие точки либо будут реально отличены, либо будут совпадать, либо окажутся воображаемыми (в этом случае по обе стороны линии будет лежать лишь конечное расстояние) – в зависимости от отношения между способом измерения и природой измеряемой линии. Эти две точки суть абсолютно первое и абсолютно последнее, или второе, а вот всякая измеренная точка на линии обладает уже природой третьего. Мы видели, что понятие абсолютно первого избегает всякой нашей попытки

схватить его. В ином смысле то же верно и относительно понятия абсолютно второго. Однако абсолютно третьего вообще нет, ибо третье по самой своей природе относительно – и именно его мы всегда и мыслим, даже если нацеливаемся на первое или второе. Отправная точка универсума, Бог-Творец, это Абсолютное Первое; терминус универсума, Бог полностью явленный, это Абсолютно Второе; всякое состояние универсума в полученной измерением точке времени это третье. Если вы считаете, что есть только измеренное, причем отказываете ему в каком-либо стремлении – будь то стремление «куда» или «откуда», – вы рассматриваете пару точек, образующих абсолют, как воображаемые, и тем самым выдаете в себе эпикурейца. Если вы полагаете, что ход природы в целом определенным образом все же меняется, но убеждены, что ее абсолютный конец есть не что иное как Нирвана, от которой она однажды отклонилась, для вас две точки абсолюта совпадают, и это выдает в вас пессимиста. Но если ваш символ веры гласит, что весь универсум приближается к находящемуся в бесконечно удаленном будущем состоянию, общий характер которого разнится от наблюдаемого нами в бесконечно удаленном прошлом, для вас абсолют состоит в двух реальных и отличных друг от друга точках, и это означает, что вы – эволюционист⁵⁰. Таков один из вопросов, в решении которых человек может опираться только на собственные размышления. Однако, я убежден: читатель, сопровождавший меня в *моих* размышлениях, согласится, что один, два и три, будучи чем-то большим, нежели просто слова из считалки – вроде «на золотом крыльце сидели ...», – заключают в себе обширные, хотя и смутные, идеи.

363. Но меня спросят: что мешает нам, не останавливаясь на тройке, пойти дальше? Почему бы не найти новые понятия в четверке, пятерке, и так далее до бесконечности? Основание этому

⁵⁰ Последнее из названных воззрений есть также и воззрение христианского богословия. Теологи считают физический универсум конечным, но если рассмотреть тот универсум, который они признают существовавшим от века, нам станет видна разница между его состоянием в конце и в начале – ибо в конце всякое духовное творение будет исполнено и исполнено вовек.

есть, и оно заключается в следующем: если невозможно сформировать подлинную тройку посредством какой-либо модификации пары, не вводя притом чего-то иной, нежели единица и пара, природы, то четверка, пятерка и любое большее число способны быть образованы всего лишь сложением троек. Для пояснения я сначала воспользуюсь примером. Тот факт, что А одаривает В даром С, есть тройное отношение, и в таком качестве его никоим образом нельзя разрешить в какое-либо сочетание отношений дуальных. Действительно, троичность содержится в самой идее сочетания – ведь сочетание есть то, что оно есть, благодаря частям, приводимым им во взаимоотношение. Однако, даже не учитывая этого соображения, мы все равно не сможем построить факт «А одаривает В даром С» какой бы то ни было агрегацией дуальных отношений между А и В, В и С, С и А. А может обогатить В, В может принять С, А может поделиться <неким> С, и все равно А не обязательно даст С <некому> В. Для этого будет необходимо не только сосуществование приведенных дуальных отношений, но и их сплавление в единый факт. Таким образом, мы видим, что триада не анализируема в диады. Теперь, однако, я на примере покажу, что четверка разложима на тройки. Возьмем четверной факт: А продает С <некому> В по цене D. Мы имеем дело с составом из двух фактов: во-первых, что А осуществляет при помощи С некоторую сделку – назовем ее E; и, во-вторых, что эта сделка E есть продажа В по цене D. Каждый из приведенных фактов – тройной, и их сочетание производит самый что ни есть подлинный четверной факт. За объяснением такой поразительной разницы не надо далеко ходить. Дело в том, что дуальный относительный термин, например «любownik» или «слуга», есть что-то вроде пустой формы, в которой два места оставляются незаполненными. Я имею в виду, что мы, строя предложение вокруг такого принципиального для предиката слова как «любownik», вольны поставить на место субъекта все что угодно, и затем, дополнительно, также сделать что угодно объектом действия – то есть, в данном случае, любви. Однако тройной относительный термин вроде «дарящего», имея два коррелята, оказывается пустой формой уже с тремя незаполненными местами. Следовательно, если

мы возьмем два тройных соотношенных такого рода и заполним одно пустое место в каждом той же самой буквой, X (которая обладает силой лишь местоимения или идентифицирующего индекса), то, соединив их вместе, получим целое, в котором незаполненными останутся четыре места. Действуя похожим образом, мы можем добраться до любого превышающего тройку числа. Тем не менее, пытаясь сымитировать описанную процедуру с дуальными соотношенными и сочетая их при помощи X, мы обнаружим, что незаполненными в полученном сочетании останутся только два места – ровно столько же, сколько их было в каждом из изначальных соотношенных, взятом само по себе. Если дорога, в которой есть только троичные разветвления, может иметь любое число окончаний, то никакое умножение прямых дорог, приставленных концами друг к другу, не даст больше двух. Итак, любое, произвольно великое число можно построить из триад; и, следовательно, ни одна из содержащихся в этом числе идей не может в корне разниться с идеей трех. Я далек от отрицания того, что числа, большие трех, способны заинтересовать нас в аспекте их особых конфигураций, из которых могут быть получены более или менее общеприменимые представления. Однако они неспособны возвыситься до статуса столь же фундаментальных философских категорий, как те, что были рассмотрены нами выше.

364. Аргументация настоящей книги разворачивалась в уме автора по сути именно так, как она представлена: как в чем-то подобном игре «пойдем за ведущим» отслеживание трех понятий – из одной области мысли в другую. Изначально их важность дошла до меня в исследовании логики: они играют в ней столь примечательную роль, что я вынужден был направить свои дальнейшие поиски в область психологии. Найдя их и там, я не мог не спросить себя об их возможном присутствии в физиологии нервной системы. В незначительной степени опираясь на гипотетический метод, мне снова удалось обнаружить их присутствие; после чего, естественно возник вопрос о том, как они выглядели бы в теории протоплазмы вообще. Здесь мне показалось, что я набрел на ряд интересных размышлений, которые позволяли увидеть и природу протоплазмы, и сами эти понятия

с весьма поучительной точки зрения; однако лишь позже я привел свои мысли по этому предмету в тот порядок, в котором они изложены в Разделе 4. Я без труда последовал за этими понятиями и в царство естественного отбора, достигнув которого, был непреодолимо подведен к размышлениям о физике. Одним дерзким прыжком я оказался в саду, полном плодотворных и прекрасных указаний, исследование которых надолго задержало мое дальнейшее путешествие. Тем не менее, как только я был все-таки вынужден устремиться вперед, к изучению применимости наших трех идей в области наиболее глубоких проблем, связанных с душой, природой и Божеством, я сразу же увидел, что они должны привести меня в самое сердце этих первобытных таинств. Вот каким путем настоящая книга выростала в моем уме – и именно в таком порядке она была написана. Лишь эта первая глава оказалась более или менее мысленным послесловием к ней – на ранней стадии моего исследования я скорее всего считал поднимаемую в ней тему слишком смутной, чтобы обладать какой-нибудь ценностью. Вероятно, я разглядел в ней слишком большое сходство с многочисленными слабоумными сочинениями, над которыми сам привык насмехаться. Более глубокое исследование научило меня, что даже устами младенца может глаголить сила и что даже в слабоумном метафизическом вздоре может содержаться зародыш понятий, способных вырасти в важные и положительные учения.

365. Итак, поскольку вся моя книга – не что иное, как непрерывное развертывание одной триады идей, нам нет нужды более задерживаться на предварительной их экспозиции. Однако, одна их характерная черта не может не остановить на себе нашего внимания. Она заключается в том, что есть две отличных ступени Двоичности и три ступени Троичности. Близкую аналогию этому мы находим в геометрии. Конические сечения суть либо кривые, которые обычно так и называются, либо пары прямых, которые фигурируют уже как вырожденные конические сечения. Кубические кривые суть либо подлинные кривые третьего порядка, либо конические сечения в паре с прямыми, либо состоят из трех прямых – то есть вырожденные кубические кривые бывают двух порядков. Почти точно так же кроме

подлинной Двоичности есть и ее вырожденная разновидность, которая как таковая не существует, а только мыслится. Средневековые логики (следуя подсказке Аристотеля) различали между реальными отношениями и отношениями разума. Реальное отношение имеется в силу некоего факта, который был бы полностью невозможен, если бы любой из соотнесенных объектов был уничтожен, а отношение разума имеется в силу уже двух фактов, из которых только один исчез бы, произойди уничтожение любого из релятов. Таковы все подобия – ибо любые два объекта по природе подобны друг другу и на самом деле даже подобны сами по себе – в точности подобно любым двум другим. Только в отношении наших чувств и потребностей одно подобие считается более значимым, чем другое. Румфорд и Франклин были подобны друг другу в силу того, что оба были американцами; однако каждый из них был бы настолько же американцем, если бы другой никогда не жил на свете. Напротив, тот факт, что Каин убил Авеля, нельзя сформулировать как всего лишь агрегат двух фактов: одного касательно Каина и одного касательно Авеля. Подобия – не единственные отношения разума (хотя обладают данным характером в подавляющей степени), ибо контрасты и сравнения принадлежат к той же разновидности. Подобие есть тождество характеров; и это то же самое, что сказать, что разум собирает подобные друг другу идеи вместе, образуя одно понятие. Другие отношения разума соответственно возникают из идей, связываемых умом другими способами; каждое из них состоит в отношении между частями одного сложного понятия, или, как мы могли бы сказать, в отношении сложного понятия к себе самому в аспекте двух своих частей. Это приводит нас к рассмотрению той разновидности вырожденной Двоичности, которая не соответствует определению отношения разума. Тождество есть отношение, которое всякая вещь имеет к себе самой: Лукулл пиршествует с Лукуллом. Опять же, мы говорим об искушениях и мотивах на языке сил, как если бы человек испытывал принуждение извне. То же верно и относительно голоса совести: мы наблюдаем за своими переживаниями посредством рефлектирующего чувства. Эхо – это мой собственный голос, возвращающийся ответить себе самому.

Также, мы говорим об абстрактном качестве вещи, как если бы это была некоторая вторая вещь, которой первая обладает. Однако отношения разума и эти самосоотношения схожи в одном: они порождаются умом, приводящим одну часть представления в отношении с другой. Удобно было бы назвать все вырожденные вторые внутренними – по контрасту с внешними вторыми, которые конституируются внешним фактом и суть истинные действия одной вещи на другую.

366. Среди третьих есть две степени вырожденности. Первая есть там, где в самом факте нет Троичности или опосредования, но где есть истинная двойственность; вторая – там, где в самом факте нет даже истинной Двоичности. Возьмем сначала третьи, вырожденные в первой степени. Булавка сцепляет две вещи вместе, протыкая и одну, и другую: любая из них может уничтожиться, но булавка по-прежнему будет протыкать оставшуюся. Микстура сводит вместе свои ингредиенты, содержа каждый из них. Мы можем назвать эти третьи случайными. «Как я мог убить твоего сына?», – спросил купец, и джинн ответил: «Когда ты отбросил календарный камень, он ударил моего сына, который в это мгновение проходил мимо, и он умер не сходя с места». Здесь имелось два независимых факта: во-первых, что купец отбросил календарный камень, и, во-вторых, что календарный камень ударил и убил сына джинна. Будь камень нацелен в последнего, дело было бы иным – мы имели бы отношение нацеливания, и оно связало бы нацеливавшегося, вещь, которой нацеливались, и объект нацеливания в один факт. Какая чудовищная несправедливость и бесчеловечность со стороны джинна считать бедного купца ответственным за подобную случайность! Я помню, как плакал над этой историей, когда лежал у отца на руках, а он впервые рассказал мне ее. Конечно, справедливо, что человек, даже если он не имел злого намерения, считается ответственным за непосредственные следствия своих действий – но не за те, которые могли бы проистечь из них в результате время от времени имеющих место случайностей, а только за те, которые могли бы быть предотвращены разумными правилами осмотрительности. Сама природа, делая Троичность подлинной, а не всего лишь случайной, часто предоставляет место намерению разумного деятеля

ля: например, когда искра, как третье, падая на бочку с порохом, как на первое, причиняет взрыв, как второе. Но как природе это удастся? В силу того умопостижимого закона, в согласии с которым она действует. Если сочетать две силы в согласии с параллелограммом сил, их результат будет реальным третьим. И хотя любая сила может быть, посредством параллелограмма сил, математически разрешена в сумму двух других, причем бесконечно разными способами, подобные компоненты окажутся всего лишь порождениями ума. В чем же разница? Пока речь идет об изолированном событии, никакой разницы нет: реальные силы присутствуют в результирующей не более, чем какие угодно другие доступные воображению математика компоненты. То же, благодаря чему реальные силы все-таки оказываются реально суммированы в результирующей, это требующий присутствия именно этих, а не каких-либо других составляющих общий закон природы. В итоге подлинной Троичность делает умопостигаемость, или объективированный разум.

367. Теперь мы переходим к третьим, вырожденным во второй степени. Драматург Марло в чем-то причастен тому же характеру дикции, который роднит Шекспира с Бэконом. Сам по себе этот пример тривиален, однако здесь важен метод нашего обнаружения. В естественной истории опосредующие типы служат выявлению подобия между формами, сходство которых в ином случае могло бы ускользнуть от внимания или не получить должной оценки. В искусстве портрета фотографии опосредуют между оригиналом и уподобляющимся изображением. В науке диаграмма наблюдаемого факта или его моделирующее устройство-аналог ведут к дальнейшей аналогии. Отношения разума, которые образуют подобное тройное отношение, не обязательно все будут подобиями. Вашингтон был примечательным образом свободен от тех ошибок, с точки зрения совершенения которых большинство полководцев подобны друг другу. Кентавр – помесь человека и лошади. Филадельфия находится между Нью-Йорком и Вашингтоном. Подобные третьи могут быть названы опосредующими, или третьими сравнения.

368. Никто не станет предполагать, что, утверждая важность триады в философии, я тем самым претендую на какую

бы то ни было оригинальность. Во-первых, после Гегеля это предельвал всякий, о ком только можно подумать. Во-вторых, как раз оригинальности-то фундаментальным понятиям и следует избегать в первую очередь. Наоборот, тот факт, что человеческие умы всегда были склонны к трехчленным делениям, служит одним из соображений в их пользу. Другие числа становились объектом пристрастия разных философов, однако тройка на их фоне занимает выдающееся место – во все времена и во всех школах. Что же до Гегеля, то вы обнаружите: во всем наши методы являются собой глубокий контраст – я отвергаю его философию *in toto*. Тем не менее, у меня имеется известное к ней сочувствие, и мне кажется, что, обрати ее автор внимание на совсем несколько обстоятельств, он сам бы был вынужден прийти к необходимости революционизировать свою систему. Одно такое обстоятельство – двойное разделение, или дихотомия, второй идеи триады. Гегель обычно полностью упускал из виду внешнюю Двоичность. То есть он допустил совсем пустяковый недосмотр, забыв, что есть реальный мир с реальными действиями и взаимодействиями. Точнее говоря, недосмотр весьма серьезный. Не повезло ему и в том, что он оказался необычайно слаб с математической точки зрения – он демонстрирует это самым что ни есть элементарным характером своего рассуждения. Хуже того: тогда как вся суть его заявлений сводилась к тому, что философы пренебрегают Троичностью и не берут ее в расчет – что достаточно верно относительно философов теологического рода, с которыми он только и был знаком (ибо я не назову знакомством с какой-нибудь книгой, если человек заглядывает в нее, но не схватывает ее сущности), – он к сожалению не знал того обстоятельства, знание которого имело бы для него огромные последствия, а именно: что математики-аналитики в значительной степени избежали этой ошибки и что неуклонное следование идеям и методам дифференциального исчисления неизбежно привело бы к полному ее искоренению. Диалектический метод Гегеля – не более, чем слабое и рудиментарное применение принципов названного исчисления к метафизике. Наконец, план Гегеля, сводившийся к разворачиванию всего из абстрактнейшего понятия посредством диалектической процедуры, – хотя и не так абсурден, как думают экспе-

рименталисты, а наоборот представляет собой одну из необходимой частей научного дискурса, – упускает из виду слабость индивидуального человека, ибо последнему удерживать в руках подобное оружие попросту недостает сил.

§2. Триада в рассуждении⁵¹

369. Кант, этот Царь современной мысли, – вот кто первым заметил, сколь часто в логической аналитике встречаются *трихотомии*, или трехчленные деления. И в реальности так оно и есть: я долго и упорно пытался убедить себя, что это всего лишь плод воображения, но сами факты были не согласны избавить меня от данного феномена подобным способом. Возьмите любой обычный силлогизм:

Все люди смертны,
Илия был человеком;
Следовательно, Илия был смертен.

Здесь есть три пропозиции, а именно: две посылки и заключение; есть в нем и три термина: *человек*, *смертный* и *Илия*. Если одну из посылок мы поменяем местами с заключением, причем к обеим этим пропозициям присоединим отрицание, мы получим то, что называется косвенными фигурами силлогизма, например:

Все люди смертны,
Но Илия не был смертен;
Следовательно, Илия не был человеком.

Илия не был смертен,
Но Илия был человеком;
Следовательно, некоторые люди не смертны.

Таким образом, есть три фигуры обычного силлогизма. Правда, есть и другие модусы вывода, не подходящие ни под одну из

⁵¹ [Из «Один, два, три: фундаментальные категории мысли и природы» («One, Two, Three: Fundamental Categories of Thought and of Nature»), ок. 1885 г. По всей видимости, данная работа не входит в «Ключ к загадке», однако вставлена здесь редакторами как замена ненаписанного Раздела 2.]

приведенных разновидностей; но данное обстоятельство не отменяет того факта, что здесь мы имеем трихотомию. В самом деле, если мы проверим, что сама по себе есть фигура, называемая некоторыми логиками «четвертой», мы тоже обнаружим у нее три разновидности, соотносящихся друг с другом как три фигуры обычного силлогизма. Есть и полностью иной способ мыслить отношения фигур силлогизма между собой, а именно посредством конверсии пропозиций. Однако и с этой точки зрения сохраняются те же самые классы. Морган⁵² добавляет большое число новых силлогистических модусов, которые не находят себе место в подобной классификации и рассуждение в которых, имея особый характер, вводит принцип дилеммы. И все же, если рассматривать эти дилемматические рассуждения сами по себе, они точно таким же образом распадаются на три класса. Опять же, я показал,⁵³ что вероятные и приближительные методы науки, будучи либо Дедукциями, либо Индукциями, либо Гипотезами, с необходимостью классифицируются на идентичных принципах. Другие примеры присутствия в логике троек: утверждения о действительном, возможном и необходимом; три рода форм – Имена⁵⁴, Пропозиции и Выводы⁵⁵; утвердительные, отрицательные и сомнительные ответы на какой-либо вопрос. Есть и одна очень важная триада. Обнаружены три рода знаков, неизбежно присутствующих во всяком рассуждении: первый род – диаграмматический знак, или *икона*, который являет подобие или аналогию с субъектом дискурса; второй род – *индекс*, который, подобно указательному или относительному местоимению, приковывает внимание к какому-то частному объекту, но его не описывает; третий род знаков [или символ] есть общее имя или описание, которое обозначает свой объект посредством ассоциации идей или привычной связи, имеющейся между именем и обозначаемым характером.

370. Но есть еще одна триада, которая особенно проливает свет на природу всех остальных. Если конкретно, то мы обнару-

⁵² [Formal Logic, ch. 8. См. также CP 2.568.]

⁵³ [См. CP т. 2, кн. III, гл. 2 и 5.]

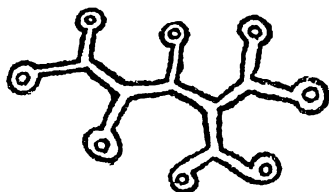
⁵⁴ [Или Термины, но см. 372.]

⁵⁵ [Или Аргументы.]

живаем необходимость признать наличие в логике трех характеров, трех родов фактов. Во-первых, есть *сингулярные* характеры, которые сказываются о единичных объектах и благодаря которым мы говорим, что что-либо бело, велико и т. д. Во-вторых, есть дуальные характеры, которые относятся к парам объектов и вложены во все относительные термины, вроде «любовник», «подобный», «иной» и т. д. В-третьих, есть плюральные характеры, которые все могут быть редуцированы к тройным – но не дуальным – характерам. Иначе говоря, мы не сможем выразить тот факт, что А есть благодетель <некоего> В, если как-либо по отдельности опишем А и В – мы должны ввести относительный термин. Это требование выполняется не только в английском, но и вообще во всяком языке, какой может быть изобретен. Это остается истинным даже для того факта, что А выше, чем В. Если мы говорим «А высокий, но В низкий», сопрягающая частица «но» имеет соотносительную силу, и пропусти мы ее, просто совмещение двух предложений, получившееся в остатке, окажется относительным или дуальным модусом обозначения. ...

371. Рассмотрим теперь какой-нибудь тройной характер, скажем, что А дарит <некое> С <некоему> В. Это не просто скопление дуальных характеров: недостаточно сказать, что А делится <неким> С и что В принимает С. Дабы сделать из этих двух фактов один, нужен синтез – мы должны выразить, что С, будучи тем, чем делится А, принимается при этом <неким> В. С другой стороны, если мы возьмем четверной факт, его будет легко выразить как состав из двух тройных фактов. ... Здесь мы способны выразить синтез двух фактов в одном именно потому, что в тройном характере свернуто содержится понятие синтеза. Анализ и синтез содержат идентичные друг другу отношения, и поэтому мы можем объяснить то, что все множественные факты подобным же образом способны быть сведены к фактам тройным. Дорога с развилкой – вот моделирующая система-аналог тройного факта: он сводит три окончания во взаимоотношение друг с другом. Дуальный факт подобен дороге без развилки: он связывает только два конца. Отсюда вытекает, что тогда как ни одно сочетание лишенных развилочек до-

рог не способно иметь более двух концов, сочетание дорог, обладающих хотя бы одним тройным узлом, способно связать любое число концов. Посмотрите

на рисунок, в котором я пометил концы как возвращающиеся в самих себя дороги – чтобы не вводить ничего лишнего, кроме самой дороги. Получается, что три существенных элемента сети дорог – это *дорога вокруг терминуса*, *связующая дорога* и *разветвление*. Точно таким же образом три фундаментальных категории факта – это факт об объекте, факт о двух объектах (отношение), и факт о нескольких объектах (синтетический факт).

372. Мы видели, что простое сосуществование двух сингулярных фактов составляет вырожденную форму факта дуального. Точно так же у плюральных фактов есть два порядка вырожденности, поскольку они могут состоять либо не более чем в синтезе фактов, из которых хотя бы один дуален, либо в синтезе просто сингулярных фактов. Это объясняет, почему должно быть три класса *знаков* – ведь имеется тройная связь между *знаком*, *обозначаемой вещью* и *произведенным в уме познанием*. Знак и обозначаемая вещь могут находиться только в отношении разума – в этом случае знак будет *иконой*. Либо между ними может быть прямая физическая связь – в этом случае знак будет *индексом*. Либо отношение между ними может состоять в том факте, что ум ассоциирует знак со своим объектом, – в этом случае знак будет *именем*⁵⁶ [или *символом*]. Теперь возьмите разницу между логическим *термином*, *пропозицией* и *выводом*. Термин – это просто общее описание, а поскольку ни *икона*, ни *индекс* общностью не обладают, он должен быть именем – он и не есть что-то иное. Пропозиция – это также общее описание, однако

⁵⁶ [Ср. 369.]

с термином ее разнит то, что она предназначена находиться с фактом в реальном отношении, быть им реально детерминируемой. То есть пропозиция может быть образована только посредством сочленения имени и индекса. Вывод также содержит общее описание. ...

§3. Триада в метафизике^p

373. Я кратко разберу все те понятия, которые играли важную роль в досократической философии, и посмотрю, как они могут быть выражены в терминах одного, двух и трех.

1. Из всех философских понятий самое первое – понятие первоматерии, из которой сделан мир. Именно это занимало Фалеса и ранних ионийцев. Они называли ее ἀρχή, или начало, и, получается, понятие первого было ее квинтэссенцией. Природа была для них чудом, и они спрашивали ее объяснения: откуда она произошла? Вопрос сам по себе хороший, хотя в общем-то глупо было предполагать, что они многое узнают, если доищутся, из какого рода материи она сделана. Однако спросить, как сформировалась природа, – и они без сомнения озадачивались этим, – отнюдь не исчерпывая всего вопроса, возвратило бы их назад только очень на немного. Они хотели дойти до самого начала сразу же, и в начале должно было оказаться однородное нечто – поскольку, по их предположению, наличие разнообразия всегда требовало дальнейшего объяснения. Первое должно быть недетерминировано, и недетерминированное первое чего бы то ни было есть материал, из которого оно сформировано. Кроме того, их идея гласила: нельзя сказать, как был сформирован мир, пока не знаешь, с чего начать свое объяснение. Индуктивный метод объяснения феноменов, шаг за шагом отслеживающий их прошлые причины, был чужд не только им, но и всей античной и средневековой философии вообще – это бэконовская идея. Да, недетерминированность реально характерна для первого – но не недетерминированность однородности. Первое полно жизни и разнообразия. И хотя разнообразие в нем лишь потенциально, то есть не находится там определенно, представление о том, что разнообразие в мире – главный источник их удивления – можно объяс-

нить не-разнообразием, было достаточно абсурдно. Как разнообразие появляется из чрева однородности? Только в согласии с принципом спонтанности – именно она есть то виртуальное разнообразие, которое перее всего.⁵⁷

§4. Триада в психологии^{58 P}

374. Путь рассуждения, которым я предлагаю теперь пойти, имеет свои характерные особенности и потребует для оценки силы этого рассуждения некоторого тщательного изыскания. В последнем разделе я вернусь к его критическому разбору, а пока хочу указать, что шаг, который я собираюсь предпринять и который аналогичен остальным предпринимаемым мной шагам, по своей природе окажется не настолько чистой догадкой, насколько могли бы предположить сведущие судьи научной очевидности. Мы видели, что в логике идеи одного, двух, трех накладываются нам и мы реально не можем без них обойтись. Мы встречаем их не однажды, но за всяким новым поворотом. Мы также обнаружили, что есть все основания посчитать их в равной степени важными в области метафизики. Как объяснить столь необычное преобладание этих понятий? Разве не должны мы объяснить его тем, что они имеют свое происхождение в самой природе ума? Именно такова форма вывода, к которому пришел Кант, и который в руках этого героя философии оказался столь неоспорим – я не знаю ни одного современного исследования, сумевшего хоть чем-то его опровергнуть. Мы, правда, больше не считаем подобное психологическое объяснение настолько же окончательным, насколько о том думал Кант. Однако, даже оставляя без ответа дальнейшие вопросы, само по себе оно кажется удовлетворительным. Мы обнаруживаем, что идеи первого, второго и третьего суть неизменные составляющие нашего знания. И либо они непрерывно даны нам в чувственном опыте, либо же ум особым образом вплетает их в наши мысли.

⁵⁷ [По всей видимости, это все, что написано в данном разделе; см., однако, *CP* т. 6.]

⁵⁸ [Ср. *CP* т. 8.]

Было бы ошибкой считать их материалом, поставляемым чувствами – первое, второе и третье не являются ощущениями. Они могут быть даны в чувственном восприятии только посредством вещей, которые мы наделяем именами первого, второго и третьего – именами, которые обычно не даются вещам. Поэтому они должны иметь психологическое происхождение. Нужно быть бескомпромиссным приверженцем теории *tabula rasa*, чтобы отрицать, что идеи первого, второго и третьего обусловлены врожденными наклонностями ума. Так что в моем суждении нет ничего, что отличало бы его от многого из того, что было сказано на этот счет Кантом. Я, однако, склонен не останавливаться на этом, и попробовать найти подтверждение полученному заключению, обратившись к независимым фактам психологии. Тем самым я хочу выяснить, можем ли мы обнаружить какие-либо следы существования трех частей, способностей души, или модусов сознания, подтверждающих полученный нами результат.

375. Три области проявления жизни сознания, принимаемые после Канта к рассмотрению большинством философов как само собой разумеющиеся, это: Переживание [удовольствия или боли], Знание и Воление. Единодушие, с которым всегда принимается данное разделение, довольно удивительно. Оно вовсе не берет свое начало собственно в идеях Канта, напротив – оно заимствуется им из догматической философии. Принимая его, Кант совершенно очевидно делает догматизму уступку, против которой ничего не возражает даже психология. А между тем основным учениям последней такое разделение совершенно противоречит.⁵⁹

376. В этом смысле психология открыта для целого ряда возражений, находящих свои основания как раз в том, на чем держится само разделение. Во-первых, желание содержит в себе элемент удовольствия в той же степени, что и элемент воли. Желание не то же, что воление. Оно представляет собой его умозрительную (*speculative*) разновидность, смешанную с умозрительным предожиданием удовольствия. Поэтому в определении тре-

⁵⁹ [Здесь в рукописи, по-видимому, отсутствует какое-то количество страниц. Вместо них были вставлены п. 376–8, которые взяты из «Один, два, три: фундаментальные категории мысли и природы».]

тей способности, продолжая учитывать волевой акт, мы должны отказаться принимать в расчет желание. Но волевой акт без желания не будет собственно желаемым (осознанно волевым; *not voluntary*), в этом случае он есть чистая активность. Следовательно, всякая активность, желаемая она или нет, должна быть отнесена к третьей категории. Так, внимание представляет собой род активности, который иногда желаем, а иногда и нет. Во-вторых, удовольствие и боль не являются истинными переживаниями и могут быть распознаны как таковые только в суждении – как приписываемые переживаниям общие предикаты. Остающееся же чистое пассивное чувство, которое не действует, не судит и, обладая всеми качествами, эти качества никак не обнаруживает – ибо ничего не анализирует и ничто ни с чем не сравнивает – является таким элементом всякого сознания, который как раз нуждается отличающем его от других названии. В-третьих, всякий феномен нашей сознательной жизни в той или иной степени есть познание, равно как и всякая эмоция, игра страстей, проявление воли. Но похожие модификации сознания должны иметь общую составляющую. Поэтому познание не имеет в себе никаких различий и не может быть признано основополагающей способностью. Если мы зададимся вопросом, существует ли в сознании элемент, который не является ни переживанием, ни чувством, ни активностью, то мы все же обнаружим нечто – способность к приращению знаний, восприятию, памяти, способность к логическому выводу и синтезу. В-четвертых, еще раз обратившись к рассмотрению активности, мы убеждаемся в том, что ее осознание возможно для нас только благодаря ощущению сопротивления. Сталкиваясь с препятствием, мы осознаем, что воздействуем на нечто, или что нечто воздействует на нас. Но происходит ли активность извне или внутри, мы узнаем не благодаря изначальной способности распознавать факт, а только по вторичным признакам.

377. Итак, остается признать, что истинными категориями сознания являются: первое, или переживание – сознание, которое может быть полностью заключено в том или ином моменте времени, пассивное качественное состояние, не осознаваемое и не поддающееся анализу; второе – ощущение сознанием вмеша-

тельства в его собственное поле, ощущение сопротивления, встреча с внешним фактом, с чем-то иным; третье – синтетическое сознание, связанный временной поток, приращение знаний, мысль.

378. Если мы принимаем эти категории и рассматриваем их как основополагающие простейшие модусы сознания, они допускают психологическое обоснование трех логических концепций: качества, отношения и синтеза или опосредования. Понятие абсолютно простого в себе, но проявляющего себя через свои отношения качества необходимо, когда объектом рассмотрения становится переживание или сингулярное сознание. Понятие отношения берет начало в идее двойственного сознания или ощущении действия и противодействия. Понятие опосредования возникает из рассмотрения множественного сознания или ощущения прибавления знания.

379. ... Мы запоминаем это [ощущение], т.е. имеем другое знание о нем, которое ответственно за его воспроизводство. Но мы знаем, что между содержанием памяти и ощущением не может возникать сходства. Во-первых, ничто не может иметь сходство с непосредственным переживанием, ибо сходство подразумевает расчленение и перестановку, которые совершенно невозможно произвести с непосредственным. Во-вторых, память представляет собой различаемую в своих частях совокупность и результат перестановок, бесконечно и неизмеримо отличающийся от переживания. Взгляните на красную поверхность и попытайтесь проникнуться этим ощущением, затем закройте глаза и вспомните то, что видели. Безусловно, память разных людей работает по-разному, и в некоторых случаях мы получим прямо противоположные друг другу результаты. Я, к примеру, не нахожу в своей памяти ничего похожего на визуальное восприятие красного цвета. Когда красная поверхность не находится у меня перед глазами, я ее вовсе не вижу. Некоторые утверждают, что могут ее очень смутно различить – это наиболее неудобный тип памяти, которая может воспроизвести ярко-красный как бледный или тусклый. Я помню цвета с необычайной точностью, так как долгое время упражнялся в наблюдении различных оттенков, но память моя не содержит никаких визуальных впечатлений. Она подчиняется привычке,

помогающей мне распознать цвет, который либо похож, либо не похож на тот, что я видел ранее. Но даже если память некоторых людей по природе своей склонна производить галлюцинации, остается еще немало доводов в пользу того, что непосредственное сознание или переживание есть нечто абсолютно ни с чем не сравнимое.

380. Существуют очень веские причины для возражений против того, чтобы ограничивать третье сознания единственно волей. Один крупный психолог сказал, что воля есть не что иное, как сильнейшее желание. Я бы не стал полагаться на эту точку зрения, ибо она упускает из виду факт, дающий о себе знать с навязчивостью, превосходящей всякий другой из наблюдаемых нами фактов, а именно – наличие существенного различия между мечтой и реальным положением дел. Данное различие не упирается в определение опытного знания, но заключено в способе, которым мы отмечаем то, что познаем посредством опыта. Если же некто позволяет себе смешивать желание и реальное действие – он очевидно грезит наяву. Так или иначе, кажется достаточно очевидным, что сознание воления не отличается – а если и отличается, то весьма незначительно – от ощущения. Ощущение, которое мы испытываем, когда воздействуем на нечто, очень похоже на ощущение, испытываемое нами при оказании воздействия на нас, поэтому оба эти ощущения следует отнести к одному и тому же классу. Общим элементом в них является действительность происходящего, ощущение реального действия и противодействия. Этот тип опыта характеризуется сильным чувством реальности, жестким размежеванием субъекта и объекта. Я спокойно сижу в темноте, и вдруг включается яркий свет. В этот момент я сознаю не процесс происходящего изменения, но нечто едва превышающее содержание самого момента. Я испытываю ощущение переворота, ощущение того, что данный момент имеет две стороны. Сносное описание тому, что со мной происходит, может дать понятие полярности. Итак, волю, как один из наиболее значимых типов сознания, мы заменяем ощущением полярности.

381. Но наиболее запутанным и неопределенным из трех членов рассматриваемого нами разделения в его обычной фор-

мулировке является Познание. Во-первых, в познании участвует абсолютно всякий тип сознания. Переживания – в той степени, в которой они принимаются в качестве одной из значимых частей феномена – формируют подоснову и саму текстуру познания. Даже в том вызывающем возражения смысле, в котором они предстают как переживания удовольствия и боли, они все равно суть непрменные составляющие познания. Воля в форме внимания также непрерывно участвует в познании, равно как и чувство реальности или объективности, т.е. то, что, как мы выяснили, должно при рассмотрении сознания занять место воли – и даже в более значительной степени. Но есть еще один элемент познания, не являющийся ни переживанием, ни ощущением полярности. Это сознание развития или приращенного знания, восприятия, умственного совершенствования, которое представляет собой важнейшую из характеристик сознания. Это тип сознания, которое не может быть непосредственным. Оно требует времени, и не только лишь в силу того, что длится, переходя от одного момента времени к другому, но и потому еще, что не может целиком содержаться в ни в одном из них. Оно отличается от непосредственного сознания подобно тому, как мелодия отличается от дрящейся ноты, равно как не исчерпывается и двусторонним сознанием внезапного события в его индивидуальной реальности. Это сознание синтеза, связующее звено нашей жизни.

382. Итак, мы имеем три радикально отличающиеся друг от друга элемента сознания, только эти, и никакие более. Они очевидным образом связаны с идеей простой последовательности чисел один, два и три. Непосредственное переживание есть сознание первого, ощущение полярности есть сознание второго, синтетическое сознание есть сознание третьего или опосредования.

383. Заметьте также, что в точном подобии обнаруженным нами двум порядкам Двоичности, ощущение полярности также делится надвое, причем двумя способами: во-первых, у него имеется активный и пассивный род, или воля и чувство, и, во-вторых, в нем есть оппозиция внешних воли и чувства и внутренних воли (самоконтроль, препятствующая воля) и чувства (интроспекция). Похожим образом, трем порядкам Троичности

соответствуют три рода синтетического сознания. Так как с невырожденной и реально типичной формой последнего мы сумели познакомиться не так хорошо, как с оставшимися – более полно исследованными психологами, – я остановлюсь на ней в последнюю очередь. Синтетическое сознание, вырожденное в первой степени, соответствуя случайной Троичности, присутствует там, где мы извне принуждены мыслить вещи вместе. Примером здесь служит ассоциация по смежности; но еще лучшим примером служит наша неспособность, охватывая впервые какой-то опыт, выбрать модус расположения собственных идей в отношении времени и пространства – мы вынуждены мыслить некоторые вещи более совместными, чем другие. Сказав, что мы вынуждены мыслить некоторые вещи вместе, потому что они находятся вместе во времени и пространстве, я бы поставил телегу впереди лошади; истинная формулировка данного обстоятельства заключается в том, что мы испытываем внешнее принуждение составлять эти вещи вместе в *нашем* конструировании времени и пространства, в нашей собственной перспективе. Синтетическое сознание, вырожденное во второй степени, соответствуя опосредующим третьим, имеется там, где мы мыслим разные вещи как подобные или различающиеся друг от друга. Поскольку же переживания сами по себе не могут сравниваться, а поэтому – быть подобными, то высказывание об их подобии означает всего лишь, что таковыми их считает синтетическое сознание, и последнее равносильно следующему: синтезировать или разделять их мы оказываемся вынуждены внутренне. Второстепенная форма этого рода синтеза является нам в ассоциации по подобию. Однако высший род синтеза ум вынуждают производить ни внутренние притяжения между переживаниями или даже сами репрезентации, ни трансцендентальная сила необходимости. Ум производит такой синтез в интересах умопостижимости, то есть в интересах самого синтезирующего «я мыслю» – причем делает это посредством введения идеи, не содержащейся в данных и устанавливающей между ними те связи, которыми иначе они не обладали бы. Этот род синтеза не был достаточно изучен, и особенно ускользнуло от должного внимания исследователей тесное отношение между его разными его вариациями. Между трудом поэта или романиста и трудом уче-

ного нет разительного контраста. Несмотря на то, что художник вводит вымысел, последний вовсе не произволен: он выявляет те родственные отношения, о которых ум с известным одобрением отзывается как о прекрасных; и хотя такая оценка не то же самое, что характеристика синтеза, как истинного, она все-таки принадлежит к тому же общему роду. Геометр чертит диаграмму, и она, не будучи фикцией, есть однако творение ума – посредством наблюдения такой диаграммы он становится способен синтезировать и демонстративно соотносить элементы, которые ранее не казались необходимо связанными. Реальности, вынуждая нас приводить одни вещи в более, а другие – в менее тесные взаимоотношения, делают это чрезвычайно сложным и для самого чувства непостижимым образом; однако именно гений ума извлекает пользу из этих подсказок чувства – многое к ним добавляя, делая их более точными и демонстрируя их в форме интуиций пространства и времени. Интуиция же есть усмотрение абстрактного в конкретной форме, осуществляемое посредством реалистического гипостазирования отношений – единственного метода сколь-либо ценной мысли. И полностью лишено глубины преобладающее представление о том, что этого метода следует избегать: вы могли бы одновременно заявить, что следует избегать рассуждения вообще, раз оно привело к стольким заблуждениям, – мысль в том же самом филистерском вкусе, и столь согласующаяся, вдобавок, с духом номинализма, что удивительно, почему никто ее еще не обнаружил. Истинное предписание заключается не в том, чтобы воздерживаться от гипостазирования, а в том, чтобы осуществлять его с умом (*intelligently*).⁶⁰ ...

384. Кант высказывает то ошибочное воззрение, что идеи представляются нам раздельно и уже затем мыслятся умом вместе. Таково его учение о предшествовании умственного синтеза всякому анализу. Но реально случается нечто иное. Некая вещь представляется нам и, сама по себе будучи несчастной, анализируется умом – иначе говоря, ее разделенность на части состоит в том, что ум впоследствии признает эти части в ней наличествующими. Реально такие частичные идеи в самой по себе пер-

⁶⁰ [Кажется, в этом месте рукописи не хватает нескольких страниц.]

вой идее отсутствуют, хотя из нее потом и выделяются, – просто мы имеем дело со случаем деструктивной дистилляции. Когда же, подобным образом выделив идеи, мы начинаем о них мыслить, нас против собственного желания влечет от одной мысли к другой, и как раз в этом заключается первый реальный синтез. Любой более ранний синтез – жалкая фикция. Все понятие времени принадлежит к подлинному синтезу, а потому здесь рассматриваться не должно.

§5. Триада в физиологии^р

385. Если есть три фундаментально разных рода сознания, из этого само собой вытекает, что для их объяснения должно быть нечто трехчленное в физиологии нервной системы. В эти слова я не вкладываю никакого иного материализма, кроме постулата о тесной зависимости от тела действий ума – зависимости, наличие которой всякий исследователь данного предмета должен признавать и в настоящее время действительно признает. И вновь теория делает предсказание – пока что только предсказание; иначе говоря, некоторые следствия из теории, которые не рассматривались при ее построении, оказываются ее необходимым результатом и при этом обладают таким характером, что их истинность или ложность можно выяснить независимо от самой теории. Обнаружь мы, что они явно и достоверно истинны, теория получила бы примечательное подтверждение. Я, однако, не могу заходить так далеко в своих обещаниях и лишь скажу, что они наверняка не ложны; здесь же нам предстоит удовольствоваться только обнаружением названных следствий – дабы увидеть, что они такое, и оставить их на суд будущих физиологов.

386. На самом деле два из трех родов сознания – простой и двойственный – получают свое физиологическое объяснение немедленно. Мы знаем, протоплазматическое содержание всех нервных клеток имеет свои активные и пассивные состояния, и нет нужды аргументировать в пользу того, что переживание, или непосредственное сознание, возникает как раз в активном состоянии нервных клеток. Эксперименты в отношении эффекта отсечения нервных клеток показывают: после того, как сообщение с

центральными нервными клетками уничтожено, переживания отсутствуют – так что некоторую связь с нервными клетками этот феномен несомненно имеет. Вдобавок, переживания возбуждаются именно такими стимулами, которые скорее всего способны привести состояние протоплазмы в активное состояние. Итак, хотя мы не можем сказать, что всякая нервная клетка в своем активном состоянии имеет переживание (не можем мы, однако, этого и отрицать), вряд ли остаются сомнения, что деятельность нервных клеток есть главное физиологическое условие сознания. С другой стороны, чувство действия и противодействия, или, как мы согласились его называть, ощущение полярности, очевидно связано с разрядом нервной энергии, производящимся вдоль нервных волокон. Внешнее воление, самый типичный случай такого чувства, предполагает прохождение подобного разряда в мышечные клетки. Во внешнем ощущении, где чувство полярности менее интенсивно, разряд происходит от клеток нервных окончаний через центrostремительные нервы к клетке или клеткам мозга. Во внутреннем волении, или самоконтроле, присутствует некоторое препятствующее действие нервов, и известно, что оно предполагает перемещение нервной силы. Наконец, во внутреннем наблюдении, или висцеральном ощущении, несомненно происходят перетекания энергии от одной центральной клетки к другой. Помня, что чувство полярности – это ощущение разницы между предшествующим разделяющему мгновению и последующим за ним, а другими словами – ощущение наличия у этого мгновения двух сторон, мы ясно видим, что физиологически его должно сопровождать некоторое событие, случающееся само очень быстро и оставляющее по себе длящийся эффект. Данное описание так полно соответствует прохождению нервного разряда вдоль нервного волокна, что, я думаю, мы можем без промедления зафиксировать этот феномен как условие двойственного сознания.

387. Синтетическое сознание ставит перед нами более трудную задачу. Хотя объяснение подлинной форме такого сознания, чувству научения, дать довольно легко, его вырожденные модусы – чувство сходства и чувство реальной связи – заставляют нас остановиться и подумать. В отношении названных вырожденных форм я вынужден прибегнуть к гипотезам.

388. Когда две идеи подобны друг другу, мы говорим, что они имеют что-то, присущее им обоим, что часть одной тождественна части другой. В чем такое тождество состоит? Закрыв глаза, я сначала открываю один и, тут же закрыв его, открываю другой: я говорю, что оба полученных ощущения похожи. Что позволяет вынести суждение о том, что впечатления двух нервов похожи? Насколько я понимаю, дабы такое стало возможно, две нервные клетки, вероятно, должны разрядиться в одну и ту же другую нервную клетку. В любом случае, мне кажется, что первое предположение, которое надо сделать и которое затем подтвердится или опровергнется научным наблюдением, заключается в следующем: две идеи подобны друг другу в меру участия в их производстве одних и тех же нервных клеток. Коротко говоря, согласно моей гипотезе, подобие состоит в тождестве обоюдного элемента и это тождество в том, что часть одной идеи и часть другой идеи есть переживание, характеризующее возбуждение только какой-то одной (или более, чем одной) нервной клетки.

389. Когда мы обнаруживаем себя вынужденными мыслить два каких-то элемента опыта не особенно подобными друг другу, но тем не менее реально связанными, эта связь, я полагаю, каким-то образом должна быть обязана своим присутствием разряду нервной энергии – ибо чувство реальности целиком детерминируется сознанием полярности, а последнее само имеет место благодаря таким разрядам. Например, я признаю, что некоторая поверхность с одной стороны некоторой границы имеет красный цвет, а с другой – голубой; или, что любые два других качества непосредственно смежны в пространстве или времени. Если это смежность во времени, она напрямую происходит из чувства полярности, из того, что мы осознаем разницу между двумя сторонами разделяющего мгновения. Если это смежность во времени, то, я полагаю, сначала мы имеем совершенно спутанное переживание целого, еще не анализированного и не синтезированного, однако впоследствии, когда анализ уже сделан, мы оказываемся вынуждены, восстанавливая элементы, переходить прямо от находящегося с одной стороны границы к находящемуся с другой. Таким образом, я предполагаю, мы вынуждены мыслить два переживания смежными, когда нервная

клетка, чье возбуждение производит переживание одного вспомненного ощущения, разряжает себя в нервную клетку, чье возбуждение производит переживание другого.

390. Достаточно очевидно, что подлинное синтетическое сознание, или ощущение процесса научения, будучи преобладающим ингредиентом разума и его квинтэссенцией, свой физиологический базис имеет в наиболее характерном свойстве нервной системы – способности образовывать привычки. Эта способность зависит от пяти следующих принципов. Во-первых, когда стимуляция или раздражение длится некоторое время, возбуждение распространяется от непосредственно аффицированных клеток к тем, которые с ним только ассоциированы, и от них еще дальше, при этом возрастая в своей интенсивности. Во-вторых, по прошествии времени начинает наступать утомление. Однако кроме крайнего утомления, состоящего в полной потере клеткой своей возбуждаемости и полном отказе нервной системы реагировать на стимул, есть еще слабое утомление, которое очень важно с точки зрения приспособления мозга к его роли органа разума и которое состоит в рефлексивном действии: разряд нервной клетки перестает идти одним путем и либо вступает на путь, где еще не было разряда, либо увеличивает интенсивность разряда на пути, где перед этим имелся только слабый разряд. Иногда, например, можно наблюдать, как лягушка с удаленным головным мозгом и раздражаемой каплями кислоты задней конечностью, несколько раз потеряв раздражаемое место другой лапкой – чтобы тем самым удалить кислоту, – в конце концов сделает несколько прыжков, и это означает, что один из путей нервного разряда оказался истощен от утомления. В-третьих, когда по какой-либо причине стимуляция нервной клетки прекращается, возбуждение очень быстро стихает. Хорошо известно, что это не происходит мгновенно, и данный феномен физики называют инерцией ощущения. Всякое заметное переживание идет на спад в долю секунды, однако чрезвычайно малый его остаток длится гораздо дольше. В-четвертых, если клетка, которая однажды была возбуждена и которой по какой-то случайности удалось разрядиться вдоль некоторого пути или путей, возбуждается во второй раз, то использование ею для разряда в этом случае всех или некоторых из тех

путей, вдоль которых она разряжалась прежде, будет более вероятно, чем использование их ею в отсутствие своего предыдущего разряда вдоль того же пути. Это центральный принцип привычки, и огромным значением обладает то, как контрастирует его модальность с модальностью любого механического закона. Законам физики ничего неизвестно о тенденциях или вероятностях: то, чего они требуют, они требуют абсолютно и без изъятия – поэтому им всегда повинуются. Если бы тенденция к образованию привычки была заменена на абсолютное требование для клетки разряжаться всегда одинаковым путем – или в согласии с каким-либо другим жестко зафиксированным условием, – всякая возможность развития привычки в интелленцию, разумность, была бы пресечена с самого начала: Троичность не имела бы силы. Существенно, чтобы в том, как будет разряжаться нервная клетка, имелся в каком-то смысле элемент случайности – и существенно, далее, чтобы эта случайность или неопределенность не уничтожалась полностью принципом привычки, а лишь отчасти подпадала под его влияние. В-пятых, когда проходит значительное время и в течении его нерв не реагирует каким-либо частным образом, в свои права вступает принцип забывания, или негативной привычки, который делает для него данную конкретную реакцию менее вероятной. Теперь посмотрим, к каким результатам приведут данные принципы, взятые в сочетании. Когда происходит стимуляция нерва и его рефлексивная деятельность исходно оказывается иной, нежели требуется для удаления источника раздражения, она начинает менять свой характер снова и снова до тех пор, пока причина раздражения не будет удалена, – после чего эта деятельность быстро пойдет на спад. Когда нерв стимулируется во второй раз одинаковым способом, вероятно оказываются повторенными и некоторые другие из произведенных в первом случае движений; однако так или иначе, в конечном счете должно быть произведено то одно, без которого рефлексивная деятельность будет продолжаться – я имею в виду движение, удаляющее источник раздражения. Когда дело дойдет до третьего подобного случая, в отношении любой тенденции повторения каких-либо движений, произведенных в первом, но не повторенных во втором, начнется процесс забывания. Из тех, что

были повторены во втором случае, некоторые, вероятно, повторятся снова, а некоторые нет; но всегда остается то движение, которое должно быть повторено прежде, чем рефлексивная деятельность подойдет к концу. Предельным эффектом описанной ситуации неизбежно станет установление привычки немедленно реагирования именно тем способом, который удаляет источник раздражения; ибо только эта привычка будет усиливаться при каждом повторении эксперимента, а всякая другая будет ускоряющейся прогрессии стремиться к ослаблению.

391. Дабы проиллюстрировать работу названных принципов, я придумал маленькую игру, или эксперимент с картами; и я могу пообещать, что читатель, попробовав проделать его полдюжины раз, сумеет лучше судить о ценности предложенного здесь объяснения привычки. Правила игры следующие. Возьмите побольше карт всех четырех мастей, скажем пятидесятидвухлистовую колоду – хотя сойдет и меньшее количество. Предполагается, что четыре масти репрезентируют четыре возможных способа реакции нервной клетки. Пусть одна из мастей, скажем пики, репрезентирует способ реакции, удаляющий источник раздражения и кладущий конец рефлексивной деятельности. Чтобы быстро найти желаемую карту любой масти, вам лучше положить карты картинкой вверх и разбить их на четыре стопки, с картами только одной масти в каждой. Теперь возьмите две пиковых карты, две бубновых, две крестовых и две червовых – они будут репрезентировать изначальную расположенность нервной клетки, реакция которой каждым из четырех способов, как предполагается, равновероятна. Вы переворачиваете эти восемь карт картинкой вниз и перетасовываете их со всей возможной тщательностью.⁶¹ Затем одну за одной начните перево-

⁶¹ Карты почти никогда нельзя перетасовать так, чтобы справедливо проиллюстрировать принципы вероятности. Однако, если после того, как перетасовали их любым привычным способом, вы сдадите их в три стопки, возьмете их снова, передадите из одной руки в другую так, чтобы первая шла сверху предыдущей, а вторая снизу, и т. д., а потом, наконец, снимите получившуюся колоду, для цели данной игры тасовку можно будет назвать достаточной. Всякий раз, когда в моей игре правила требуют перетасовки, имеется в виду перетасовка именно такого рода.

рачивать карты сверху этой колоды, пока не доберетесь до пики. Этот процесс репрезентирует реакцию клетки. Теперь возьмите оставшиеся карты и добавьте к уже имеющейся у вас в руках колоде по одной из каждой масти, которая только что была перевернута (в пользу привычки), а потом уберите из нее по одной карте каждой масти, которая осталась лежать рубашкой вверх (в пользу забывания). Перетасуйте свою колоду заново и повторите операцию тринадцать раз – то есть, пока не будут исчерпаны все пики. Тогда в общем и целом должно обнаружиться, что в руках у вас – одни пики.

392. Итак, мы увидели, что постулированные принципы ведут не только к установлению привычек, но к установлению привычек, направленных на определенные цели, а именно – на удаление источника раздражения. Однако именно действие в согласии с конечными причинами отличает умственный род действия от механического; и за общую формулу всех наших желаний можно взять следующую: удалить стимул <раздражения>. Всякий человек озабоченно трудится над тем, чтобы положить конец положению вещей, в данный момент возбуждающего его к труду.

393. Однако наш путь лежит еще глубже внутрь физиологии. Очевидно, что три фундаментальные функции нервной системы – во-первых, возбуждение ее клеток; во-вторых, передача возбуждения вдоль ее волокон; в-третьих, закрепление определенных тенденций под влиянием привычки – обязаны своим разделением трем свойствам самой протоплазмы, или живой слизи. Протоплазма имеет свое активное и пассивное состояние; ее активное состояние передается от одной части к другой; вдобавок, сама она также являет нам феномены привычки. Хотя, по-видимому, несмотря на возможно спровоцированные нашей теорией ожидания, эти три факта не исчерпывают главных свойств протоплазмы. И все-таки причина здесь может заключаться в чрезвычайной малопонятности для нас природы этой странной субстанции – владей истинным секретом ее устройства, мы, возможно, увидели бы, что качества, пока являющиеся нам несоотнесенными, в реальности образуют одно и что в конце концов она больше согласуется с нашей теорией, чем нам

теперь кажется. Было предпринято по крайней мере две попытки объяснить свойства протоплазмы посредством химических предположений; но поскольку сами химические силы сейчас тоже максимально далеки от понятности, подобные гипотезы, даже зная мы об их правильности, оказались бы мало чем нам пригодны. Касательно того, что физики понимают под молекулярным объяснением протоплазмы, нечто подобное, по-видимому, вряд ли было кем-то помыслено – хотя я и не вижу в ней сколько-нибудь большего затруднения, чем в устройстве неорганической материи. У протоплазмы перечисляются следующие свойства: сокращаемость, раздражимость, автоматизм, питание, метаболизм, дыхание и воспроизводство; однако все они могут быть подведены под чувствительность, движение и рост. Эти три свойства суть, соответственно, первое, второе и третье. Однако, давайте дадим краткую формулировку фактов, которые молекулярная теория протоплазмы должна была бы объяснить. В первую очередь, протоплазма – это определенная химическая субстанция, или класс субстанций, и она узнается по характерным для нее отношениям. «В настоящем», – говорит д-р Майкл Фостер (Dr. Michael Foster, 1879),⁶² – «мы не знаем чего-либо определенного о молекулярном составе активной живой протоплазмы; тем не менее, более чем вероятно, что ее молекула есть масштабное и сложное целое, в котором протеиновая субстанция особенным образом ассоциирована со сложным жиром и с каким-то представителем углеводородной группы, – т. е. что каждая молекула протоплазмы содержит остатки каждого из этих трех больших классов. Животное тело целиком есть модифицированная протоплазма». Химическая сложность протоплазматической молекулы должна быть поразительной. И хотя несомненно, что протеиновые – лишь одна из ее составляющих – гораздо проще ее, химики не пытаются вывести на основе своих анализов окончательное атомное устройство какого-либо из белков – число входящих в него атомов столь велико, что почти аннулирует закон множественных пропорций. В только что процитированной книге, правда, я нахожу формулу нуклеина, ве-

⁶² [Редакторам не удалось идентифицировать эту цитату.]

щества родственного белкам: $C_{20}H_{40}N_9P_3O_{22}$. Но поскольку сумма атомов водорода, азота и фосфора должна быть четной, данную формулу требуется умножить на какое-то четное число: получается, что по самой меньшей мере число атомов в нуклеине должно равняться двумстам двадцати четырем. Таким образом, мы вряд ли можем ожидать, что число атомов в протоплазме намного меньше тысячи, а если учесть самые мелкие пропорции некоторых необходимых для животных и растительных организмов ингредиентов, то появляется искушение назвать более подходящим число пятьдесят тысяч – но даже и такая догадка в будущем может показаться смехотворно незначительной. Протоплазма сочетается с водой во всех пропорциях, и способ этого сочетания, по-видимому, есть нечто среднее между раствором и механической смесью. В зависимости от содержащегося в ней количества воды, протоплазма может переходить от хрупкости к пластичности и далее к желеобразности, слизи-стости, и, наконец, жидкости. Вообще же она имеет эластично-вязкий характер: она частично возвращается в исходное состояние после долгого растяжения и полностью – после короткого; правда, ее вязкость гораздо более заметна, чем ее эластичность. Она обычно полна гранул, благодаря которым мы можем видеть в ней медленные потоковые движения, продолжающиеся несколько минут в одном направлении и затем обычно обращающиеся в противоположном. Эффектом такого рода течений оказывается возникновение в массе протуберанцев, часто очень длинных и тонких. Они иногда смыкаются против силы тяжести, и их меняющиеся формы характерны для разных родов протоплазмы. Когда масса протоплазмы бывает возмущена вибрацией, уколом, электроударом, жаром и т. д., течения прекращаются и она целиком собирается в сферу – либо, если слишком растянута, разрывается на несколько отдельных комков. Когда внешнее возбуждение удалено, масса расплывается во что-то вроде своего прежнего состояния. Протоплазма также способна расти – она поглощает материал и превращает его в некое подобие собственной субстанции; вдобавок, в течение всего своего роста и воспроизводства она сохраняет специфические для нее характеристики.

394. Таковы свойства протоплазмы, которые предстоит объяснить. Первое, что привлекает наше внимание и, вероятно, служит ключом к проблеме, это сжатие массы протоплазмы после того, как ее потревожили. Данный феномен очевидно имеет место благодаря огромному и внезапному приросту того, что физики называют «поверхностным натяжением», – то есть приросту стягивания воедино внешних частей, каковое всегда наблюдается у жидкостей и служит причиной образования капель. А поскольку поверхностное натяжение возникает из-за силы сцепления, другими словами – притяжения между соседствующими молекулами, вопрос заключается в следующем: как может тело после нарушения его равновесия внезапно увеличить притяжение между своими соседствующими молекулами? Такое притяжение должно быстро нарастать, если расстояние уменьшается, и это подсказывает нам ответ: расстояние между соседствующими молекулами протоплазматического тела уменьшается. Среднее расстояние, правда, должно оставаться почти тем же, однако если расстояния, прежде бывшие почти равными, делаются неравными, притяжения между молекулами, которые становятся ближе друг к другу, будут гораздо быстрее нарастать, чем расстояния между удаляющимися молекулами – уменьшаться. Таким образом, мы подошли к предположению, что в обычном состоянии данной субстанции ее частицы главным образом движутся внутри орбитальных и квазиорбитальных систем, а не внутри химических молекул или более определенных атомных систем менее сложных субстанций, и при этом частицы, нами рассматриваемые, суть не атомы, а химические молекулы. Однако мы должны предположить, что сил между этими молекулами едва хватает для удержания их на своей орбите и что фактически, пока протоплазма находится в активном состоянии, они не все удерживаются на ней, а наоборот – одна или другая частица время от времени выбрасывается с нее и блуждает до тех пор, пока не будет втянута в какую-нибудь иную систему. Мы должны предположить, что подобные системы имеют некоторый приблизительный состав – в них входит примерно столько-то частиц одного рода, примерно столько-то другого, и т. д. – и необходимо это, чтобы объяснить почти постоянный химичес-

кий состав целого. С другой стороны, мы не можем предположить, что число молекул разных родов точно зафиксировано – в этом случае мы не знали бы, как объяснить способность ассимиляции. Следовательно, мы должны предположить, что число разных родов частиц, образующих орбитальную систему, значительно варьируется и что точность химического состава всего целого есть точность статистически среднего; именно так между пропорциями двух полов в любой нации или любой географической области есть близкое равенство, а между разными семействами – значительное неравенство. Благодаря сложности этого устройства, в момент, когда имеется какое-нибудь молекулярное возмущение, производящее пертурбации, большое число молекул выбрасывается со своих орбит, сами системы в непосредственном соседстве с областью возмущения становятся более или менее раскоординированными, а гармонические отношения между разными вращательными движениями в какой-то мере обрываются. Вследствие этого расстояния между ранее систематически урегулированными соседними частицами теперь становятся крайне неравными, а взятое в среднем притяжение частиц друг к другу – от которого зависит сцепление – увеличивается. Одновременно частицы, выброшенные со своих орбит, вторгаются в другие орбиты и в свою очередь раскоординируют их: возмущение распространяется по всей массе. После того, однако, как источник раздражения оказывается удален, происходит взаимообмен энергией, в котором присутствует тенденция к уравниванию *vis viva* разных частиц. В результате последние сами стремятся возвратиться к орбитальному движению, и постепенно заново устанавливается что-то очень похожее на изначальное положение вещей, в котором остается большинство изначальных орбитальных систем, а значительная доля блуждающих частиц либо находит себе место в этих системах, либо образует новые. Некоторые из таких частиц так и не найдут себе места, а потому произойдет некоторая трата протоплазматической массы. Если повторится идентичное раздражение, то произойдет и повторение – в меру сохранения прежних орбитальных систем – почти точно идентичных событий. Частицы того же рода (я имею в виду, с теми же массами, скоростями, направлениями движе-

ния, притяжениями и т. д.), что были выброшены из разных систем ранее, в общем и целом будут выброшены из них вновь, пока, повторись раздражение несколько раз, не будет иметься явный недостаток в этом роде частиц и со своих орбит не начнут выбрасываться какие-то новые. Эти новые частицы будут иначе возмущать системы, в которые им доведется попасть, и будут стремиться причинить выбрасывание с орбит частиц того же класса, что и они сами. Таким образом направленность, а также скорость и интенсивность распространения возмущения может измениться, или, коротко говоря, может проявиться феномен утомления. Даже если оставить протоплазматическую массу как она есть, будет иметь место некоторое блуждание молекул, создающее области слабого возмущения, а поэтому и неравенство в натяжении, — то есть опять установятся течения, произойдут движения массы и в тонких протуберанцах сформируются процессы. Если, однако, оставить ее как есть на очень долгое время, все частицы, которые готовы быть выброшены, после всех перемен, случившихся с разными сочетаниями положений и скоростей в орбитальных системах, будут выброшены; одновременно остальные будут постоянно стремиться к все более и более стабильным отношениям; и таким образом протоплазма постепенно примет пассивное состояние, из которого ее орбитальные системы уже не смогут быть выведены с легкостью. Пища для той протоплазмы, что способна к какой-то заметной реакции, должна предоставляться ей в химически сложной форме: в ней, несомненно, должны быть частицы, в точности подобные обращающимся в орбитальных системах самой протоплазмы. Дабы втянуться в орбитальную систему, частица, принадлежит она к питательной материи или всего лишь выброшена из другой системы, должна иметь соответствующую массу, приблизиться к соответствующему месту, двигаться с соответствующей скоростью и в соответствующем направлении, и, наконец, подлежать соответствующим притяжениям. Она будет соответствовать всем этим требованиям, если займет место частицы, только что выброшенной с орбиты — а поэтому особенно вероятно идентичность массы, материала и местоположения в орбите втягиваемых в систему частиц и тех же параметров частиц, незадолго

до этого из нее выброшенных. Поскольку же первые будут в точности репрезентировать последние, они наверняка окажутся выброшены благодаря тем же самым возмущениям в тех самых направлениях и с теми же самыми результатами, что и предшествующие им; и это объясняет принцип привычки. Все высшие протоплазмы – например, имеющие какую-либо заметную способность к сокращению – питаются материей, которая более сложна химически.⁶³

§6. Триада в биологическом развитии

395. Неважно, играет естественный отбор и выживание наиболее приспособленных значительную роль в создании видов или нет, – почти не остается сомнений, что теория Дарвина указывает на реальную причину стремления животных и растительных форм приспособливаться к своему окружению. Самая примечательная ее черта заключается в следующем: она демонстрирует, как всего лишь случайные вариации индивидов вместе со всего лишь случайными несчастьями, с ними происходящими, под влиянием действия наследственности дают в результате не какую-то иррегулярность – ни даже статистическое постоянство, – а непрерывный и бесконечный прогресс в сторону лучшего приспособления средств к целям. Как такое может быть? Каков, если взять абстрактную формулировку, тот заключенный в условиях данной задачи особенный фактор, что приводит к столь исключительным последствиям?

396. Допустим, миллион человек, у каждого в руке по доллару, садится попытать счастья и сыграть в простую и справедливую игру: например, делая ставки на то, четным или нечетным окажется выпавшее на игральном кубике число. Предполагается, что игроки делают свои ставки независимо друг от друга и каждый из них ставит на результат каждого броска по одному доллару – против одного доллара со стороны общего банка. Конечно же, в самый первый раз одна половина из них потеряет

⁶³ [К этому разделу приложена записка, которая озаглавлена так: «Вот химическая идея» — см. *CP* т. 6, кн. I, гл. 8.]

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XVI
\$1		250,000		125,000		76,875		53,750		40,312½	31,744
2	500,000		250,000		153,750		107,500		80,625		
3		250,000		182,500		138,125		107,500		86,406¼	52,292
4			125,000		122,500		107,500		92,187½		
5				62,500		76,875		76,875		77,070¼	55,542
6					31,250		46,250		61,952⅞*		
7						15,625		27,031¼		38,710¾	38,880
8							7,812½		15,468½		
9								3,906¼		8,710¾	19,226
10									1,953⅛		
11										976½	8,714
12											
13											1,587
14											
15											229
16											
17											15

* [Здесь должно стоять число $51952 \frac{7}{8}$. Из-за этой ошибки числа в пятой и седьмой строчках следующего столбца каждое превосходит правильное значение на 5000, а весь последний столбец, за исключением двух последних чисел, неверен.]

свой единственный доллар и выйдет из игры – поскольку кредит не предполагается, – а каждый из оставшейся половины выиграет по одному доллару и станет обладать уже двумя. 250000 из этих 500000 человек после второго броска проиграют, а поэтому будут иметь только по одному, тогда как другие 250000, выиграв, станут обладателями уже трех долларов. После третьего броска 125000, или половина владельцев лишь \$1, обанкротятся, у 250000 будет по \$2 (то есть половина из 250000 обладателей \$1, которая вновь выиграла, приплюсуется к половине из 250000 обладателей \$3, которая проиграла), а у 125000 – уже по \$4. Дальнейшее развитие этой игры иллюстрируется таблицей, где дается число игроков, обладающих любой возможной суммой после первого, второго, третьего и т. д. бросков. Из таблицы можно увидеть, что после четвертого броска наиболее распространенной суммой будет \$3, после девятого – \$4, после шестнадцатого – \$5, и похожим образом можно сказать, что после двадцать пятого такая сумма будет равна \$6, после тридцать шестого – \$7 и т. д. Получается, здесь имеет место непрерывный прирост богатства – что-то вроде «приспособления к своему окружению», – производимый выживанием наиболее приспособленных, то есть изъятием из игры всякого потратившего свой последний доллар. Легко увидеть: прирост среднего и самого распространенного богатства происходит посредством вычитания всех тех малых сумм, которые находились бы в руках однажды проигравших участников, будь им позволено продолжать делать ставки.

397. Приспособление вида к своему окружению состоит, с точки зрения естественного отбора, в способности продолжать существование, то есть способности одного поколения производить на свет следующее – ибо пока каждое следующее поколение будет появляться на свет, вид будет продолжать существовать, а как только это прекратится, он обречен на вымирание после всего лишь одного жизненного срока. Такая репродуктивная способность, отчасти зависящая от непосредственной плодовитости, а отчасти – от того, живет индивид в эпоху умножения популяции или нет, есть как раз то, что объясняет теория Дарвина. Данный характер, очевидно принадлежа к тем, что

имеют абсолютный минимум – ибо ни одно животное не способно произвести меньше никакого потомства вообще – и не имеют видимого верхнего предела, вполне аналогичен богатству наших игроков. Стоит отметить, что фраза «выживание наиболее приспособленных» в формулировке принципа наследственности означает выживание не наиболее приспособленных индивидов, а наиболее приспособленных типов: теория Дарвина вовсе не требует, чтобы индивиды, плохо приспособленные к своему окружению, вымирали на более ранней стадии – если только они не производят столько же потомства, сколько остальные (но, кстати, даже в таком случае окончательное вымирание их наследников не сделается необходимым – при условии, что на каком-то основании потомство плохо приспособленных родителей с меньшей вероятностью чем другие наследует характеристики этих родителей). Кажется наиболее правдоподобным, что общее правило протекания интересующего нас здесь процесса заключается в чем-то вроде следующего. Конкретный индивид в некотором аспекте плохо приспособлен к своему окружению, то есть обладает характерами, в общем и целом неблагоприятными для производства многочисленного потомства. Эти характеры на разном основании будут стремиться к ослаблению репродуктивной системы индивида, и сила его потомства будет недотягивать до среднего значения силы всего вида. Далее, второе поколение станет спариваться с другими индивидами, однако его слабость приведет к тому, что новое потомство с преимущественной вероятностью будет походить на своего более сильного родителя. Таким образом, неблагоприятный характер окажется постепенно искоренен не только посредством уменьшения числа потомства, но также и посредством увеличения сходства потомства с более сильным родителем; впрочем исчезновение неблагоприятных характеров будет происходить и другими путями. Многие примеры свидетельствуют, что в период ослабления производительной способности принцип наследственности также ослабляется и раса демонстрирует тенденцию к мутации, мутация же продолжится до тех пор, пока в ее ходе неблагоприятный характер не будет удален. Тем самым усилится общая способность воспроизводства – а вместе с ней заново увеличится непосред-

ственно плодovitость, более строгой станет передача характеров по наследству, а улучшенный тип – более крепким.

398. Как бы то ни было, все эти разные случаи суть не более, чем разные модификации одного и того же принципа – принципа искоренения неблагоприятных характеров. Следовательно, в процессе естественного отбора мы видим действие только трех факторов: во-первых, принципа индивидуальной вариации, или мутации; во-вторых, принципа наследственной передачи, который конфликтует с первым принципом; наконец, в-третьих, принципа искоренения неблагоприятных характеров.

399. Посмотрим, как эти принципы соответствуют уже встречавшимся нам ранее триадам. Принцип мутации, будучи принципом иррегулярности, недетерминированности, случайности, соответствует иррегулярному и многонаправленному блужданию частиц в активном состоянии протоплазмы: это порождение чего-то свежего и первого. Принцип наследственности, будучи принципом детерминированности предшествующим, принципом принуждения, соответствует воле и чувству. Принцип искоренения неблагоприятных характеров, будучи принципом осуществляемого отбрасыванием спорадических случаев обобщения, особенно соответствует присутствующему в действии нервной системы принципу забывания. То есть, мы получили в чем-то несовершенное воспроизводство прежней триады. Его несовершенство может быть лишь несовершенством самой теории развития.⁶⁴

§7. Триада в физике

400. Метафизическую философию почти по праву можно назвать дочерью геометрии. Две из трех школ древнегреческой философии, ионийская и пифагорейская, состояли исключительно из геометров – и ссылки на интерес к геометрии элеатов также можно встретить довольно часто. Платон был великой фигурой в истории обоих предметов, а Аристотель сформулировал в ходе исследования пространства некоторые из наиболее важных своих понятий. Метафизика в огромной степени связана с идеей

⁶⁴ [Ср. *CP* т. 6, кн. I, гл. 10.]

строгой демонстрации из первых принципов, происхождение каковой идеи, как в отношении процесса, так и в отношении отправных аксиом, явственно запечатлено в чертах ее лица. Более того, убежденность в возможности вообще какой-то метафизической философии во все времена подкреплялась – о чем правильно говорит Кант – приведением в пример геометрии как науки того же рода.

401. Отсюда вытекает, что осуществляемая современными математиками безусловная сдача позиций по вопросу абсолютной точности геометрических аксиом не может рассматриваться как незначительное событие в истории философии. Гаусс, величайший из геометров, заявил, что «нет оснований считать сумму углов треугольника в точности равной двум прямым». ⁶⁵ Опыт, правда, показывает нам: отклонение суммы углов треугольника от этого количества столь избыточно мало, что чтобы выразить такую степень приближения, надо было бы изобрести новое словоупотребление. Однако, не будучи подкрепленным некоторыми дополнительными соображениями, сам опыт никогда не бывает способен показать точность какой-либо истины или хотя бы дать какое-то основание полагать ее таковой. Мы можем сказать лишь, что сумма трех углов любого данного треугольника не может быть намного больше или меньше чем сумма двух прямых; и тем не менее, названное точное значение есть лишь одно из бесконечного числа других, столь же возможных, и об этом единодушно заявляют математики.

402. Абсолютная точность геометрических аксиом оказалась подорвана. Несомненно, что соответствующее убеждение в метафизических аксиомах – учитывая зависимость метафизики от геометрии – должно последовать за ней в общую могилу всех вымерших вероучений. Первым отправиться туда должно положение, что всякое событие детерминировано – без изъятия и в согласии с нерушимым законом – причинами. У нас нет оснований считать его абсолютно точным. Опыт показывает, что оно оказывается таковым с поразительной степени приближением, –

⁶⁵ [См., например, «Общие исследования искривленных поверхностей», ст. 20.]

вот и все. Оставим вычисление значения этой степени будущим научным исследованиям; ибо мы не с большим основанием можем обозначить погрешность обычной формулировки детерминизма как именно нуль, чем как любое из бесконечного числа значений, находящихся в непосредственном с ним соседстве. Шанс того, что это нуль, – бесконечность к одному, а поэтому мы обязаны считать нуль лишь одним из возможных значений такого количества. Феникс в своих «Лекциях по астрономии» (*Phœnix, Lectures on Astronomy*)⁶⁶ приводит в пример Навиново повеление остановиться солнцу и делится своим непреодолимым в отношении этого случая подозрением – ведь солнце, говорит он, могло бы совсем незаметно шевельнуться в момент, когда Иисус на смотрел прямо на него. Известно, что пытаюсь верифицировать посредством опыта любой закон природы, мы всегда обнаруживаем разногласия между наблюдениями и теорией. Такие разногласия справедливо отсылают нас к погрешности наблюдений; однако почему не может иметься похожего отклонения со стороны неполностью повинующихся закону фактов?

403. Согласитесь, что такое вполне мыслимо, и вы не найдете в опыте ничего свидетельствующего в пользу обратного. Странно сказать, но многие люди затруднятся помыслить присутствие в универсуме элемента беззаконности и даже, вероятно, соблазняются посчитать учение о совершенстве правила причинности одним из изначальных инстинктивных убеждений – подобно убеждению в трехмерности пространства. Однако дело обстоит далеко не так: исторически это целиком современное представление, вольный вывод из научных открытий. Аристотель⁶⁷ часто заявляет, что некоторые вещи детерминированы причинами, а некоторые происходят случайно. Лукреций,⁶⁸ вслед за Демокритом, предполагает, что описываемые им первичные атомы отклоняются от своих прямолинейных траекторий просто так, без всякого основания. Для древних в таких движениях не было ничего странного – они само собой разумелись, – странным для

⁶⁶ [См. 156.]

⁶⁷ [См., например, Физика 195b, 31–198a, 13.]

⁶⁸ [Кн. II, 216–93.]

них было бы как раз сказать, что случайности нет вообще. Поэтому, если мы не обнаружим каких-либо выявляющих это фактов, никакая внутренняя необходимость не вынуждает нас быть убежденными в совершенной причинности.

404. Я далек от того, чтобы считать опыт единственным источником света – взгляды Вьюэлла на научный метод кажутся мне более истинными, чем взгляда Милля, и в такой степени, что мне следовало бы объявить известные принципы физики не более, чем развитием изначальных инстинктивных убеждений. Тем не менее, я не могу не признать, что вся история мысли свидетельствует об одном: в своем изначальном состоянии наши инстинктивные убеждения настолько смешаны с ошибками, что им никогда нельзя доверять без соответствующей экспериментальной коррекции. Однако чему может научить нас вывод на основе опыта, так это знанию приблизительной величины некоторой пропорции, или *ratio*, каковое знание всегда покоится на принципе взятия образцов: мы берем из мешка пригоршню кофейных зерен и выносим суждение, что в нем имеется примерно та же доля здоровых бобов, что и во взятом образце. Получается, всякая пропозиция, которую нам позволено высказать о реальном мире, должна быть приблизительной – мы никогда не можем иметь права посчитать какую-либо истину точной. Итак, приближение – этот тот материал, из которого должна быть построена наша философия.

405. Теперь я перейду к следующему пункту. В большинстве систем философии некоторые факты или принципы считаются предельными. В известном смысле любой факт и правда предельны – в своем изолированно-агрессивном упрямстве и индивидуальной реальности. То, что <Дунс> Скот называл этовыми вещами, их здешностью и теперешностью, на самом деле предельно. Мы можем спросить, почему то, что есть здесь, таково, каково оно есть – например, если это будет песчинка, как она стала такой маленькой и твердой; мы также можем спросить, как эта вещь здесь оказалась, – однако данное в таком случае объяснение всего лишь возвратит нас к факту, что когда-то она была в другом месте, там, где мы могли бы ожидать встретить вещи ей подобные. Но спрашивать, почему Территория

Айдахо, вне зависимости от ее общих характеристик, сумела найти себе вообще какое-то определенное место в мире, мы не должны – просто потому, что это предельный факт. Столь же безосновательно было бы искать объяснения и еще одному классу: фактам недетерминированности и разнообразия. Вопрос о том, почему один определенный род событий случается часто, а другой – редко, вполне позволителен, однако было бы несправедливо допытываться основания того факта, что какие-то события вообще распространены, а какие-то нет. Если бы все дни рождения приходились на один день недели, или, допустим, чаще приходились бы на воскресенье, чем на понедельник, этому факту следовало бы дать объяснение, однако то, что между днями недели они распределяются приблизительно поровну, ни в каком особенном объяснении не нуждается. Если бы мы нашли, что все песчинки на некотором пляже разделились между собой на два или большее число четко разнесенных классов, скажем на сферические и кубические, у нас имелся бы предмет для изысканий, но неопределенного характера вариация их размеров и форм может быть отнесена только к общему многообразию природы. Таким образом, недетерминированность, или чистая первичность, и этовость, или чистая двоичность, суть факты, которые не требуют объяснения и никогда не могут быть объяснены. Недетерминированность попросту не дает нам повода для вопрошания, этовость же есть *ultima ratio*, грубый факт, вопрошать, то есть сомневаться в котором уже не приходится. Однако если факт имеет общую или упорядоченную природу, он призывает нас дать ему объяснение; и логика запрещает в отношении любого конкретного факта такого сорта делать то допущение, что он по своей природе абсолютно неэксплицируем. Кант⁶⁹ называл это регулятивным принципом, другими словами – интеллектуальной надеждой. Единственная непосредственная цель мышления – сделать вещи постижимыми, мыслить же и в самом этом акте мышления мыслить вещи непостижимыми – самооглупление. Это как если бы человек, вооружившись писто-

⁶⁹ Вслед за схоластиками; см. Эккиус (Eckius [?]) в Petrus Hispanus 48b, nota 1.

летом для защиты от врага и обнаружив, что враг слишком грозен, разнес себе выстрелом из этого пистолета голову, чтобы избежать быть убитым своим врагом. Отчаяние есть безумие. Поистине, некоторые факты могут так никогда и не получить своего объяснения; но, с другой стороны, опыт никогда не сможет дать нам основание думать, что какой-либо конкретный факт относится именно к их числу, – не говоря уже о неспособности опыта продемонстрировать нам непостижимость какого-либо факта по его собственной природе. Получается, мы должны руководствоваться правилом надежды и поэтому отвергать любую философию или общую концепцию универсума, которая когда-либо заставила бы нас прийти к заключению, что тот или иной конкретный общий факт – пределен. Мы должны искать объяснения не всех вещей, а любой нами взятой вещи. Здесь нет противоречия – как нет его в том, что мы придерживаемся каждого из своих мнений, одновременно признавая вероятную ложность некоторых из них, или в высказывании, что любое будущее время когда-то окажется пройденно, но никогда не наступит время, когда все время окажется прошедшим.

406. В число требующих объяснения регулярных фактов входит и закон, или сама регулярность. Роль закона в универсуме нами чудовищно преувеличивается: именно посредством регулярностей мы понимаем в мире то малое, что понимаем, а следовательно устанавливается известная умственная перспектива, в которой регулярные феномены находятся на переднем плане. И хотя мы говорим, что всякое событие детерминруется причинами в согласии с законом, это, во-первых, должно не считаться абсолютно истинным, а во-вторых, не значит так много, как может показаться. Данное положение, например, не значит, что если два антипода чихнут в одно мгновение, то это событие подпадет под некоторый общий закон, – такое называется просто совпадением. Значение будет в другом: в том, что была одна причина чихнуть для первого и была еще одна для второго и только агрегат этих событий образует то единое событие, с которого мы начинаем свое вопрошание. Общеизвестное учение гласит, что события физического универсума суть лишь движения материи и как таковые повинуются законам динами-

ки. Но это равносильно тому, что среди бесчисленных систем отношений, существующих между вещами, мы нашли одну, которая одновременно универсальна и подчинена закону. Ничего кроме названного выдающегося характера не делает эту конкретную систему отношений более важной, чем остальные. Да, с подобной точки зрения единообразие реально предстает феноменом чрезвычайной исключительности; однако на нерегулярные отношения мы вообще не обращаем внимания – они нас попросту не интересуют.

407. Итак, мы пришли к следующему: сообразность с законом существует только внутри ограниченного ряда событий и даже в нем несовершенна, ибо к закону везде примешивается – по крайней мере, необходимо предполагать, что примешивается – элемент чистой спонтанности или беззаконной изначальности. Более того, сообразность с законом – факт, требующий объяснения; а поскольку закон вообще не может быть объяснен каким-либо законом в частности, наше объяснение должно состоять в демонстрации того, как закон развился из чистой случайности, иррегулярности и недетерминированности.

408. Мы обязательно обращаемся к этой задаче, и подступиться к ее решению особенно необходимо с точки зрения настоящего состояния науки. Сегодня теория молекулярного устройства материи находится на такой ступени, что появились указания, способные вывести нас из тумана, в котором мы по-прежнему пребываем. Дабы развернуть математические следствия какой-либо гипотезы о природе и законах мельчайших частей материи, а затем проверить их посредством физических экспериментов, потребуются пятьдесят лет; в бесчисленных же возможных здесь гипотезах, по всей видимости, нет ничего, что заранее сделало бы одну вероятнее другой. Сколько времени в таком случае уйдет на какое-либо заметное продвижение в этом вопросе? Необходимо, чтобы что-нибудь подсказало нам, какого поведения мы можем ожидать от молекул – будет ли, например, вероятно, что они притягиваются или отталкиваются друг от друга с силой обратно пропорциональной одной пятой части расстояния между ними, – и если сразу же не показало нам путь к истинному предположению, то спасло бы от многих лож-

ных. Скажите нам, как родились законы природы, и мы сумеем в некоторой мере различить между законами, которые могли бы стать результатом подобного процесса развития, и законами, на это неспособными.

409. Обнаружить это – наша задача. Я начну свою работу со следующей догадки. Единообразия в модусе действия вещей происходят из-за того, что последние формируют привычки. В настоящем – ход событий приблизительно детерминируется законом, в прошлом – это приближение было менее, а в будущем будет более, совершенно. Тенденция повиноваться законам всегда была и всегда будет расти. Мы смотрим назад, на точку в бесконечно далеком прошлом, в которой не было закона, а только недетерминированность; мы смотрим вперед, на точку в бесконечно далеком будущем, в которой не будет недетерминированности или случайности, а только полное воцарение закона. Однако в любой отмечаемый момент в прошлом, сколь бы ни было оно удалено, уже имелась некоторая тенденция к единообразию; и в любой отмечаемый момент в будущем будет иметься некоторое слабое отклонение от закона. Более того, все вещи стремятся к образованию привычек: для атомов и их частей, молекул и групп молекул, словом для всякого мыслимого реального объекта, есть большая вероятность действовать как в предыдущем случае, нежели как-то иначе. Сама подобная тенденция составляет регулярность, причем непрерывно возрастающую. Глядя в прошлое, мы видим периоды, все менее и менее ее содержащие; однако рост заложен в ее собственной существенной природе. Она обобщает, ибо становится причиной следования будущих действий некоторым обобщениям действий прошлых; вдобавок, она схожим образом сама способна быть обобщена, и поэтому носит самопорождающий характер. Следовательно, мы должны лишь предположить малейший ее след в прошлом: имейся в нем такой зародыш, он обязательно развился бы в могущественный и господствующий надо всем принцип, который в свою очередь оказался бы замещенным в бесконечном будущем только произошедшими из предельного усиления привычек абсолютными законами, регулирующими всякое действие всякой вещи во всяком отношении.

В согласии со сказанным, в мире обнаруживается три активных элемента: во-первых, случайность; во-вторых, закон; и, в-третьих, усваивание привычек.

410. Такова наша догадка в отношении вопроса, заданного сфинксом. Дабы повысить ее в статусе – от философской спекуляции до научной гипотезы, – мы должны показать, что из нее с большей или меньшей вероятностью могут быть дедуцированы следствия, сравнимые с наблюдением. Мы должны показать, что есть, во-первых, некоторый метод дедукции присущих законам характеров, путем которого эти последние могли бы появляться в результате действия «привычкообразования» на чисто случайные происшествия, а, во-вторых, метод удостоверения присущности таких характеров действительным законами природы.

411. Существование вещей состоит в их регулярном поведении. Если бы у атома не было регулярных притяжений и отталкиваний, если бы в одно мгновение его масса была равна нулю, в другое – тонне, а в третье – какому-то отрицательному количеству, если бы его движение было не непрерывным, а состояло в прыжках из одного места в другое без прохождения мест в их промежутке, если бы между его разными положениями, скоростями и направлениями перемещения не имелось определенных отношений, если бы в одно время он был в одном месте, а в другое – в дюжине, – тогда подобное разрозненное множество феноменов не образовало бы собой никакой существующей вещи. Не только субстанции конституируются регулярностями, но также и события. Поток времени, к примеру, сам есть регулярность. Следовательно, изначальный хаос, где не имелось регулярностей, был в конечном счете состоянием всего лишь недетерминированности, в котором ничего не существовало и ничего реально не случилось.

412. Наши понятия о первых, еще до существования времени, стадиях развития должны быть такими же смутными и метафоричными, как выражения в первой главе книги Бытия. Мы должны были бы сказать, что из чрева беспредельности произошло – по принципу Первичности – нечто, которое можно назвать вспышкой. Затем, по принципу привычки, произошла

бы вторая вспышка. Хотя времени еще не было бы, эта вторая вспышка в некотором смысле была бы после – ибо в результате – первой. Затем произошли бы какие-то другие последовательности, все более и более связные, привычки и тенденция к их усвоению только усилились бы и в конце концов события связались бы вместе в нечто подобное непрерывному потоку. Даже сейчас у нас нет оснований думать, что непрерывность и единообразие потока времени вполне совершенно. Однако тот квазипоток, до которого мы пока добрались, существенно различается от времени: он не должен быть единичным. Разные вспышки могли дать начало разным потокам, между которыми не было бы отношений одновременности или последовательности; так что один поток мог разветвиться надвое, а два – слиться воедино. Однако дальнейшим результатом привычки неизбежно стало бы окончательное разделение тех из них, что были долго разделены друг с другом, и совершенное слияние тех, что являли частую обоюдность своих точек. Полностью разделенные потоки стали бы разными мирами, которые ничего не знали бы друг о друге. Иначе говоря, окончательный эффект оказался бы в точности таким же, какой мы действительно наблюдаем.

413. Так как, однако, у Двоичности два типа, то кроме вспышек, подлинно вторых по отношению к другим, то есть наступающих вслед за ними, будут иметься пары вспышек, или, лучше сказать – поскольку время предполагается уже развившимся, – пары состояний, где каждый из членов пары – второй по отношению к оставшемуся. Это – первое семя пространственного растяжения. Получившиеся состояния претерпят изменения, и образуются привычки перехода или неперехода от некоторых конкретных состояний к другим. Те состояния, к которым какое-то состояние будет переходить непосредственно, окажутся прилегающими к нему, и таким путем образуются привычки, конституирующие пространственный континуум. Последний, правда, будет иным, нежели наше пространство: его связи окажутся очень нерегулярны, в одном месте он будет иметь одно число измерений, в другом – другое; наконец, он будет разным для разных движущихся состояний.

414. Пары состояний также начнут усваивать привычки, и разные привычки каждого состояния в отношении разных других состояний в итоге приведут к возникновению скоплений привычек, и это будут субстанции.⁷⁰ Некоторым из них случится усвоить привычку к постоянству, и они станут все менее и менее склонны к исчезновению; другие, такой привычки не усвоившие, выпадут из существования. Иначе говоря, субстанции станут перманентными.

415. Фактически, привычка, по самому способу своего образования, необходимо состоит в перманентности некоторого отношения, и, следовательно, каждый закон природы должен, по теории, состоять в некотором постоянстве – вроде постоянств массы, количества движения и энергии. В этом аспекте соответствие нашей теории фактам поразительно.

416. Субстанции, несущие с собой свои привычки в движении по пространству, будут стремиться уподобить разные части пространства друг другу. В результате мерность пространства будет постепенно стремиться к единообразию, а множественные отношения – кроме как в бесконечности, куда субстанции никогда не попадают, – к исчезновению. С самого начала пространственные связи, вероятно, были разными для разных субстанций и частей субстанций, иначе говоря, точки, для движений одного тела прилегающие или близкие друг к другу, не были такими для движений другого – и это, возможно, сыграло свою роль в разбиении субстанций на маленькие кусочки, или атомы. Однако взаимодействия тел стремились бы в этом аспекте свести свои привычки к единообразию. Кроме того, между привычками тел и привычками частей пространства должны были бы возникнуть противоречия, неразрешимые до тех пор, пока между ними не произошло бы какое-то сообразование.

⁷⁰ Здесь я употребляю это слово в его старом, а не в современном химическом смысле. <Химический смысл слова *substance*, принятый в английском, эквивалентен смыслу русского слова «вещество».>

Глава 4

Логика математики; попытка развернуть мои категории изнутри^{71 P}

§1. Три категории

417. Несмотря на то, что настоящая работа имеет дело с математикой, рассматриваются в ней не просто математические проблемы; и хотя предмет математического рассуждения будет здесь так или иначе затронут, я не предлагаю исследовать его частные методы. Дело в том, что рассуждение в математике выполняется посредством *logica utens*, которая разрабатывается математикой для себя самой и которая избавляет от надобности апеллировать к *logica docens* – то есть никакие споры относительно рассуждения, возникающие в математике, для своего решения не нуждаются в подчинении принципам философии мышления. Если же взять вопросы, подлежащие здесь нашему исследованию – например, «Что суть те разные системы гипотез, от которых может отправляться математическая дедукция?», «Каковы их общие характеристики?», «Почему невозможны другие гипотезы?», и т. п. – то они отличаются от математических проблем в том, что не покоятся на признанных с самого начала ясных и определенных допущениях, и в то же время оказываются схожи с ними, будучи проблемами возможности и необходимости. Чем может быть природа такой необходимости, как раз и есть одна из вещей, которые только предстоит обнаружить. Так или иначе, бесспорно по меньшей мере одно: если в реальности есть какие-либо необходимые характеристики математических гипотез, о которых я заранее заявляю: да, мы найдем, что они есть, в таком случае их необходимость должна вытекать из истины, достаточно всеобъемлющей, чтобы выполняться даже для всякого слова, способного родиться у поэта, а не только для известного нам универсума. Вдобавок такая истина, как и всякая истина вообще, должна прийти к нам через

⁷¹ [Ок. 1896 г. Первые четыре страницы рукописи отсутствуют.]

посредство опыта. Сказанное здесь ни один априорист никогда и не думал отрицать – ведь первые материи, исследовать которые нам надлежит, суть наиболее универсальные категории элементов всякого опыта, естественного или поэтического.

418. В феноменах мы отмечаем три категории элементов.

Первая охватывает качества феноменов, такие как бытие красным, горьким, скучным, жестким, душераздирающим, благородным. Несомненно, что существует также великое множество других, которые нам совершенно неизвестны. Только начинающие свой путь в философии могут возразить, что все это не является качествами вещей и вообще нигде не имеет места, представляя собой лишь ощущения. Безусловно, мы знаем о них только благодаря тому, как наше сознание приспособлено их нам открывать. Вряд ли можно усомниться в том факте, что эволюционный процесс, в результате серии адаптаций сделавший нас тем, что мы есть, стер почти без следа большую часть чувств и ощущений, когда-то воспринимавшихся нами смутно, и сделал ясными и четко распознаваемыми другие. Не стоит, однако, торопиться решать, осознаваемые ли нами ощущения определяют качества ощущений, или качества ощущений служат изначальным условием осознания ощущений, которые к ним приспособляются. Достаточно и того, что там, где есть феномен, есть и качество, так что, как даже может показаться, феномены и не содержат ничего более. Качества сливаются и переходят одно в другое. Они не обладают самотождественностью, но определяются лишь через подобия или частичную тождественность одно другому. Некоторые из них, как, например, цвета и музыкальные звуки, складываются в хорошо распознаваемые системы. Возможно, если бы наше восприятие их не было столь фрагментарным, между ними вообще бы не существовало никаких сколько-нибудь четких границ.⁷² Так или иначе, каждое качество есть то, что оно есть само по себе без участия какого-либо другого. Качества суть единичные, но вместе с тем частичные определенности.

419. Вторая категория составляющих феномены элементов охватывает действительные факты. Качества, поскольку они суть

⁷² [Ср. 313; также *CP* т. 6, кн. I, гл. 5.]

нечто общее, представляют собой неопределенное (*vague*) и возможное. Случившееся же есть нечто совершенно индивидуальное. Оно случается здесь и сейчас. Повторяющийся (*permanent*) факт не так отчетливо индивидуален, но все же постольку, поскольку он действителен, его повторение (*permanence*) и его природа как общего складывается в его бытии в каждом конкретном случае. Качества вовлекаются в факт, но не служат его причиной. Факт привлекает субъекты, представляющие собой материальные субстанции. Мы понимаем факты не так, как мы понимаем качества, т.е. они не складываются ни собственно в самой возможности, ни в сущности чувства. Мы переживаем факты как сопротивление нашей воле – вот почему говорят, что факты вещь грубая. Простые качества ничему не противостоят и не сопротивляются. Сопротивление оказывает материя. В действительном ощущении присутствует противодействие, простые же качества, если они не актуализированы, не могут оказывать фактического противодействия. Так что заявление – если только оно понимается правильно – о том, что мы непосредственно, т.е. прямо воспринимаем материю, звучит вполне корректно. Говорить, что мы логически выводим существование материи из ее качеств, значило бы утверждать, что мы знаем действительность только через возможность. С несколько меньшей иронией воспринимается высказывание, что мы знаем возможность только через действительность, логически выводя существование качеств через обобщение нашего перцептивного опыта материи. Я же ограничусь тем, что определяю качество как одну, а факт, действие, действительность как другую составную часть феноменов. Более подробное их рассмотрение мы предпримем ниже.

420. Третья категория элементов, составляющих феномены, складывается из того, что, будучи рассмотренным только с внешней стороны, известно как «законы». Обратив же внимание на обе стороны медали, мы обычно называем это мыслями. Мысли не являются ни качествами, ни фактами. Они не качества, потому что могут быть произведены и претерпевать развитие, в то время как качества вечны и независимы ни от времени, ни от какой бы то ни было реализации. Кроме того, мысли могут иметь

основания, и несомненно их имеют, достаточные или нет. Задаваться же вопросом, почему качество таково, каково оно, почему красное является красным, а не зеленым, было бы чистым безумием. Если бы красное было зеленым, оно не было бы красным, вот и все. Строго говоря, если в вопросе есть хоть малая капля здравомыслия, этим он обязан тому, что задается не по поводу качества, но хотя бы по поводу отношений между двумя качествами, хотя даже последнее есть совершеннейший абсурд. Итак, мысль не является качеством в той же степени, в какой она не является и фактом, ибо мысль есть нечто общее. Я воспринял ее и сообщил ее вам. Она есть общее в указанном смысле, а также за счет того, что ссылается не только на существующее, но и на то, что, возможно, будет существовать. Никакое собрание фактов не может конституировать закон, ибо закон существует помимо совершившихся фактов и определяет, как факты, которые *могли бы*, но *все* из которых никогда не будут иметь место, должны быть охарактеризованы. Трудно возразить на утверждение, по которому закон представляет собой общего характера факт. Но мы должны отдавать себе при этом отчет, что понятие общего имеет в себе оттенок потенциальности. Поэтому никакая совокупность действий, произведенных здесь и сейчас, не может произвести факт общего характера. Как нечто *общее*, закон (или факт, обладающий всеобщностью) вовлекает в себя потенциальный мир качеств; как *факт*, он затрагивает мир действительного. Как действие нуждается в особом субъекте – материи, чуждой простому качеству, также и закон требует себе особый субъект – мысль, или ум, как такой субъект, который чужд простому индивидуальному действию. Закон, следовательно, есть нечто, настолько же далекое как от качества, так и от действия, насколько последние далеки друг от друга.

421. Таким образом, убедив себя при помощи наблюдения, что три категории элементов феноменов именно таковы, предпримем анализ природы каждой из них и попытаемся выяснить основание, на котором должны быть только эти три категории и не более. Это основание, когда мы его отыщем, должно оказаться небезынтересным для математиков; ибо мы откроем, что оно совпадает с наиболее фундаментальной характеристикой самой

универсальной из математических гипотез – я имею в виду гипотезу числа.

§2. Качество

422. Что же есть качество?

Отвечая на этот вопрос, прежде необходимо определить, чем оно не является. Оно не есть нечто зависимое в своем бытии от сознания, будь то в форме чувственного восприятия или мысли, а также и от того факта, что некоторые материальные вещи им обладают. То, что концептуалисты признают зависимость качества от чувственного восприятия, является их большой ошибкой, равно как непростительной оплошностью всех номиналистических школ является признание его зависимости от субъекта, в котором оно находит свою реализацию. Качество есть чистая абстрактная потенциальность. Просчет всех перечисленных направлений – в убеждении, что потенциальное или возможное есть лишь то, чем делает его действительное. Неверно полагать, что только целое есть нечто, а его составляющие, как бы ни были они для него существенны, суть ничто. Опровержение данной позиции основывается на доказательстве того, что никто находящийся в здравом уме ее последовательным образом не придерживается и не может придерживаться. В тот момент, когда пальба прекращается и туман полемики рассеивается, все участники бегут с поля битвы, стремясь поскорее вооружиться какой-нибудь другой теорией. Во-первых, если качество красного цвета зависит от кого угодно, кто действительно видит нечто красное, то красное не является таковым в темноте, что противоречит здравому смыслу. Я спрашиваю концептуалиста: «Действительно ли Вы отрицаете, что в темноте красные тела способны передавать свет в низких областях спектра? Правда ли Вы полагаете, что кусок железа, не находящийся под прессом, теряет способность сопротивляться давлению? Если так, Вы либо должны считать, что данные тела в указанных обстоятельствах изменяют свойства на противоположные, либо придерживаться мнения, что таковые в подобном случае вовсе теряют всякую определенность. Если Вы утверждаете, что красное тело в тем-

ноте приобретает способность поглощать длинные волны спектра, а железо при небольшом давлении – уплотняться, тогда, даже учитывая то обстоятельство, что Вы принимаете такую точку зрения, не заботясь о подтверждающих ее фактах, Вы все равно соглашаетесь тем самым, что качества существуют даже не будучи воспринимаемыми, при этом распространяя данное убеждение на качества, для убеждения в существовании которых нет никаких оснований. Если Вы, так или иначе, считаете, что тела теряют определенность в отношении качеств, которые не воспринимаются как им принадлежащие, то – поскольку в любой момент времени с восприятием дело и обстоит именно таким образом в отношении огромного большинства качеств любого тела – Вы должны признавать существование универсалий. Другими словами, Вы отрицаете конкретное и не только убеждены в существовании качеств, или, что то же самое – универсалий, но полагаете, что только из них и состоит весь универсум. Необходимость быть последовательным обязывает Вас утверждать, что красное тело красно (или что оно имеет некоторый цвет) в темноте, а твердое тело обладает определенной степенью твердости, когда на него не оказывается давление. Если Вы пытаетесь избежать неприятностей, проводя различие между реальными, а именно – механическими, и нереальными или ощутимыми качествами – пусть так, ибо не допустили противоречий в существенном. В то же время, для любого современного психолога подобное определение неприемлемо. Далее, вы, возможно, забыли, что реалист полностью согласен с тем, что чувственное качество есть только лишь возможность восприятия, но вместе с тем он полагает, что возможность остается возможной даже когда она не актуализирована. Восприятие необходимо для ее схватывания (*apprehension*), но никакое восприятие или способность чувствовать не является необходимым для возможности, если таковая есть бытие качества. Давайте не будем ставить телегу впереди лошади, а развернутую действительность впереди возможности, как если бы последняя *вовлекала* (*involved*) то, что на деле только *разворачивает* (*evolves*). То же может быть сказано и в адрес других номиналистов. Невозможно быть последовательным, утверждая, что качество существует

только когда принадлежит телу. Если бы так обстояло дело, ничто кроме единичных фактов нельзя было бы признать истинным. Законы следовало бы счесть фикциями. Номиналисты и правда возражают против слова «закон», предпочитая говорить «единообразие», ибо убеждены, что, поскольку закон выражает лишь то, что *могло бы* произойти, но не происходит, само понятие бесполезно и недействительно. Если не существует иных законов кроме поддерживающих действительные факты, будущее совершенно неопределенно и, следовательно, по своему характеру есть нечто в высшей степени общее. В таком случае не существовало бы ничего, кроме мгновенного состояния, тогда как очень просто показать, что если мы собираемся настолько свободно объявлять те или иные элементы фикциями, мгновенное будет первым, что мы должны будем объявить одной из них. Должен признаться, что не хотел бы предпринимать особых усилий для разоблачения доктрины столь чудовищной и только теперь теряющей былую популярность.

423. О том, чем качество не является, сказано достаточно. Теперь о том, что оно *есть*. Мы не станем ориентироваться на те значения, которые приписывает данному слову то или иное употребление его в языке. Мы уяснили для себя, что элементы феноменов подразумевают три категории: качество, факт и мысль. Теперь необходимо рассмотреть, как следует определить качества, чтобы наше определение соответствовало сути установленной классификации. Чтобы удостовериться ее, мы должны выяснить, как качества схватываются в сознании, с какой точки зрения они находят свое выражение в мысли, и что будет и должно быть раскрыто в данном способе схватывания.

424. Существует точка зрения, по которой весь универсум феноменов состоит исключительно из воспринимаемых качеств. Что в данном случае имеется в виду? Мы следуем за каждой частью целого, как она является в себе, в своей таковости, обделив вниманием то, что связывает части друг с другом. Красное, кислое, зубная боль – каждое есть *sui generis* и недоступно для описания. Они суть в себе, и это все, что мы можем о них сказать. Вообразим одновременно сильнейшую зубную и разрывающую на части головную боль, раздробленный палец, ноющую

мозоль на ноге, ожог и колики, но не обязательно мучающие нас одновременно, — мы можем дать здесь место неопределенности — и проследим не за каждой отдельной частью воображаемого, но за результирующим целое впечатлением. Это даст нам идею общего качества боли. Мы видим, что идея качества есть идея феномена (или неполного феномена), рассматриваемого как монада. При этом отсутствует какая-либо ссылка на ее части, компоненты или что-либо еще. Нас не должно интересовать, существует она или только воображается, так как существование зависит от своего субъекта, имеющего место в общей системе универсума. Элемент, отделенный от всего остального и находящийся себя нигде более, как только в себе самом, может быть, если мы подвергнем рефлексии его изоляцию, определен как чисто потенциальное нечто. Но мы не должны при этом обращать внимание на любое определенное отсутствие чего-либо другого, так как имеем в качестве предмета рассмотрения лишь тотальность как таковую. Мы можем терминологически определить данную особенность феномена как его *монадический* аспект. Качество есть то, что дает себя в *монадическом* аспекте.

425. Феномен может иметь какую угодно сложную и гетерогенную структуру. Но это обстоятельство не внесет в качество никакого особенного различия, наоборот, оно сделает его более общим. При этом одно качество в себе, в своем монадическом аспекте, не является более общим, чем другое. Результирующее его действие не имеет частей, качество в себе неразложимо и есть нечто *sui generis*. Когда мы говорим, что качество имеет общий характер, что оно есть неполная определенность, чистая потенциальность, и т.д., мы выражаем то, что истинно о качествах, но не имеет никакого отношения к качественной составляющей опыта.

426. Опыт есть течение жизни, мир же есть то, что насаждается опытом. Качество представляет собой монадический элемент мира. Что бы то ни было, какой угодно степени сложности, имеет свое качество *sui generis*, предполагает возможность его восприятия, если только чувства наши к таковому способны.

§3. Факт

427. Что же, далее, есть *факт*?

Как уже отмечалось, мы заинтересованы не в способах употребления слова «факт» в языке. Наша задача в том, чтобы найти определение понятию факта, которое бы не только доказывало истинность установленного нами разделения составляющих феномены элементов на качество, факт и закон, но и демонстрировало бы реальную значимость этого разделения, как соответствующего всем тем характеристикам, которые присущи феноменальному миру в целом. Для начала нам необходимо отметить то, что не входит в данную категорию. Таково общее, а вместе с ним постоянное, вечное (ибо постоянство есть род всеобщности) и условное (которое также подразумевает всеобщность). Всеобщность может обладать либо негативностью, о которой мы говорим, когда имеем в виду чистую потенциальность как таковую и которая составляет особенность категории качества, либо позитивностью, к которой мы обращаемся в разговоре об условной необходимости, и в этом смысле имеется в виду категория закона. Данные исключения ограничивают категорию факта, во-первых, тем, что логики называют *случайным* (contingent), т.е. непредумышленно действительным, и, во-вторых, безусловно необходимым, т.е. силой, не управляемой законом или разумом, *грубой* силой.

428. Кто-то может возразить, что в универсуме не существует таких феноменов, как грубая сила и свобода воли, или ничто не происходит случайно. Я не присоединяюсь ни к одной из указанных точек зрения. Однако, если даже принять обе, то при рассмотрении сингулярного действия в себе, вне зависимости от всякого другого действия, а следовательно, и от их возможного единообразия, мы видим, что оно само по себе грубо, проявляется при этом грубая *сила* или нет. Теперь следует показать, в каком смысле действию сопутствует проявление силы. То, что феномен в *каком-то* смысле указывает на проявление силы, не обнаруживая при этом связь с каким-либо из элементов закона, на самом деле известно каждому – именно такого рода указание мы часто склонны обнаруживать в собственных

волевых усилиях. Подобным же образом, если мы рассмотрим любую индивидуальную вещь, оставляя при этом в стороне остальные – перед нами феномен, который действителен, но *в себе* не необходим. Мы отнюдь не считаем, что называемое в данном случае фактом исчерпывает феномен. Он представляет собой элемент последнего – настолько, насколько принадлежит определенному месту и времени. И я полностью согласен с тем, что когда в расчет принимается нечто большее, наблюдатель в каждом случае попадает в сферу закона. (Не противоречит это и тихизму.⁷³)

429. С другой стороны, если наш взгляд ограничить какой-либо частью феноменального мира, сколь угодно великой, и посмотреть на нее как на монаду, полностью отрешившись от ее частей, наблюдателю не представится ничего кроме качества. В таком случае, на сколь многое мы должны обратить внимание, дабы воспринять чистый элемент фактического? Есть некоторые происшествия, которые, будучи отмечены нами, обозначаются как «случайные». И хотя реально в них не больше фактического элемента, чем в других фактах, все же преимущественное именование их «случайными» (*contingent*, or «*accidental*») заставляет нас ожидать от них того, что именно здесь отличие царства факта от царств качества и закона окажется наиболее заметным. Мы зовем такие факты «совпадениями», и это подразумевает, что в них наше внимание обращено на схождение вместе двух вещей. Чтобы получилось совпадение, достаточно двух, и всего лишь двух феноменов; если феноменов больше двух, то никакого нового отношения дальше не возникнет – мы получим лишь сочетания пар. Два феномена, части которых во внимание не принимаются, не могут представить нам какой-то закон, или регулярность. *Три* точки могут быть помещены на прямую, и это будет нечто регулярное; или они могут быть поставлены на вершины равностороннего прямоугольника, и это тоже будет регулярностью. Но *две* точки нельзя поставить каким-либо частным регулярным способом, поскольку есть единственный способ их составления (если только они не совмещаются и перестают тем

⁷³ [См. *CP* т. 6, кн. I, гл. 2, а также *CP* 6.102.]

самым быть двумя). На земле, и правда, эти две точки можно поставить в местах-антиподах. Но это только одно из исключений, подтверждающих правило, ибо земля – третий объект, берущийся здесь в расчет. Две прямых на плоскости тоже можно поставить под прямым углом друг к другу. Но и это исключение, подтверждающее правило, поскольку $\angle AOC$ уравнивается с $\angle BOC$. Эти два угла отличаются тем, что образованы двумя разными частями линии AC , поэтому реально учитываются три вещи: OA , OB и OC . Итак, о случайной действительности сказано достаточно. Тип грубой силы есть напряжение силы животной (*animal strength*). Допустим, я давно преопределил, как и когда буду действовать. Остается этот акт претворить в жизнь. Таким элементом всего действия окажется само по себе грубое исполнение, экзекуция. Теперь обратите внимание, что я не могу напрячь свою животную силу просто так, саму по себе. Мне это удастся, только если будет нечто, мне сопротивляющееся. Здесь опять двойственность выступает на передний план, но выступает более двойственным образом, чем раньше, ибо два элемента находятся теперь в двух разных отношениях друг к другу. В совпадении два феномена соотносятся друг с другом одним способом; совпадение – это моноидальная диада. Но в напряжении животной силы – хотя и я действую на объект, и объект действует на меня, то есть имеется два отношения одного рода, сочлененных в одном взаимодействии, – в каждом из двух таких отношений есть действующий и есть претерпевающий, деятель и страдатель, и они занимают противоположные друг другу позиции. То есть действие состоит из двух моноидальных диад, расположенных друг против друга.

430. Все сказанное делает совершенно несомненным, что природа факта каким-то образом связана с числом два, а природа закона – с числом три, или каким-то большим числом, или числами; и это точно соответствует описанию качества посредством числа один. Но хотя обнаружение особой склонности какой-то частной категории феноменальных компонентов к известной форме отношениям (ибо некоторые слишком сложны для этих отношений, а другие слишком просты, чтобы приводить в действие свои отличительные способности), и, далее, обнаруже-

ние тесного родства данной категории с известным формальным понятием лишь ненамного вышли бы за рамки ожидаемого результата нашего анализа, все же было бы очень удивительно, окажись у материальных компонентов феноменов и формальных идей одно и то же смысловое расширение. Следовательно, мы хотим открыть только то отношение, которые связывает диадку с фактом. Нам следует отложить рассмотрение фактов, которые, по-видимому, свернуто содержат триаду, – например, процессов, имеющих начало, середину и конец, – до тех пор, пока мы не изучили природу закона. Ибо после показанного выше для нас естественно подозревать, что там, где в факте имеется тройственность, может промелькнуть и элемент общности. Таким образом, оставляя пока в стороне триадические факты, мы можем добавить к уже отмеченным свойствам факта другие, кажущиеся нам достойными упоминания, и затем перейти к рассмотрению двойственности, ее свойств и разных формальных типов, дабы затем сравнить их со всем примечательным, что относится к фактам.

431. Если мы узнаем факт, то всегда – благодаря его сопротивлению нам. Человек может идти по Уолл-Стрит и про себя оспаривать существование внешнего мира, однако если в своей глубокой задумчивости он столкнется с кем-то, кто, сердито отпрянув, в ответ ударом повалит его с ног, наш скептик вряд ли вспомнит о своем скептицизме и усомнится в том, было ли в данном феномене задействовано что-либо кроме его *ego*. Сопротивление показывает ему, что есть нечто от него независимое. Когда что-либо поражает чувства, мыслительная последовательность ума всегда прерывается – будь иначе, ничто не отличало бы новое наблюдение от еще одной фантазии. Всегда есть и сопротивление такому прерыванию, по какой причине разница между операцией восприятия ощущения и операцией напряжения воли в целом оказывается лишь разницей в степени. Однако, мы можем узнать о факте и косвенно: либо факт оказывается прямо пережит на опыте каким-то другим лицом, чье свидетельство дошло до нас, либо мы знаем о нем через какой-то его физический эффект. Так, мы замечаем, что физические следствия некоторого факта могут занять место опытного пережива-

ния этого факта очевидцем. Следовательно, когда мы переходим от рассмотрения явленности факта в опыте к существованию факта в мире фактического, мы переходим от рассмотрения явления как зависимого от оппозиции нашей воле к рассмотрению существования как зависимому от физических эффектов.

432. Вряд ли могут быть сомнения, что существование факта действительно состоит в существовании всех его последствий. Другими словами, если все последствия предполагаемого факта суть реальные факты, из этого получается, что предполагаемый факт реален. Если, например, нечто, будучи твердым телом только предположительно, во всех аспектах действует как таковое, это и будет составлять реальность данного твердого тела. Если две кажущиеся частицы действуют во всяком аспекте, как действовали бы притягивающиеся частицы, они и реально суть таковы. Все это можно выразить, сказав, что факт пробивает себе путь в существование, – поскольку он существует в силу оппозиции, которую свернуто содержит. В отличие от качества он не существует посредством чего-либо существенного, чего-либо, могущего быть выраженным всего лишь определением. Такое обстоятельство не влияет на его модус бытия. Оно может препятствовать ему, поскольку где нет единицы, не может быть и пары, и где нет качества, не может быть и факта, – или, где нет возможности, не может быть и действительности. Но именно оппозиция дает актуальность. Факт «занимает» свое место. Он имеет свое «здесь и теперь» и в это место должен протолкнуться. Ибо в той же мере, в какой мы способны знать факты единственно посредством их действия на нас и их сопротивления нашей грубой воле (я говорю *грубая* воля, поскольку после предопределения мной, как и когда я напрягу свою животную силу, само это действие как таковое будет грубым и нерассуждающим), факт мы способны помыслить только благодаря обретению им реальности – происходящему посредством его действий против других реальностей. И далее, сказать, что чей-то модус бытия заключается не в бытии самим собой, а в бытии против некой второй вещи, значит сказать, что этот модус бытия – существование и именно он принадлежит фактическому.

433. Того же самого заключения можно достичь еще одним ходом мысли. Есть разные роды существования. Есть существование физических действий, есть существование психических волений, есть существование всего времени, есть существование настоящего, есть существование материальных вещей, есть существование персонажей одной из шекспировских пьес, а также, насколько мы можем судить, может быть какой-нибудь еще один сотворенный универсум со своим пространством и временем, и в нем вполне могут существовать вещи. Каждый род существования состоит в обладании местом внутри совокупности универсума – то есть в бытии вторым по отношению к такому универсуму, взятому как первое. И этот характер вовсе не произведен от времени и пространства. Скорее наоборот: данному характеру требуется что-то вроде времени и пространства для своей реализации.

434. Когда мы говорим о факте как *индивидуальном*, или необщем, мы имеем в виду наделить его двумя чертами, каждая из которых целиком характерна именно для факта. Одна из них только что была описана, а другая заключается в том, чтобы иметь независимый от каких-либо качеств или детерминаций модус бытия, или, как мы могли бы сказать, обладать грубой «пробивной» силой, или самоутверждением. Индивидуальный факт упорствует в том, чтобы быть здесь безотносительно к какому-либо основанию и не обращая внимания на истинность или ложность вынесенного нами в результате более широкого рассмотрения решения о том, что без основания он никогда бы и не смог быть наделен таким упорством. Данная черта факта говорит об огромной пропасти между *индивидуальным* фактом и общим фактом, или законом, как впрочем и между индивидуальным *фактом* и качеством, или возможностью как таковой – которая всегда лишь кротко надеется, что не нарушит ваш покой. Но индивидуальность подразумевает и еще одну черту: детерминированность в аспекте всякой возможности, или качества, индивидуального либо как обладающего ей, либо как не обладающего. Таков принцип исключенного третьего, не выполняющийся для чего-либо общего, поскольку общее частично недетерминировано, – то есть рано или поздно в конфликте с

названным принципом неизбежно окажется любое философское учение, не отдающее элементу фактического в мире полной справедливости (и таких учений немало, ибо огороженный высокими стенами сад философии весьма отдален от рыночной площади жизни, на которой факт как раз и имеет свое хождение).

435. Пока что в данном разделе наше внимание было последовательно (хотя и не в какой-то философской последовательности) привлечено к шести характерным чертам факта. Вспоминая их, мы можем поставить во главе само то обстоятельство, что факт имеет отличительные черты – их наличие отличает его от качества, хотя и не отличает от закона. Остальные из уже изученных следовали таким порядком: вторая черта – факты либо случайно действительны, либо свернуто содержат грубую силу; третья – всякий факт обладает своим «здесь и теперь»; четвертая – факт тесно ассоциирован с диадой; пятая – всякий факт есть сумма своих следствий; шестая – существование фактов состоит в борьбе; седьмая – всякий факт детерминирован в отношении ко всякому характеру. Как бы то ни было, распределив элементы феноменов между качеством, фактом и законом, мы вынуждены были отметить некоторые дополнительные черты фактического. Я продолжу их произвольное перечисление.

436. Восьмая черта факта – это то, что всякий факт имеет субъект, каковой есть грамматическое подлежащее предложения, утверждающего существование этого факта. На самом деле, в логическом смысле у факта два субъекта, ибо факт касается двух вещей. По крайней мере один из них есть та вещь, которая имеет природу факта; или мы можем выразить это другими словами: существование такого субъекта есть факт. Этот субъект – *вещь*: она обладает своим «здесь и теперь»; она – сумма всех своих характеристик, или следствий; ее существование не зависит от какого-либо определения, но состоит в ее реагировании с другими вещами универсума; всякое, какое угодно качество сказывается о ней либо истинно, либо ложно. Материальность такого субъекта – субъекта, все действия которого имеют единичные объекты, – то, что он есть физическая субстанция, или тело, а не психический субъект, мы увидим, когда приступим, в рамках обсуждения природы закона, к рассмотрению психических

субъектов. Это ни в малейшей мере не противоречит идеализму, или учению о том, что рассмотрение феномена целиком выявляет наличие у материальных тел психического субстрата.

437. Девятая черта факта в том, что всякий факт связан с обратным ему фактом, который в свою очередь может быть неразрывно с ним связан, а может и не быть. Если одно тело ударяет по другому, это второе тело обратно ударяет по первому; эти два факта нераздельны. Однако если одно тело твердое, должно быть второе тело, обладающее некоторой степенью твердости, которому первое тело будет сопротивляться. И все же уничтожение второго тела [не] разрушило бы твердости первого. Оно не повлияло бы на нее, ибо любое другое тело, которое в любой момент могло бы стать твердым, и первое тело, на которое еще никто не повлиял, каждое смогло бы реализовать свою твердость, как только ему довелось бы столкнуться с другим. Здесь, следовательно, обратный факт не столь неотделим от другого, т. е. прямого факта. Если твердое тело внезапно расплавится, оно сразу же растечется по всем пустым частям своего сосуда, и начало любого такого факта-следствия будет изменением, обратным по отношению первому изменению. Но, вероятно, никакого конкретного следствия, которое было бы неотделимо от плавления, нет. Может быть, а может нет. В итоге мы видим, что разделение между фактами, неотделимыми от обратных им, не совпадает с разделением фактов на те, обратные которым от них отделимы, и те, обратные которым от них неотделимы.

438. Десятая, только что проиллюстрированная черта факта заключается в том, что его естественная классификация происходит посредством дихотомий.

439. Одиннадцатая черта двойственного факта такова: если факт содержит какую-либо вариацию во времени, эта вариация состоит из качественных изменений его субъектов, но никогда не в уничтожении или произведении этих субъектов. На самом деле, мы конечно можем помыслить действие, которым нечто производится или уничтожается. Но либо в него будет вовлечен третий субъект, а значит этот факт будет принадлежать к тем, чье изучение мы специально отложили на будущее, либо произведенное или уничтоженное окажется одним из фактов, обрат-

ные которым от них отделимы. Если в нашем поле зрения внезапно появляется звезда, и никакой внешней объект не был тому причиной, тогда – в той же мере, в какой это появление станет неоспоримым доказательством прошлого наличия в данном месте нашего поля зрения чего-то темного, – сам по себе этот факт будет составлять предыдущее существование своего субъекта. Ибо только подобным методом мы способны дедуцировать метафизические истины. Следовательно, тела, и субъекты фактов вообще, перманентны и вечны.

440. Двенадцатая черта факта заключается в том, что он случаен. Иначе говоря, даже если факт содержит грубую силу, и даже несмотря на подчиненность данной силы закону, требующему от действующего тела непрерывно ее напрягать, индивидуальное действие, однако, не содержится в существовании этого факта, но наоборот есть нечто, способное случиться лишь благодаря наличию у факта субъекта с независимым модусом бытия – субъекта, не зависящего ни от этой, ни от какой-либо другой детерминации. Индивидуальное действие способно только *случиться*.

Я не прикладывал ни малейших усилий к исчерпанию моего произвольного списка свойств фактического и позаботился лишь о том, чтобы его хватило для сравнения характеров факта с характерами двойственности, и таким образом в конце концов достичь понимания причины, по которой все феномены должны раскладываться исключительно на качество, факт и закон.

§4. Диады⁷⁴

441. Зададимся теперь вопросом о том, что свернуто содержится в понятии о *двух*, и, в частности, какими чертами пара отличается, во-первых, от *одного*, а во-вторых – от трех или любого другого большего множества.

442. Математик скорее всего заявит, что с точки зрения притязаний на проблемный статус этот вопрос – самый смешотворный и ничтожный из всех, о каких только можно подумать.

⁷⁴ [Ср. *CP* т. 3, № XVIII.]

Пара, может он сказать, есть не более, чем объект и объект – вот и все, что содержится в такой надуманной категории как *диада*. Однако любой логик скажет ему, что *такая* формулировка в любом случае неточна, а с точки зрения целей логики математики – фатально неточна. Пара супругов – не мужчина. Пара супругов – это и не женщина, и *a fortiori* – не мужчина и женщина одновременно. Пара супругов – это даже не либо мужчина, либо женщина, дизъюнктивно. Это – третий объект, для чьего устройства (какое есть его природа), а следовательно и для существования, требуется мужчина и требуется женщина. Пара есть объект, для устройства которого необходимы и достаточны субъект и еще один субъект. Это соответствует восьмой черте факта.

443. Однако математик, приняв эту микроскопическую для привычного ему образа мысли поправку, скорее всего скажет: вот совершенное определение, и за исключением нескольких мелких вытекающих из него дополнений больше о диаде сказать нечего. Коли так, мне подобает ясно сформулировать, какое же именно изыскание я предлагаю предпринять. Оно не будет изысканием математическим, ведь дело математика – набросать опорную произвольную гипотезу, с самого начала необходимо отчетливую (по меньшей мере, в аспекте тех ее черт, что станут осевыми для математического рассуждения), и затем дедуцировать из данной гипотезы все выводимые посредством диаграмматического рассуждения необходимые следствия. Стоящая же перед нами проблема – проблема логического анализа. Вместо того, чтобы начать с отчетливой диаграмматического рода гипотезы, мы имеем здесь лишь расплывчатый факт чрезвычайной употребимости понятия о диаде – но не готовы сказать, какова в точности его природа, и даже не во всяком случае – можем ли мы считать именно этот конкретный случай некой двойственностью. В таком положении мы отчасти похожи на натуралиста, который, зная немногим более того, что киты – большие водоплавающие животные, выбрасывающие фонтан воды, издающие похожие на плач звуки, выделяющие спермацет и поставляющие китовую кость, решается исследовать анатомию и физиологию китов, дабы наделить их подобающим местом в системе

животного царства. В его намерения не входит сохранить популярное описание кита или обусловленные им границы класса китовых. Он, вероятно, увидит основание расширить применимость этого имени за счет некоторых животных, которые обычно китами не называются, а некоторым, ранее к китам причислявшимся, в нем отказать. Вдобавок, он произведет подразделение описанной им группы и классифицирует ее в соответствии с фактами. Поскольку же наше изыскание – логический анализ, наибольшая разница между ним и изысканием биолога-классификатора состоит в том обстоятельстве, что ничто не вынуждает нас проводить специальные наблюдения, ибо все необходимые факты либо хорошо известны, либо могут быть достоверно выяснены путем тщательного размышления над этими последними.

444. Но помимо того, что наше изыскание – изыскание логическое в смысле «требующее логического анализа», оно и к *двум* относится именно как к понятию логики. Термин «логика» не вполне в научном духе используется мной в двух отличных смыслах. В более узком смысле логика есть наука о необходимых условиях достижения истины. В более широком – наука о необходимых законах мысли, или, если точнее (хотя логика всегда имеет место посредством знаков), она есть общая семиотика, трактующая не просто истину, а общие условия бытия знаков знаками (Дунс Скот называл это *grammatica speculativa*⁷⁵). Также она трактует законы развертывания (evolution) мысли, и поэтому – в силу ее совпадения с изучением необходимых условий передачи значения знаков от ума к уму и от одного состояния ума к другому – ее необходимо называть *rhetorica speculativa* (воспользовавшись, тем самым, установившейся ранее связью терминов); я, однако, довольствуюсь неточным названием – *объективная логика*, – ибо оно передает ту верную идею, что *rhetorica speculativa* сходна с гегелевской логикой. Настоящее изыскание – логическое в широком смысле, то есть исследование диад в необходимых формах знаков.

Нашим методом должно стать, во-первых, соблюдение требуемого от нас логикой способа мышления и особенно рассужде-

⁷⁵ [Opera Omnia Collecta, L. Durand. T. 1, pp. 45–76.]

ния, а, во-вторых, наделение понятия о диаде именно теми характеристиками, обладания которыми требует от нее логика.

445. Мы сразу же можем видеть, что пара, обладая структурой, должна тем самым представить нам набор разнообразных черт – именно в этом своем характере она будет примечательно разниться от монады, ибо последняя, не имея ни структуры, ни в каком-либо смысле частей, лишена всяких черт кроме той, что каждое *одно* есть нечто особенное. Это соответствует первой черте факта.

446. Монада не имеет единиц (units). Такое положение прозвучит парадоксально, и математику покажется произвольной точкой зрения; однако вскоре мы увидим, что эта точка зрения соответствует целям логики. И в паре, и во всех более многочисленных множествах есть части-единицы. Зададимся вопросом, в таком случае, какова функция единиц множества в устройстве самого множества. Для начала мы должны отметить, что вообще в логике множество не может быть адекватно репрезентировано диаграммой разрозненного собрания точек. Из немалога числа примеров тому в математике достаточно будет вспомнить об устройстве определителя и необходимости составить задающие его числа в прямоугольную матрицу. Общее правило гласит, что если множество в логике рассматривается как множество, то должна быть рассмотрена (по меньшей мере частично) форма связи его единиц, ибо она принадлежит не единицам, а самому множеству. Рассуждение – всегда формально. То есть, всякий вывод, сильный в отношении одной вещи или одного характера, будет сильным и в отношении любой другой вещи или характера, лишь бы форма связи второго (в меру необходимости ее рассмотрения) была строго аналогична форме связи первого. Следовательно, поскольку с точки зрения целей логики должны быть репрезентированы лишь характеры самих множеств, демонстрируемое единицами должно быть необходимым только в аспекте демонстрации этих характеров. На что, тогда, вообще пригодны единицы? И как они, лишенные нами всех качеств, могут участвовать в репрезентации характеров множеств? Ответить следует так: пожелай мы лишь представить нашему созерцанию характер какого-то множества, достаточно

было бы сформулировать модус связи этого последнего в абстрактных терминах – помимо всякого частного отсылания к его единицам; и фактически, насколько позволяет удобство словоупотребления, метафизики предпочитают именно такого рода общие формулировки. Но если к уже полученной репрезентации одного множества желательно присоединить репрезентацию другого, и при этом есть единица, или единицы, принадлежащие к обоим множествам, то, дабы показать, как совокупное множество составлено из двух уже данных, оказывается необходимо объяснить тождество единиц, имеющихся и там и там. И так как тождество есть отношение, которое из общего описания тождественных вещей не вытекает, а описания множеств в той мере, в какой в них не затрагиваются индивидуальные вещи, суть описания общие, то с точки зрения репрезентации множества единственная цель указания на единицы заключается в том, чтобы каждая из них могла обозначать собственную тождественность с неким индивидом другого множества. Тождество разных единиц внутри одного множества может быть репрезентировано так же. Следовательно, переходя от репрезентации множества к самому логически мыслимому множеству, можно сказать, что единственная функция единиц в нем – установить возможные тождества с единицами других множеств. Следовательно, единица есть нечто существенное для множества, и ее существование состоит в возможном тождестве с другой единицей того же самого или другого множества. Тождество, далее, есть отношение двойное – ему требуется два субъекта и не более (если тождественны три объекта, то этот факт целиком содержится в другом – что тождественны три пары объектов). Следовательно, единица есть нечто, чье существование состоит в той возможной диаде, субъект которой она есть. Другими словами, во всяком множестве есть элемент двойственности. Итак, я был прав, говоря, что монада не имеет единиц – ведь никоим образом нельзя сказать, что монада свернуто содержит диаду.

447. Некоторые истины о качестве не были рассмотрены в Разделе 2, ибо были сочтены принадлежащими к области диад – они не затрагивают монаду в аспекте ее единичности (*aspect as one*), они суть *диады* монад. Одна из истин такова: все, что есть

возможный безотносительно к каким-либо частям аспект, имеет возможные части. Я имею в виду, что любой объект, представляющий качество в его чистоте, можно детерминировать далее: ведь всякое качество само по себе – общее, а если дана любая возможная детерминация, то будет возможна и дальнейшая. В начале была ничтожность, или абсолютная недетерминированность, и она, будучи рассматриваема как возможность всякой детерминации, есть бытие. Монада есть уже некая детерминация *per se*. Всякая детерминация дает возможность дальнейшей детерминации, и придя к диаде, мы получаем уже единицу – которая сама по себе целиком лишена детерминации и существование которой состоит в возможности некоего тождественного <ей> противоположащего, или, другими словами, в возможности для нее недетерминированно быть напротив только себя самой – помимо какой-то детерминированной оппозиции, или «напротивности».

Отсюда следует, что множество, рассмотренное вне своих единиц, есть монада. Фактически, не учитывая единиц, мы позволяем всем множествам одного и того же общего характера собираться перед нами и рассматриваем эти множества как бесчастную монаду.

Однако множество, рассматриваемое как составленное – при помощи некоей особенной связи – из единиц, есть диада (если единиц две), триада (если их три) и т. д. Отчасти сказанное выше соответствует восьмой черте факта.

448. Прежде чем спросить, что еще можно сказать о только что разобранных диадах монад, следует отстоять именно такое их обозначение. Могут возразить, и на первый взгляд по праву, что приведенная выше истина о качестве – общая и как таковая применима к неисчислимым качествам, а не к какой-то паре. Совершенно верно; но тогда общим будет всякий предмет нашего изыскания относительно монады, диады и больших множеств, и поэтому с подобной точки зрения мы изучаем вовсе не монаду и диаду, а полиады монад и диад. Да, это так: наша мысль рациональна и, будучи таковой, имеет общую, то есть плюральную природу. Однако отчасти она относится к монаде и диаде. То есть при всей общности приведенной нами истины о качестве

она, тем не менее, относится к некой – любой – единичной монаде, говоря о ней следующее: существует такая монада, которая для мысли эквивалентна вот этой, способной к дальнейшей детерминации монаде.

449. Таков один из трех чрезвычайно важных регулятивных законов логики, сформулированных Кантом в «Критике чистого разума». ⁷⁶ Два других гласят, что всегда есть детерминация, которая меньше любой возможной детерминации и включена в нее, и что между любыми двумя детерминациями, одна из которых включена в другую, может быть обнаружена третья. Помимо этих диад, оба субъекта которых суть монады, есть и те, тоже подчиняющиеся своим общим законам, диады, один из субъектов которых – монада, а другой – возможная диада, то есть единица.

450. Первый из их общих законов гласит, что если бы наши чувства все-таки реагировали на какую-либо – любую – единицу (или единицы), то, каким бы созерцанием эта единица сама по себе – то есть помимо сознательного учета ее частей – ни улавливалась, она бы рассматривалась нами как воплощающая монаду. Морган, формулируя этот закон в меру его уместности для формальной логики, утверждал, что любое собрание объектов универсально обладает некоторым характером, не принадлежащим более ни одному объекту. Ибо, говорит он, как минимум их характеризует то, что все они суть единицы данного собрания. Как *доказательство*, данное утверждение не может не вызвать вопроса; однако как формулировка другим способом все того же феномена, причем проливающая на него некоторый свет, она не лишена ценности. <По своему действию> она совпадает с принципом исключенного среднего. Объекты универсума, не обладающие каким-то данным характером, обладают другим характером, а именно – что касается этого конкретного универсума – находятся к первому в отношении отрицания. Следовательно, невозможно сформировать один класс диад: сразу же будут сформированы два. Следовательно, если учесть все монады, способные появиться по созерцанию состоящих из единиц

⁷⁶ [Приложение к «Трансцендентальной диалектике».]

универсума множеств в их <множеств> монадическом аспекте, то всякая отдельная единица будет детерминирована как один из субъектов диады, имеющей другим своим субъектом любую из названных монад. Иначе говоря: детерминируемый такой диадой характер единицы либо будет заключаться в том, что она есть одна из единиц, составляющих объект созерцания, в котором появляется такая монада, либо будет тем характером, который принадлежит всем остальным единицам универсума.

451. Все утверждаемое здесь о собраниях единиц равно истинно и относительно собраний монад. Именно же, любые монады могут созерцаться вместе: в монадическом аспекте (т. е. вне учета той или иной единичной монады) их совокупность будет рассматриваться как одна монада. Таким образом, между монадами есть отношение, сходное с отношением между единицей и монадой. Но есть и отличие между этими двумя случаями: тогда как монада, входящая в другую монаду, входит в нее по самому своему модусу бытия, вхождение в монаду единицы никак не касается ее (единицы) модуса существования, т. е. грубой самотождественности и инаковости по отношению ко всему остальному. Напротив, то, что эта частная единица входит в данную монаду, – не более чем случайное обстоятельство.

Это соответствует седьмой и отчасти двенадцатой чертам факта.

452. Метафизические категории – качество, факт и закон, – будучи категориями материи феноменов, не соответствуют в точности категориям логическим – монаде, диаде и полиаде, или большему множеству, – ибо последние суть категории форм опыта. Диады монад, будучи диадами, принадлежат к категории диады. Но поскольку они составлены из монад как их единственной материи, материально они принадлежат к категории качества, то есть к категории монады в ее материальном модусе бытия. Нельзя то, что алое есть красное, рассматривать как некий *факт*. Это – некая *истина*, но истина лишь существенная. Такая истина в бытии есть то, что соответствует в мысли кантовскому аналитическому суждению. Это – диадизм, скрытый в монадах.

453. Здесь я могу на мгновение остановиться и отметить: когда я говорю, что ничтожность состоит в возможности монады, что единица состоит в возможности диады и т. п., все это

звучит по-гегельянски. Несомненно, эти формулировки внутренние как раз и обладают такой природой. Я в подобных фразах следую порядку их разворачивания: возможность разворачивает действительность – так же поступает и Гегель, который достигает каждой категории из предыдущей, по сути дела говоря: «Следующая!». Но какой бы важностью не обладал его метод – заставлять «следующую» наступить и признавать ее по появлению, – это, сравнительно говоря, не более чем деталь, в отношении которой я иногда соглашаюсь с великим идеалистом, а иногда все-таки расхожусь с ним; ибо форма моего собственного метода – результата более взвешенной проверки точной теории логики (в которой эпоха Гегеля, и особенно его страна – и еще особенней он сам – были решительно слабы) – настолько же более широка, а потому способна, дабы приспособиться к специальной форме понятия-эмбриона, к большему разнообразию. Время сформулировать мой метод еще не настало: здесь я попросту занят его применением, а читатель, по возможности одобрительно, следует за моими шагами. В чем заключалась эта пока что неосознанная процедура, покажет дальнейший обзор.

454. Наиболее важное разделение диад зависит от характера их субъектов, ибо между последними в отношении природы возможно образываемых ими диад имеется разница. Такие диады суть либо те, что формируются просто из монад, либо те, в которые входят объекты с диадическим модусом бытия, то есть индивидуальные вещи, или единицы.

455. Субсистентность диад первого рода мы увидим сразу, как только рассмотрим две монады вместе; и если аргументировать от знания к бытию (попросту абстрагируясь, иными словами, от привнесенной идеи о некоем «знающем»), можно сказать: такие диады действительно субсистентны в той мере, в какой две монады оказываются совозможными, то есть именно таковыми, каковы они суть. Когда алое и красное созерцаются вместе, алое как первое, а красное как второе, нам представляется некоторый аспект *sui generis* – подобный тому, что представляется при рассмотрении вместе зубной боли и боли: первой как первого, а последней как второго. Такой род диадизма или диадического отношения, разворачивающийся из самого бытия

субъектов в момент начала их совместного бытия, я называю *существенным* диадическим отношением, а диаду, подобным способом образованную, – *существенной диадой*. Это единственный род диад, который можно образовать только из монад, ведь монады, не имеющие ни частей, ни отчетливых черт, неспособны – будь то по одиночке или собирательно – обладать каким-то иным характером, нежели прямо проистекающим из присущего каждой из них отдельного бытия *sui generis*.

456. Таким образом, в случайных, или *акцидентальных* диадах (то есть собирательных характерах своих субъектов, входящих по отношению к их бытию) должны участвовать те субъекты (или, по меньшей мере, один субъект), которые не суть монады и, следовательно, модус бытия которых превосходит свернуто содержащееся в просто внутренней таковости. Не будучи же позволителен в силу всего лишь таковости, модус бытия подобного субъекта должен приобретаться им через оппозицию некоему другому субъекту. Что это за модус бытия, если взять его в самых общих терминах? Дабы наше понятие смогло охватить все его разновидности, начнем прямо там, где заканчивается модус бытия монады. Возьмите сочетание качества, еще одного качества и т. д. Каков тогда будет модус бытия, к которому детерминации, подобные этой, бесконечно стремятся, но которого никогда не способны достичь? Это будет *существование* индивида – о чем нас всегда учили логики. Индивидуальное существование вещи или факта есть первый из тех модусов бытия, наделить которыми что-либо сама по себе таковость нам уже не позволяет. Таковость, или модус бытия монады, есть всего лишь возможность некоего существующего.

457. Существование – модус бытия, который заключается в оппозиции другому. Сказать «Стол существует» есть то же, что сказать «Стол тверд, тяжел, непрозрачен, упруг», то есть «производит непосредственные воздействия на чувства», а также: «производит чисто физические воздействия, влечется к земле (то есть оказывается тяжелым), динамически реагирует на другие вещи (то есть обладает инерцией), сопротивляется давлению (то есть, оказывается эластичным), обладает определенной теплоемкостью» и т. д. Сказать, что рядом с этим столом есть стол-

фантом, неспособный ни влиять на какие-либо чувства, ни производить каких-либо физических воздействий, значит заговорить о воображаемом столе. Вещь, не имеющая чего-то ей противопоставленного, не существует *ipso facto*. Конечно, возникнет вопрос: если всякая существующая вещь существует посредством своих реакций, как тогда существует все совокупное собрание вещей? Это законный и обладающий собственной ценностью вопрос, ответ на который привел бы нас к рассмотрению новой идеи. Однако время такого рассмотрения еще не настало. Ставя своей целью разворачивание полной схемы философских идей, мы потерпим поражение, перестав рассматривать пункты этой схемы один за одним, в их должном порядке. Упомянутый вопрос о совокупности вещей не ставит под сомнение ту явную истину, что существование заключается в оппозиции, и самый факт того, что его рассмотрение приведет к еще более развернутой философии, служит основанием отложить его до тех пор, пока мы не усвоили понятие о бытии-через-оппозицию.⁷⁷ Эта оппозиция существенна не только для индивидуальной вещи или субъекта, но и для индивидуального факта. Его истина, или существование, есть сумма его эффектов.

458. У Дунса Скота, впервые пролившего свет на индивидуальное существование, мы постоянно встречаем фразу *hic et nunc*. Это выражение весьма убедительно, если мы поймем его так же, как это делал Дунс, т. е. не как описание индивидуального существования, а как подсказку о нем – как пример атрибутов, которые мы обнаруживаем сопровождающими его в этом мире. Каждая из двух капель удерживает свою самотождественность и оппозицию другой вне зависимости от того, в сколь многих аспектах между ними будет иметься подобие. Даже если бы они смогли взаимопроникнуть друг в друга как оптические образы (которые также индивидуальны), они – пусть не в тот же самый момент – все равно взаимодействовали бы и в силу такого взаимодействия удерживали бы свои самотождественности. Стоит отметить, что качества индивидуальной вещи, сколь бы постоянными они ни были, никак – ни положительно, ни отрица-

⁷⁷ [См. СР 6.415]

тельно – не влияют на самождественное существование этой вещи. Сколь бы постоянны или особенны ни были такие качества, они суть не более чем *акциденции*, то есть они не содержатся в модусе бытия этой вещи; ведь модус бытия индивидуальной вещи есть существование, а существование заключается всего лишь в оппозиции.

459. В химических атомах мы не наблюдаем никакой жизни. Они являются нам лишенными органов, посредством которых смогли бы действовать. Но даже и собственно действие неспособно наделить какой-либо субъект действительностью, то есть местом в мире действий. Однако индивидуальный атом все-таки существует – но существует вовсе не в силу подчинения какому-либо физическому закону, который был бы нарушен, если бы атом не существовал, и не в силу вообще каких-то качеств, а в силу своего произвольного вмешательства <в существование> других атомов – путем притяжения или отталкивания. Мы почти можем сказать, что он захватывает свое место слепым насилием, самочинно к нему проталкивается.

460. Никакое взаимодействие, имеющееся между индивидуальными вещами, неспособно ни создать одну из таких вещей, ни уничтожить – ведь до и после ее существования нет того, с чем взаимодействовать. Итак, источник существования должно искать где-то еще.

461. Хотя существование и возникает через диадизм, или оппозицию, как свою собственную детерминацию, все же оно, возникнув, *абстрактно и как рассматриваемое само по себе* лежит в самом себе. Это – численная самождественность, каковая есть диадическое отношение субъекта к самому себе, и способным к этому отношению может быть только существующий индивид. Следует обратить внимание, что численная самождественность – это не просто какая-то словесная фигура, подобно тождественности качества с самим собой, но положительный факт. Этим она обязана возможности принятия индивидом на себя разных акциденций. Несмотря на все превратности, его оппозиции другим вещам остаются незатронутыми (хотя по случаю (*accidentally*) они могут быть модифицированы), и в этом проявляется положительный характер самождественности.

462. Единственно возможный первичный существенный диадизм – это отношение между содержащим монадическим качеством и содержащимся монадическим качеством. Ибо качества не могут быть ни сходны, ни контрастны друг с другом, кроме как в отношении к третьему качеству – сходство качеств, таким образом, триадично. Этот пункт, однако, следует разобрать заново в рамках будущего пересмотра данного анализа. Если я не ошибаюсь, больше логических отличий между существенными диадами нет.

463. Тем не менее, с акцидентальными диадами дело обстоит иначе. Мы сразу же должны разделить их на те, один из субъектов которых есть монада, и те, ни один из субъектов которых не есть монада. Такое разделение тесно связано с только что упомянутым нами и непосредственно им подсказывается. Диады первого рода могут быть названы *присущностными* (*inherential*) – как например: эта вещь обладает краснотой; диады второго рода могут быть названы *реляционными*.

464. Присущностная диада очень похожа на существенную диаду. Возьмите любое качество – насыщенность – и образуйте существенную диаду: *красный* <цвет> *насыщен*. Образуйте еще одну с красным как вторым субъектом: *алый* – это *красный*. Образуйте еще одну с алым как вторым субъектом: *цвет йодида ртуты* – *алый*. Таким образом мы можем помыслить постоянное прибавление детерминации, в пределе которого получим цвет столь особенный, что он будет принадлежать некоему индивидуальному объекту. Такой предел есть диада присущности (*inherence*). В конечном счете, однако, она оказывается диадой, в корне разнящейся с существенной, ибо качество субъекта присущности есть просто акциденция данного индивида. Присущность можно рассмотреть с еще одной точки зрения, а именно: индивидуальный субъект может быть помыслен как соотносительный с самим собой благодаря обладанию данным атрибутом.

465. Реляционные диады в аспекте метафизического характера их субъектов далее не подразделяются. Однако их разделение становится возможно в аспекте того, какова природа связи между их субъектами – разделение в первую очередь подсказывается последним замечанием, сделанным о присущностных

диадах. Конкретно, всякая реляционная диада есть либо *диада тождества* – тогда два ее субъекта экзистенциально суть одно и то же, – либо *диада разнесенности (diversity)* – тогда ее субъектов экзистенциально два, и они отличны друг от друга. Это реляционное тождество не есть тождество присущности, но – тождество, целиком независимое от какой-либо акциденции или акциденций. Тем не менее, оно будет свернуто содержать такие присущности, которые могут принадлежать индивидуально и самотождественному субъекту.

466. С этим делением тесно связано еще одно: диада разнесенности может быть либо такой, что связь между ее единицами состоит просто в их согласованности или разнице в аспекте монадического качества, либо такой, что связь единиц зависит от их обладания некоторым диадическим характером или характерами. Данное отличие наиболее глубоко укоренено в природах диад. Ибо что есть диадический характер? Это характер, которым один индивид наделяет какой-то другой. Следовательно, он подразумевает идею *действия* или *силы* – не в узком научном смысле, а в том смысле, в каком мы говорим о воле как силе. Получается, что мы можем сказать: данное деление есть деление на *качественные* и *динамические* разнесенности. Или, вместо качественной разнесенности, более удобным будет употребить знакомое выражение: *частичная согласованность*.

467. Среди динамических диад в первую очередь различаются те, два субъекта которых приходят, в силу характеров, атрибутируемых им такими диадами, в подобные между собой отношения друг к другу, и те, между взаимоотношениями субъектов которых остается, в меру атрибутированных этим субъектам характеров, некое отличие. Первый род можно назвать *материально неупорядоченным*, а второй – *материально упорядоченным*. Так, А находится в одной миле от В – это материально неупорядоченное отношение, но А убивает В – материально упорядоченное, несмотря на ту возможность, что В также убивает А.

468. С этим различием тесно связано еще одно: материально упорядоченные диады делятся на те, субъекты которых экзистенциально или внутренне не отличаются друг от друга в плане того, который из них первый, а который – второй (хотя язык

может потребовать от нашей формулировки факта пометить один как первый, а другой – как второй), и на те, в которых такое экзистенциальное отличие имеется. Первые могут быть названы *формально неупорядоченными*, а вторые – *формально упорядоченными* диадами. Так, когда янтарь трется о мех, один получает смолистое электричество, а другой – стеклянное. То есть, хотя диада материально упорядочена, ни янтарь, ни мех, насколько мы знаем, нельзя рассматривать как отчетливого деятеля – т. е. как первое, или как отчетливого претерпевателя – т. е. как второе. Однако когда из двух противоположно наэлектризованных тел одно притягивает другое, пусть второе ровно столько же притягивает первое, два притяжения все равно суть отличные диады – в них притягивающее тело есть деятель, внутренне первое, а притягиваемое есть внутренне второе: одно детерминирует, а другое детерминируется. Детерминирующее же тело, насколько оно именно детерминирующее, само остается недетерминированным, а недетерминированность или возможность, как характер монады, есть *первое* относительно детерминации, каковая, как существенно диадическая, есть *второе*.

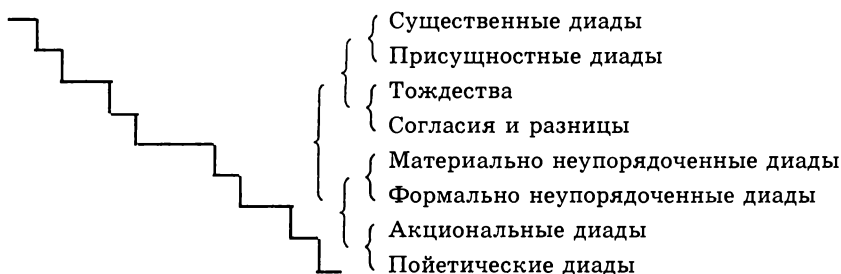
469. Различия, базирующиеся на положении субъектов, далее невозможны. Однако формально упорядоченные диады все же могут быть еще разделены в отношении характера зависимости одного субъекта от другого, а именно: зависимыми от деятеля оказываются либо всего лишь монадические акциденции второго субъекта (претерпевателя), либо вообще диадическое существование последнего. Первый род может быть назван *акциональными*, а второй – *поитическими*,⁷⁸ или *продуктивными*, диадами.

По-видимому, уместных с точки зрения идеи данного анализа различий больше нет.

470. Следует отметить, что деление повсюду оказывается дихотомией второго из образованных предшествующей дихотомией двух классов. В результате не делимые далее виды образуют лестницу из последовательных шагов. Однако ступени этой

⁷⁸ [От ποιέω.]

лестницы не везде равны. Наоборот, двойственность столь прочно господствует в этом делимом целом, что шаги деления вычлняются в последовательные пары. Примечательно также различие между первой парой пар и второй, модифицированно повторяющей первую. То есть, первая пара каждой из двух спаренных пар возникает из различий, касающихся субъектов, а вторая – из различий, касающихся модуса связи субъектов. Члены всего ряда диадических видов соотносятся подобно фразам некоей мелодии следующим образом:

Чем более тщательно настоящее деление будет изучено, тем более ясно проявится, что оно, не будучи схемой, навязанной воображением, неизбежно вытекает из развертывания понятий в согласии с принятой в данной работе общей точкой зрения.

§5. Триады⁷⁹

471. Теперь мы подошли к *триаде*. Что такое триада? Триада это три. Но три чего? Если мы скажем, что это три субъекта, мы с самого начала усвоим неполный взгляд на триаду. Давайте посмотрим, в каком месте мы находимся – помня, что именно логика должна быть руководительницей в нашем изыскании. У монады нет других черт, кроме ее таковости, и логически таковость воплощена в том, что обозначается глаголом. Как таковое данное обстоятельство развернуто в низшей из трех трактуемых логикой форм: термина, пропозиции и силлогизма. Диада ввела радикально новый род элементов – субъект, который впервые показывает себя в пропозиции. Диада есть в той

⁷⁹ [Ср. *CP* т. 2, кн. II, гл. 2, §3 *et seq.*]

же мере метафизический коррелят пропозиции, в какой монада – метафизический коррелят термина. Пропозиции не все строго и исключительно диадичны, хотя диадизм есть их главная черта. Однако строго диадические пропозиции имеют два субъекта: один из них активный, или экзистенциально предшествующий, в своем отношении к диаде, а другой – пассивный, или экзистенциально последующий. Азартный игрок ставит все свое состояние на чет. Какова вероятность того, что он выиграет в первый раз? Одна вторая. Какова вероятность того, что он выиграет во второй раз? Одна четвертая, ибо если он проиграет в первый раз, второго раза не будет. Один из исключających друг друга исходов предшествующего события делится на два в последующем событии. Так, если А убивает В, А для начала делает нечто, рассчитанное убить В, и затем уже это нечто разделяется далее на исход, в котором он убивает В, и исход, в котором ему это не удастся; и дело здесь не в том, что В делает нечто, рассчитанное заставить А убить его, ибо если В делает так, то он – активный деятель, и это другая диада. Иными словами, в диаде есть два субъекта разного характера – пусть даже в особых случаях подобная разница может исчезнуть. Два этих субъекта суть *единицы* диады: каждая есть *одно*, хотя и диадическое одно. Похожим образом триада вовсе не имеет своим принципиальным элементом всего лишь некоторое неанализируемое качество *sui generis*. [Конечно,] она производит в нас некоторое переживание. [Однако] управляющее триадой формальное правило таково, что остается равно истинным для всех шести вариантов, получающихся из А, В и С; далее, если D одновременно находится в идентичном отношении к А и В и к А и С, оно находится в том же самом отношении к В и С, и т. д.

472. Каждый из трех субъектов вводит в триаду диаду, и точно так же ведет себя каждая пара субъектов. Монадическим элементом будет ее отличительный характер, или качество. А вот формальный закон триады существенно триадичен – именно ему присуща тройственность.

473. Всякая триада есть либо *монадически вырожденная*, либо *диадически вырожденная*, либо *подлинная*. Монадически вырождена та триада, которая оказывается результатом сущно-

сти трех монад – ее субъектов; диадически вырождена та, которая оказывается результатом диад. Подлинная триада любым подобным образом разрешена быть не может. Опосредование оранжевого между красным и желтым – моноидально вырожденная триада: одно данное качество есть состав из остальных. Поэтому фиолетовому красный и зеленый подобны более, чем они подобны друг другу. То, что красный – это детерминация цвета, а алый – детерминация красного, подразумевает монадически вырожденную триаду и принадлежит классу существенных триад; и все же собственно это диадически вырожденная триада, в которой диады-составляющие суть существенные диады, – то есть данная триада существенна, но лишь косвенно существенна. Поэтому, когда апельсины и лимоны пахнут похоже, то мы собственно имеем дело просто с диадой, хотя она может быть рассмотрена и как триада – если взять третьим субъектом обоюдно присущее качество (запах). То, что в лимоне сосуществуют цитрусовый вкус и аромат парфюмерного типа, может быть рассмотрено лишь как триада и не может – как диада. То, что А – отец В, и В – отец С, есть подлинно диадическая вырожденная триада. То, что А настолько же северней В, насколько В восточнее С, есть триада, которая сформирована двумя диадами одного рода и одной диадой другого (<под последней> я имею в виду сходство двух первых, хотя оно лишь случайно) и которая почти, пусть и не вполне, подлинна. А – мать В, а В – жена С: здесь две диады-составляющих более независимы друг от друга, и значит это более чистый случай диадически вырожденной триады.

474. Рассматривая подлинную триаду, стоит для начала отметить, что последний из наших фактов-предположений свернуто содержит другой, а именно: что А есть теща С, и это будет диада, а не триада. В самом деле, как сказано выше, всякая триада свернуто содержит диаду. Однако у диадической триады есть особенность: диада, свернуто содержащаяся в ней, отличается от триады лишь недостаточной партикуляризацией опосредующего субъекта. То есть, обратив процесс сворачивания, получаем: всякая диада своей партикуляризацией разворачивает диадическую триаду. Так, «А убивает В» есть обобщение

«А выстреливает этой пулей, и эта пуля смертельно ранит В». То же верно даже относительно диады «А моргает», разворачивающей триаду «А испытывает некое нервное раздражение, и это нервное раздражение становится причиной моргания века А». Подобное разворачивание можно назвать *экспликацией* диады. Таким образом, например, монада «обладающий цветом» (colored) эксплицирована в монадической диаде «красный есть обладающий цветом», а «красный» – в «алый есть красный». Триада может быть эксплицирована в триадическую тетраду. Так, «А дарит В <некому> С» становится «А заключает соглашение D с <неким> С, и соглашение D дарит В <некому> С».

475. Но если мы сравним монаду, имплицированную в подлинной диаде (как *красный* имплицирован в «эта вещь – красная»), с самой такой диадой, мы увидим, что последняя есть нечто большее какой бы то ни было всего лишь экспликации первой (т. е. красного). Данная диада оказывается истиной того, что Кант называл синтетическим (иначе говоря, подлинно диадическим) суждением. Она свернуто содержит *существование*, в то время как *красный* (или любая всего лишь экспликация красного) есть не более чем *возможность*. Даже в «нечто есть красное», оставляющем полностью недетерминированным то, что же есть это красное, и, следовательно, реально вообще не эксплицирующем красное, существование столь же позитивно, как и в «это есть красное». Рассмотрим теперь триаду «А заключает контракт с С». Из того, что А подписывает документ D и С подписывает документ D, вне зависимости от содержания документа, не следует, что они заключают контракт – ибо контракт лежит в намерении, интенции. Что это за интенция? Она в том, что некоторые условные правила будут руководить поведением А и С. Какой-либо позитивный факт в данном случае отсутствует – мы имеем дело только с чем-то условным и интенциональным; еще меньше, если это вообще возможно, присутствует здесь какое-либо всего лишь монадическое качество. Поскольку взятое нами обстоятельство относится к условиям опыта, а поэтому свернуто содержит существование (и тем самым – диадический факт), можно сказать, что оно есть некий психический факт – и в меру действительно содержащегося в обстоятельстве психи-

ческого факта это будет истинно. Но ведь интенции нет без чего-то интендированного, а интендированное не может быть исчерпано какими-либо фактами – оно выходит за пределы всего, что способно когда-либо случиться или быть сделано, потому что обнимает всю широту общего условия. Полный список возможных случаев здесь был бы абсурден: он всегда, вне зависимости от степени спецификации, может быть продолжен по самой своей природе – тогда как общее условие исчерпывает невосполняемую возможность целиком.

476. Итак, мы получили пример триадического понятия, пример подлинной триады. Но каково будет ее *общее* описание? Меня удовлетворяет такое: ни одна триада не может быть подлинной, если в ней не содержится общность, то есть если ее утверждение (assertion) не имплицитно что-то относительно *всякого возможного* объекта, некоторым образом описанного. Просто прибавление одного к двум дает триаду, и здесь содержится идея, совершенно не разложимая на идеи одного и двух: сложение имплицитно два слагаемых субъекта и нечто еще, результирующее от сложения. Следовательно, неверно определять двойку как сумму одного и одного – согласно такому определению, в двойке будет подразумеваться идея тройки. И если идея, характерная для двойки, это *иное*, то идея, столь же характерная для тройки, это *третье*. Почти тождественным для последнего смысловым расширением обладают термины *опосредующий* (*medium*) и *uniter*.

477. В подлинной триаде не содержится идеи, существенно иной, нежели идеи *объекта*, *иного* и *третьего*. Однако стоит подчеркнуть: содержащаяся в ней идея третьего неразрешима в некий бесформенный агрегат; другими словами, она есть идея чего-то большего, нежели *все*, что способно стать результатом последовательного прибавления одного к одному. И так как в выражении «все, что способно» свернута идея *всякого возможного* нечто, а следовательно – идея общности, получается, что в подлинной триаде должна содержаться общность.

478. Мир факта содержит только то, что *есть*, а не всякую произвольным образом описанную возможную вещь. Следовательно, мир факта не может содержать подлинной триады. Но

не будучи способен содержать подлинную триаду, он, однако, может такими триадами управляться.

Теперь о разделении триад на монадические, диадические и триадические, или подлинные, сказано достаточно.

479. Диадические триады очевидно подразделяются на, во-первых, те, что имеют два монадических субъекта – так, во многих маслах объединены летучий аромат и жгучий вкус, – и, во-вторых, те, все субъекты которых – индивиды.

480. Подлинные триады подразделяются на три рода – ведь хотя, будучи подлинной, триада неспособна входить ни в мир качества, ни в мир факта, она может быть просто законом, или регулярностью, качества или факта. Однако *совершенно (thoroughly)* подлинная триада от этих миров целиком отделена и существует в универсуме *репрезентаций*. В самом деле, репрезентация необходимо содержит подлинную триаду, потому что содержит некоторого рода знак, или репрезентамен, – внешний или внутренний, – опосредующий между объектом и интерпретирующей мыслью. И это не касается ни факта – ибо мысль обща, ни закона – ибо мысль жива.

481. Мы сказали все о первом порядке подразделений трех классов триад. И хотя, переходя к дальнейшим подразделениям, в сфере вырожденных триад я не нахожу чего-то, обладающего особым философским интересом, – пусть, возможно, нечто и ускользнуло от моего внимания, – в сфере подлинных триад интересом для нас обладает очень многое.

482. Для начала мы рассмотрим первые два из трех главных разделений подлинных триад: законы качества и законы факта. Законы качества все принадлежат к одному типу, а именно, все они попросту детерминируют системы качеств. Наиболее удачным из известных примеров здесь может послужить закон сэра Исаака Ньютона (с дополнением д-ра Томаса Юнга) о смешении цветов.

483. Законы факта с самого начала делятся на те, которые должны были бы быть истинны, имейся на всякий обладающий значением вопрос хоть какой-то истинный ответ, – или, как мы говорим, на законы *логически необходимые*, – и законы *логически случайные (logically contingent)*. С этим разделением тес-

но связано еще одно. Если конкретно, то из логически случайных законов наиболее универсальны необходимо истинные при следующем условии: всякая форма, обязанная по логической необходимости мыслиться о данном объекте, есть также форма его реального бытия. Если назвать этот род необходимости метафизическим, то мы сможем разделить логически случайные законы на *метафизически необходимые* и *метафизически случайные*.

484. Общий закон качества, в отличие от классификационной системы качества (о которой у нас может иметься лишь фрагментарное знание), имеет три части, относящиеся соответственно к единичным качествам, парам качеств и триадам качеств. Первая часть гласит, что всякое качество совершенно и само по себе есть такое, какое оно есть. Вторая, более сложная часть закона гласит, что два качества связывает одно из двух возможных отношений, а именно: во-первых, они могут быть независимы друг от друга, в чем-то уподобляясь и в чем-то разнясь, и, во-вторых, одно из них может быть лишь дальнейшей детерминацией другого, причем последнее оказывается существенно первым в паре по порядку разворачивания, или синтеза, и вторым в паре по порядку свертывания, или анализа. Третья часть закона относится к аспектам (*respects*), или третьим качествам, в которых два сравниваемых качества согласуются или разнятся. Первый из этих аспектов есть качество качества, или, как мы могли бы сказать, его *оттенок* (*hue*) – аспект, в котором вкус сахара иной, нежели вкус соли; также, например, им может быть высота звука, или аспект, в котором разнятся красное, голубое и зеленое. Второй аспект есть абсолютная интенсивность качества: громкость в звуках, яркость в цвете, сила во вкусах и запахах и т. д. Третий аспект есть чистота, или относительная интенсивность сильнейших элементов. Она особенно велика в основных (*high*) цветах и музыкальных звуках. В некоторых случаях сила и слабость имеют характерные оттенки. Яркие цвета тяготеют к желтому, тусклые – к фиолетовому. Очень слабые звуки тяготеют к определенной высоте. Сама чистота или нечистота тоже может иметь характерный оттенок.

485. Общий закон логики точно так же разделяется на три части. Монадическая часть заключается в том, что факт в самом

своим существованием совершенно определен. Надлежащим образом проведенное исследование достигнет некоторого определенного и закрепленного результата – или результата, к таковому пределу бесконечно приближающегося: *всякий субъект экзистенциально детерминирован в аспекте каждого предиката*. Диадическая часть заключается в том, что есть две и только две возможных детерминации каждого субъекта в его отношении к каждому предикату: утвердительная и отрицательная. Диадический характер явствует не только из двойной детерминации, но также и из двойного предписания: во-первых, о том, что возможностей две как минимум, а во-вторых, что их две как максимум. Детерминация не может быть вместе утвердительной и отрицательной, но только либо одной, либо другой. Третья ограничительная форма детерминации принадлежит любому субъекту в отношении [некоторого другого] субъекта, если модус существования последнего – более низкого порядка ([в предельном случае] относительный *нуль*) и сам такой субъект соотносится с субъектом утверждения или отрицания, как несвязная гипотеза соотносится со связной. Триадическая часть закона логики признает три элемента в истине: идею, или предикат, факт, или субъект, и мысль, которая изначально сложила их вместе и теперь эту их совместность признает. Отсюда следует множество вещей, и особенно трехступенчатый выводной процесс, который либо, во-первых, следует порядку свертывания – от живой мысли, или правящего закона, и некоего случая существования в заданном условии этого закона к сказыванию идеи закона о данном случае; либо, во-вторых, следует от живого закона и присущности идеи этого закона некоему случаю существования к подчиненности (subsumption) данного случая заданному условию этого закона; либо же, в-третьих, следует от подчиненности некоего случая существования заданному условию живого закона и присущности идеи этого закона данному случаю к самому живому закону.⁸⁰ Таким образом, закон логики управляет отношениями разных предикатов к одному субъекту.

⁸⁰ [Ср. CP 2.620 ff.]

486. Общий закон метафизики мало кем понимается. Внимание мыслителей было столь приковано к вопросу о его истинности, что они по большей части упустили важность точной детерминации его самого по себе (пусть даже он не будет абсолютно истинен). Он, несомненно, происходит из естественной мысли и рассуждения – рассуждения, которое, сколь бы далеко не выводилось за пределы законного для себя заключения, остается, тем не менее, истинным рассуждением сильного типа. Именно поэтому достаточно затруднительно дать здесь сколь-либо краткую и сильную формулировку такого закона (и, вдобавок, *кратким* формулировкам метафизического рода вряд ли можно придать умопостигаемый характер). Я могу отметить только некоторые черты метафизического закона, имеющие целью выявить его трехчленное деление.

487. Метафизика находит свою связность в результате абсолютного принятия логических принципов – принятия не просто с точки зрения их регулятивной силы, но как истин бытия. Соответственно, следует заранее допустить, что универсум имеет объяснение, функция которого – как и всякого логического объяснения – заключается в объединении наблюдаемого разнообразия данного универсума. Отсюда следует, что корень всего бытия это Одно и что разные субъекты, в меру обладания характером, который присущ им всем, причастны одному и тому же бытию. В этом или в чем-то вроде этого и состоит монадическая часть разбираемого нами закона. Во-вторых, производя общую индукцию из всех наблюдаемых фактов, мы обнаруживаем, что всякая реализация существования заключается в случаях оппозиции – таких как притяжения, отталкивания, видимости (*visibilities*) и вообще всякие центры потенциальности. «Даже этот иссоп растет в своей трещине на стене лишь постольку, поскольку весь мир не смог этому помешать». Такова, или отчасти такова, диадическая часть закона. Третьей его частью мы имеем – благодаря дедукции того принципа, что мысль есть зеркало бытия – следующий закон: цель бытия и высшая реальность есть живое олицетворение порождаемой эволюцией идеи. Иначе говоря, всякое реальное есть закон чего-то менее реального. Стюарт Милль определил материю как перманентную воз-

можность ощущения.⁸¹ Но что есть перманентная возможность, если не закон? Атом действует на атом, причиняя сжатие во вмещающейся материи, а значит сила есть общий факт состояний атомов, находящихся на одной линии. И это истинно относительно силы в самом широком ее смысле – в смысле диады. То, что соответствует общему классу диад, есть его репрезентация, и диада есть не что иное, как слияние репрезентаций. Общий класс репрезентаций, собранных в один объект, есть организованная вещь, и репрезентация есть то, что многие такие вещи имеют в общем. И так далее.

488. Переходя к законам метафизически случайным, то есть к не содержащимся с необходимостью в буквальном расширении необходимых законов логической истинности до бытия, мы можем сначала разделить их на те, которые вменяют субъектам диадического существования формы взаимодействия, аналогичные имеющимся в логике, и благодаря которым субъекты уклоняются от законов логики в аспекте противности друг другу двух присущностей – то есть *законы времени*, и те, которые к логике отношения не имеют. С этим разделением тесно связано еще одно, а именно – разделение последнего класса законов на вменяемые объектам, взаимодействующим друг с другом экзистенциально, просто в силу этих объектов сосуществования (*законы пространства*), и на вменяемые объектам только в той мере, в какой модус их существования есть по своей собственной метафизической природе модус существования субъекта (*законы субстанциальных вещей*).

Относительно приведенных двух делений неизбежна долгая и жаркая философская дискуссия. Но с точки зрения попытки вкратце описать формы воплощения трех фундаментальных идей философии, было бы совершенно невыполнимой задачей эту дискуссию резюмировать. Здесь позволительно лишь одно: в некоторой мере развернуть характеристику воззрения, принимаемого в настоящей работе.

489. Итак, в первую очередь вполне ясно, что закон времени – не метафизический закон, и об этом нам говорит наш ло-

⁸¹ [В его *Examination of Sir Wm. Hamilton's Philosophy*, ch. 11.]

гический инстинкт. Как типический пример метафизического закона мы берем следующий: всякое существующее – пусть его существование есть вопрос грубого факта и безотносительно к какому-либо качеству – должно определенно обладать каждым монадическим качеством или быть без него. Мы инстинктивно переживаем: необходимость этого закона безусловно выше, чем какая бы то ни было необходимость сочленять именование субъектом одного атрибута с именованием им атрибута противоположного – сочленять посредством соотнесения их друг с другом как посылки и заключения, как «до» и «после». Первый закон есть просто экзистенциальное отражение закона логики: требование таково, что все необходимо *истинное* (если вообще есть какая-то истина) должно быть частью экзистенциального факта, а не только мысли. А вот второй закон требует, чтобы просто процесс мысли, который логика рассматривает как ментальный и никогда не настаивает на сказывании истинности о его субъекте, сам по себе должен быть отражен в существовании. Тем не менее, хотя закон времени – не метафизический закон, он, как ясно из приведенного описания, находится «по соседству» с метафизическим законом. Именно на этом основании данное деление непосредственно следует за делением законов на метафизически необходимые и метафизически случайные.

490. Хотя для многих умов – и более всего для самых лучших и яснейших – будет трудно ухватить логическую правоту воззрения, ставящего допущение времени не *до* либо метафизики, либо логики, но *после* этих родов необходимости – в порядке, здесь представленном, – данная трудность касается не этого частного пункта плана, а самого плана вообще. Признание убедительности противного допущения и развертывание его вплоть до соответствующих последствий привело бы к обращению всего порядка развития и заставило бы нас начинать с полиад, аналитически раскладывать их в триады, затем находить в триадах диады, а в диады – монады. В таком устройении мысли не только нет ничего ошибочного – отнюдь, можно даже сказать, что без следования ему названные понятия не могут быть надлежаще схвачены. И однако, это всего лишь одна сторона дела, тогда как исследованы должны быть обе – чтобы впоследствии синте-

зировать их в реально философское воззрение. Основание же тому следующее: хотя воззрение, в первую очередь берущее к рассмотрению триаду, необходимо с точки зрения понимания любого данного пункта плана, оно тем не менее *неспособно* – по самой природе нашего дела – быть развернуто целиком и полностью. С чего, к примеру, вы начали бы его разворачивать? С того, что взяли бы триаду *первой*. То есть вы, противореча себе же, с самого начала ввели бы монадическую идею «первого». Чтобы обрести идею монады и особенно чтобы сформировать точное и ясное ее понятие, начать с идеи триады и обнаружить свернутое содержание в ней идеи монады необходимо. Но это необходимо лишь для *построения* понятия – как леса необходимы для построения здания. Когда понятие построено, леса могут быть сняты – это нисколько не помешает тому, чтобы идея монады осталась на своем месте во всем своем абстрактном совершенстве. Следуя предложенным здесь путем – от монады к триаде, от монадических триад к триадическим и т. д., – мы продвигаемся вперед не посредством логического свертывания – мы не говорим, что монада *свернуто содержит* диаду, – но посредством разворачивания. То есть мы говорим, что для разворачивания монады в ее совершенстве следующей за ней нам необходима диада. Этот метод видится смутным, будучи сформулированным в общих терминах; но в каждом случае оказывается, что глубокое изучение каждого понятия во всех его характеристиках доставляет нам ясное восприятие, для которого данное следующее понятие как раз и требуется.

491. Пока что Гегель вполне прав. Он, однако, формулирует общую процедуру слишком узко – методы более высокого уровня, чем дилемма, у него не используются – и не придает ей надлежащей «наблюденческой» сущности. Реальная формула такова: сконструировав понятие в согласии с некоторым воспринятым, обретя его таким образом, мы отмечаем те его черты, которые, пусть и необходимо свернутые в воспринятом, не требовалось принимать в расчет для конструирования понятия.⁸² Эти воспринимаемые нами черты принимают в корне разные

⁸² [Ср. *CP* 6.302.]

формы, и мы обнаруживаем, что полученные формы необходимо партикуляризовать, то есть выбрать ту или иную из них, прежде чем суметь более совершенно ухватить изначальное понятие. Именно так мысль оказывается вынуждена вступить на предопределенный ей путь, и именно такова та истинная ее эволюция, всего лишь особым и иногда избираемым ею вариантом которой оказывается гегелевский дилемматический метод. Огромная опасность эволюционной процедуры таится в навязывании отнюдь не неизбежных шагов – вследствие того, что схватывание черт того или иного рассматриваемого понятия бывает недостаточно отчетливым, дабы увидеть, что именно за этим понятием непосредственно следует. В построении понятия логического следования должна быть использована идея времени, однако когда понятие уже получено, то его временной элемент может быть опущен – оставляя логическую последовательность свободной от времени. И уже сделав это, мы видим, что время есть экзистенциальная модель-аналог логического потока.

492. О времени говорится, что оно есть форма внутренней интуиции. Однако это ошибка только что рассмотренного свойства – она смешивает то, что разворачивается из идеи времени, с тем, что в ней свернуто содержится. Выполнение же задачи аналитика, выясняющего черты временного закона, должно начинаться с точной формулировки того, чего именно подчиненность времени данный закон эксплицитно претендует описать. В первую очередь, это только реальные события, которые «имеют место», или обладают датировкой, в реальном времени. И хотя воображаемые события, развитие беллетристического сюжета репрезентируются как обладающие отношениями внутри себя, *сходными* с такими же отношениями во времени, они не имеют реального места во времени. Исторический роман связывает себя – более или менее определенно – с реальным временем, но лишь потому что он «притворяется», что они [воображаемые события] суть реальные события. Таким образом, закон времени репрезентирует реально имеющими место в реальном времени только экзистенциально реальные события. Что, в таком случае, есть реальное событие? Оно есть экзистенциальное сочленение невозможных фактов. Бледно-желтоватый желе-

зистый раствор, смешанный с бледно-желтым раствором ферроцианида калия, внезапно становится синим. Требуется же, чтобы фактом была бледно-зеленоватость или красновато-желтость – а поэтому не синева – данной смеси, и чтобы одновременно фактом была синева той же самой вещи. Эти два факта противоречат друг другу. То есть абсурдно, что оба должны быть истинны относительно в точности одного и того же субъекта. Однако то, что они должны быть истинны относительно *экзистенциально* одного и того же субъекта, совсем не абсурдно, ибо они – просто акциденции индивидуальной вещи, которая как таковая не имеет сущности и модус существования которой состоит в ее проталкивании самой себя занять место в мире. И все же, две акциденции не могли бы быть сочетаемы друг с другом. Это *было бы* абсурдно: такие акциденции суть монадические качества, они действительно имеют сущности, и эти сущности разнятся. Их сочетание приняло бы форму монадической триады, но не стало бы возможной монадической триадой – иначе был бы нарушен монадический закон. Однако же, хотя две присущности неспособны *сочетаться* (*be combined*), они способны *сочленяться* (*be joined*). Подобное сочленение, не будучи монадической триадой, из всех форм диадической триады представляет собой ту, что подражает монадической триаде наиболее близко. Перечисли мы все деления диадических триад, мы вынуждены были бы поместить эту первой. Получается, что по крайней мере один род событий есть самая первая диадическая триада, которая отличается от триады монадической в следующем: согласно самой сущности свернутых в ней монадических качеств она противоречила бы логическому закону, если бы была монадической триадой.

493. Есть и другие разновидности событий, которые несколько более сложны, поскольку относящиеся к делу характеры – не простые монадические качества: например, А может объявить войну В, то есть может перейти от одного рода отношений с В к другому роду отношений с В. Но и такие события приходят к в общем-то тому же самому: между двумя монадическими элементами имеется отталкивание. Вряд ли с точки зрения наших настоящих целей стоит предпринимать какой-то длительный анализ лишь для того, чтобы произвести максимально тща-

тельную коррекцию требуемого здесь от нас определения события. Достаточно того, что событие всегда содержит сочленение противоречащих друг другу присущностей в экзистенциально идентичных субъектах – будь то простое монадическое качество, присущее единичному субъекту, или противоречащие друг другу монадические элементы диад или полиад, присущие единичным множествам субъектов. Однако в природе событий есть и более важное возможное разнообразие. В рассмотренных до сих пор событиях хотя и не необходимо, чтобы субъекты обладали природой субъектов экзистенциально (то есть чтобы они были субстанциальными вещами) – ибо они могут оказаться и просто волной, или оптическим фокусом, или чем-то с похожей природой, подверженной изменению, – все же необходимо, чтобы они были в некоторой мере устойчивыми, то есть дающими возможность для акцидентальных детерминаций. Значит, они должны иметь диадическое существование. Но ведь, с другой стороны, событие может состоять в обретении существования чем-то, что до того не существовало, – или в обратном. Противоречие есть и здесь; но оно состоит не в материальном, или чисто монадическом, взаимоотталкивании двух качеств – оно есть несовместимость между двумя формами триадического отношения, и это прояснится для нас в скором времени. Как бы то ни было, в целом мы можем сказать, что для события требуется: во-первых, противоречие; во-вторых, экзистенциальные воплощения именно так противоречащих друг другу состояний; [в-третьих,] непосредственное экзистенциальное сочленение этих двух экзистенциальных воплощений или фактов – чтобы их субъекты были экзистенциально тождественны; и в-четвертых, в этом экзистенциальном сочленении тот из двух фактов, который определен, должен быть экзистенциально первым в порядке разворачивания и экзистенциально вторым в порядке свертывания. Мы говорим, что первый из упомянутых – раньше, а второй – позже во времени. То есть прошлое в некоторой мере способно воздействовать, влиять на (вливаться в) будущее, но будущее никоим образом неспособно воздействовать на прошлое. С другой стороны, будущее может помнить и знать прошлое, а прошлое может знать будущее только в той мере, в какой спо-

собно вообразить процесс, посредством которого будущее будет подвержено влиянию.

494. Итак, вот какова природа события. Теперь мы можем перейти дальше к анализу субстанции закона времени. Для последнего необходимы три составляющие: монадическая, диадическая и триадическая. Монадическая составляющая в законе времени гласит, что всякий существующий факт, или диадическая диада, существует во времени, и – в *этом* времени. Событие есть экзистенциальное сочленение *состояний* (*states*) – то есть того, что в существовании соответствует *постулатам* (*statements*) о том или ином данном в репрезентации субъекте, – сочетание которых в одном субъекте нарушало бы логический закон противоречия. Получается, что рассмотренное как сочленение событие не есть субъект и не присуще субъекту. Что, тогда, это такое? Модус его бытия есть *экзистенциальное квазисуществование*, или такое приближение к существованию, в котором противоположности могут быть объединены в одном субъекте. Время же – такое разнообразие существования, благодаря которому то, что экзистенциально есть субъект, становится способно обрета́ть в существовании противоположные детерминации. Сказать, что Филлип пьян и что Филлип трезв, было бы абсурдно, не сделай время Филлипа, как он есть этим утром, иным, нежели Филлип, как он был прошлой ночью. По закону ничто не существует диадически как субъект, если отсутствует диверсификация, позволяющая субъекту принимать на себя противоположные акциденции. Мгновенный Филлип, способный быть пьяным и трезвым одновременно, обладает лишь потенциальным бытием, которое все-таки не вполне равносильно существованию.

495. Диадическая составляющая закона времени гласит, что если субъект экзистенциально принимает на себя противоположные атрибуты, то из двух противоположных состояний экзистенциально детерминированное состояние должно быть первым в экзистенциальном порядке развертывания и вторым в экзистенциальном порядке свертывания, а оставшееся – вторым в экзистенциальном порядке развертывания и первым в экзистенциальном порядке свертывания; и что касается двух любых событий, то детерминированное из такой пары соотносится с

другим событием в паре тем же самым способом (хотя два события и не сочленены друг с другом, как сочленены друг с другом два состояния в одном событии), если только они не независимы друг от друга, то есть *синхронны*. Допустим, я держу в руке свинцовый шар. Я разжимаю пальцы, шар падает на землю и покоится на ней. У шара – три состояния: во-первых, шар находится в моей руке, а не на земле; во-вторых, шар не находится ни в моей руке, ни на земле; в-третьих, шар не находится в моей руке, а находится на земле. Из двух событий – шар покидает мою ладонь и шар ударяется о землю – первое состоит в сочленении нахождения шара в моей руке, как первого в порядке развертывания, и не нахождения шара в моей руке, как второго в порядке развертывания. Следовательно, из двух состояний – шар находится в моей руке, а не на земле, и шар не находится ни в моей руке, ни на земле – первое есть необходимо первое в развертывании и таково благодаря самому событию. Получается, что порядок состояний регулируется самой природой событий – хотя события сами по себе суть ничто. Но если падение было мгновенным, если к примеру моя рука находилась на пути зрительного луча и затем отодвинулась, так что я засвидетельствовал всего два состояния – во-первых, рука видима, земля невидима, во-вторых, рука невидима, земля видима, – тогда два названных выше события синхронны. Если существуют два состояния: во-первых, «Р и Q», во-вторых, «не Р и не Q», то из двух состояний «Р, но не Q» и «Q, но не Р» может существовать лишь одно – на том основании, что решающим здесь оказывается диадический характер событий. Так, допустив, что состояния «Р и Q» и состояние «ни Р, ни Q» существуют оба, и допустив, что в событии «Р – не Р» Р есть первое в порядке развертывания, состояние «Р и Q» должно в порядке развертывания предшествовать состоянию «ни Р, ни Q», и следовательно в событии «Q – не Q» Q в порядке развертывания должно предшествовать не Q. Каждое из этих двух событий – «Р становится не Р» и «Q становится не Q» – может в таком случае предшествовать другому в порядке развертывания, и в зависимости от того, какое именно какому предшествует, одно из двух состояний – «Р, но не Q» и «ни Р, ни Q» – становится

невозможным. Если два названных события синхронны, и при этом экзистенциально не детерминированы с точки зрения их первенства в порядке развертывания, то два этих состояния оба невозможны.

496. Нами ощущается, что три возможных временных отношения между двумя мгновенными событиями естественно отражают три возможных логических отношения между двумя пропозициями, которые могут быть как одновременно истинны, так и одновременно ложны, но при этом логически не эквивалентны (то есть их истинность или ложность не одна и та же с точки зрения логической необходимости). Конкретно, если взять две такие пропозиции А и В, то: либо, во-первых, А может быть ложной, хотя В истинна, но В должна быть истинной, если истинна А; либо, во-вторых, каждая из них может быть ложной, при том, что вторая будет истинна, и таким образом они независимы друг от друга; либо, в-третьих, А должна быть истинна, если истинна В, однако В может быть ложна, хотя А будет истинна. Примечательно, что мы инстинктивно связываем первый пример с временным следованием В после А, а третий пример – с временным следованием А после В, говоря в одном случае, что В *следовала* бы из А, и в другом – что А *следовала* бы из В. Совсем иначе дело обстоит бы с поверхностным сходством. Но поскольку мы все-таки гораздо лучше способны узнавать о предшествующем во времени из последующего за ним, нежели о грядущем из прошедшего, то это показывает, что инстинкт опирается вовсе не на поверхностное сходство. Мы, и правда, знаем заключение позже, чем знаем посылки; однако мы не столько думаем о нашем *знании* как о следующем, сколько думаем о логическом следовании одного *факта* из другого. Таким образом, можно допустить, что наш инстинкт – это смутное понимание того, что временная последовательность есть зеркало, или образец, логического следования. То есть инстинкт с почти безошибочной достоверностью свидетельствует в пользу этого учения.

497. То, что из двух несинхронных событий одно должно произойти перед другим, свернуто содержит *этовость*, а поэтому и диадизм. Ибо сколь невозможно для нас указать или удостоверить первенство одного благодаря какому-то его общему ка-

честву, а лишь только сравнив с неким стандартным опытом, столь же невозможно, чтобы различие первого и второго происходило в силу чего-то иного, нежели диадичность существования. Первенство детерминированного из двух событий и вторичность во времени недетерминированного из них необходимо устанавливается ссылкой на некий стандарт, ибо «правое» и «левое» любого монадического качества в точности подобны между собой. Должны быть стандартно первое и стандартно второе, и для любой другой пары должен существовать некоторый способ приведения ее к конкретной одной – а никакой иной – экспериментальной связи с таким стандартом. Эта экспериментальная связь в познании соответствует экзистенциальной диадической связи в факте. Иначе не было бы никакой истины в познании.

498. О диадической части закона времени сказано достаточно. Триадическая же его часть гласит, что время не имеет предела, что всякая доля времени ограничена двумя принадлежащими этой доле мгновениями и что между любыми двумя мгновениями в том и другом направлении могут быть расположены еще мгновения – так что если взять любое возможное множество объектов, для каждой единицы этого множества будет иметься по крайней мере одно расположенное между указанными двумя мгновениями событие. Значение этого постулата требует некоторого объяснения. Во-первых, что значит высказывание об отсутствии у времени предела? Оно может быть понято в топическом или метрическом смысле. В метрическом смысле оно значит, что у времени нет абсолютно первого и абсолютно последнего. То есть, несмотря на то, что мы должны *принять* стандарт первого и последнего, ничто по собственной природе не будет прототипом этого первого и последнего, ибо имейся какой-нибудь такой прототип, он состоял бы из пары объектов – абсолютно первого и абсолютно последнего. Однако метрический смысл превосходит интенцию высказывания о беспредельности времени: истинно приведенное истолкование или нет – вопрос, касающийся больше событий, нежели времени как такового. Значение же этого высказывания следующее: во времени нет мгновения, от которого время протягивалось бы более или менее чем двумя способами, вне зависимости от того, суть ли эти последние все-

гда по своей природе предшествование и последование, или нет. Коли так, то, поскольку всякая доля времени ограничена двумя мгновениями, во времени должна существовать кольцеобразная связь. События могут находиться в пределах доли этого кольца; однако само по себе время протягивается вокруг – иначе будет иметься доля времени, скажем будущее (а также и прошлое), не ограниченная двумя мгновениями. Эта точка зрения оправдана тем, что она распространяет свойства, принадлежащие, как мы видим, времени, на все временное целое – без произвольных, не гарантированных опытом исключений. Далее, между двумя событиями можно расположить не только одно событие, но множество – более великое, чем позволительно с позиции высказанного нами постулата, настолько большое, насколько велико могло бы быть вообще любое описуемое множество объектов. Возможно это в реальности или нет, но именно таков инстинктивный закон – закон, осознаваемый нами, по видимому, напрямую.

499. В силу сказанного время есть континуум. Ибо поскольку мгновений, или возможных событий, так же много, как в любом произвольно великом собрании, а максимально великого собрания нет, отсюда следует, что их больше, чем членов в любых произвольных собраниях. Поэтому мгновения в самом своем существовании должны быть индивидуально неразличимы; иначе говоря, они различимы и имеют бесконечно различимые части, но при этом не состоят из абсолютно самотождественных и отличных друг от друга индивидуальностей – то есть они образуют *континуум*. Континуум не может подвергнуться изменению порядка – разве что в незначительной степени; мгновение не может быть удалено. Вам не удастся каким-нибудь декретом укоротить установленный законом праздник путем причисления его последнего мгновения к наступающему за ним рабочему дню – точно так же, как у вас не получится убрать из света интенсивность и удерживать ее видимой, пропустив свет через матовое стекло. Отрезок АВ можно рассечь на два отрезка, АС и С'В, и их концы сочленить (С' с А и С с В), – то есть все это можно проделать в воображении. Что касается времени, то с воображением подобного рассечения у нас возникают зат-

руднения. Ибо для того, чтобы время даже в воображении с непрерывностью перетекло от конца одного дня до начала другого, действительно исторически за ним следующего, все события должны быть подготовлены: все состояния вещей этих двух мгновений, включая состояния постепенного изменения, например скорости, и т. д. должны быть в точности теми же самыми. В примере с линией мы не думаем об этом – хотя это равно истинно и для линии, – поскольку мы не привыкли вдаваться в детали, обращаясь с теми фактами относительно единичных молекул и атомов, от которых и зависит сцепление материи. Посему мы не видим особого затруднения в том, чтобы сочленение одного конца линии с любым другим концом линии обладало непрерывностью. И приведенное воззрение истинно не менее другого, а именно, что ничто не мешает вырезать из течения времени двадцать четыре часа и с непрерывностью присоединить предшествующий этому отрезку времени день к следующему за ним – лишь бы имелась сила, достаточная для достижения такого результата. В подобном случае два присоединенных друг к другу мгновения оказались бы *отождествлены*, или сделаны одним-единственным мгновением, и это в достаточной мере демонстрирует недостаток их индивидуальной *самотождественности* и индивидуального отталкивания всех остальных.

500. С разделением метафизически случайных законов на те, что вменяют присущностям разных атрибутов одному субъекту формы, аналогичные формам мысли, – дабы такие присущности могли избегать подчинения законам логики, – и те, что к мысли отношения не имеют, тесно связано разделение этих последних: на законы, вменяющие разным субъектам в точности одних и тех же качеств формы отношения, аналогичные метафизическим формам, – дабы такие субъекты могли избежать подчинения законам метафизики (то есть законам пространства), – и законы, не затрагивающие диад присущности, а только диады взаимодействия.

501. Согласно метафизическому закону достаточного основания, две вещи не могут быть схожи во всех аспектах. Пространство избегает подчинения этому закону: оно предоставляет места, в которых две (или сколько угодно) вещи, в точности схожие за

исключением своего расположения в разных местах (самих по себе столь же схожих), могут существовать. Таким образом, пространство делает для разных субъектов одного предиката именно то, что делает время для разных предикатов одного субъекта. И точно так же как времени удастся избежать подчинения логическому закону благодаря тому, что оно дает форму, аналогичную логической форме, пространству удастся избежать подчинения метафизическому закону благодаря тому, что оно дает форму, аналогичную форме метафизической. Конкретно же, в то время как метафизика учит, что имеется последовательность реальностей более и менее высокого порядка – каждая из них есть обобщение предыдущей, менее высокого порядка реальности, чем она сама, и вместе с тем – предел следующей, более высокого порядка, – пространство представляет нам точки, линии, поверхности и тела, в каковой измеренческой последовательности каждая ступень порождается движением места ближайшей из меньших и оказывается пределом места ближайшей из больших.

502. Последнее деление законов очень широко, а именно: *a posteriori* законы бывают либо чисто динамическими, либо более или менее интеллектуальными; здесь имеется некоторая аналогия с разделением умственной ассоциации на ассоциацию по смежности и ассоциацию по подобию. Первые суть номологические законы физики, и в меру их известности современной науке они таковы:

503. Первое: любая частица, или математически неделимая доля материи, движется, если к ней не прикладывается сила, вдоль *луча* (*ray*),⁸³ или линии, принадлежащей некоторому семейству: любая четверка таких линий, при том, что их всех не пересекает каждый из бесконечно большого множества лучей, пересекается всего двумя лучами.

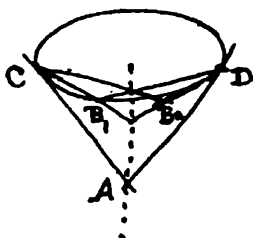
504. Второе: имеется *фирмамент* (*firmament*),⁸⁴ или поверхность, делящая пространство на миры; свойства же его тако-

⁸³ <Как можно понять из дальнейшего, определение луча Пирсом не совсем совпадает с определением луча в геометрии.>

⁸⁴ <Буквально с латинского – твердыня. В английском слове *firmament* обозначается небесная твердь, то есть – небесная сфера, и из этого можно понять, что помимо прочего фирмамент у Пирса – некая сферическая поверхность.>

вы, что, во-первых, если (A), (B), (C), (D), (E), (F) – это любые точки на плоскостном⁸⁵ его сечении, то лучи {AB} и {DE} встретятся в точке [{AB}{DE}], которая корадимальна точкам [{BC}{EF}] и [{CD}{FA}]; во-вторых, ни одна материальная частица никогда не устанавливается на фирмаменте и ни одна его не покидает, так же как и ни одна плоскость, закрепленно связанная с частицей, никогда своим движением не приходит в касание с фирмаментом и никогда своим движением не уходит от этого касания; и в-третьих, если тело *ригидно*, то есть имеет только шесть степеней свободы – так что все его лучеобразные⁸⁶ волокна (filaments) закреплены, когда шесть его частиц ограничены в том смысле, что могут лежать только на закрепленных поверхностях, или когда шесть его плоскостных слоев (films) ограничены в том смысле, что могут проходить только через закрепленные точки, – то все его возможные перемещения подчинены следующим условиям:

Во-первых, если две частицы, A и B, ригидного тела располагаются в точках $[A_1]$ и $[B_1]$, так что луч $\{A_1 B_1\}$ имеет две точки на фирмаменте, скажем $[C_1]$ и $[D_1]$, то A и B, как бы они ни были перемещены, должны лежать на луче, имеющем две точки на фирмаменте, и если какой-нибудь луч, проходящий через

$[A_1]$ имеет две точки $[C_2]$ и $[D_2]$ на фирмаменте, то при закреплённости A в точке $[A_1]$ B может быть перемещено так, что будет занимать точку $[\{[C_1 C_2]\{D_1 D_2\}}B_1]\{C_2 D_2\}$ или точку $[\{[C_1 D_2]\{C_2 D_1\}}B_1]\{C_2 D_2\}$; однако A и B не могут занимать одно-

⁸⁵ Плоскость есть поверхность, порожденная лучом, который может пересекать только два фиксированных луча, пересекающих друг друга.

⁸⁶ <Направленные вдоль луча — radiform.>

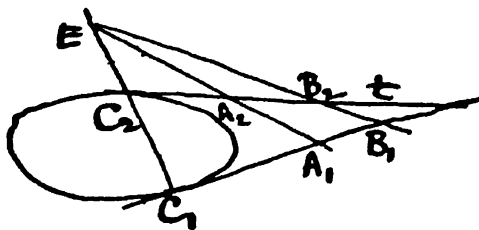
временно какую-то пару точек, которую в силу приведенного постулата они не могут занимать с необходимостью.

Во-вторых, если две частицы, А и В, ригидного тела располагаются в точках $[A_1]$ и $[B_1]$, так что луч $\{A_1B_1\}$ не имеет ни одной точки на фирмаменте, [то] пусть на любой плоскости, содержащей $[A_1]$ и $[B_1]$, будут $[C]$ и $[D]$ – точки касания лучей, касающихся фирмамента и проходящих через $[A_1]$.

Тогда, если взять любой луч $\{r\}$, проходящий через $[A_1]$, то $[[\{CB_1\}r]D][\{DB_1\}r]C$ будет точкой, в которой может находиться В, когда А находится в $[A_1]$.

В-третьих, если две частицы, А и В, ригидного тела располагаются в точках $[A_1]$ и $[B_1]$, так что луч $\{A_1B_1\}$ имеет одну точку на фирмаменте, [то] на любой плоскости, проходящей через

$\{A_1B_1\}$, возьмем любую другую точку $[C_2]$ на фирмаменте и любую точку $[E]$ на луче $\{C_1C_2\}$. Тогда, если $\{t\}$ – это луч, касающийся фирмамента в точке $[C_2]$, А и В могут быть одновременно находиться в $\{t\{EA_1\}$ и $\{t\{EB_1\}$.

Всякое радиальное волокно ригидного тела (заполняющего, как предполагается, все пространство) имеет сопряженное радиальное волокно, которое ему полярно. Конкретно, один из этих лучей есть пересечение двух плоскостей, касающихся фирмамента, а другой –

проходит через две точки этого касания. Всякое бесконечно малое перемещение ригидного тела происходит так, как если бы это тело было частью ригидного тела, заполняющего все пространство и имеющего два вида движения: в одном все частицы на одном луче закреплены, в то время как все плоскостные слои, проходящие через полярный ему сопряженный луч, остаются на одной и той же плоскости, а в другом все совершается точно наоборот.

505. Третье: воздействие силы на частицу производит, пока длится воздействие, составное ускорение частицы, пропорциональное данной силе и происходящее вдоль ее луча; результирующая же этих составных ускорений такая же, как если бы в каждое некоторое бесконечно малое время разные составные действовали последовательно, но каждая составная — в течение времени, равного всему этому бесконечно малому времени.

506. Четвертое: эффект силы, имеющейся между двумя частицами, заключается в том, что им придаются ускорения — противоположные и направленные вдоль луча, проходящего через эти частицы; такие ускорения, обратно пропорционально, суть некоторые количества, называемые *массами* ускоренных частиц, и последние постоянны в течении всего времени.

507. Пятое: в той мере, в какой сила действует между парными частицами, каждая из которых рассматривается просто как нечто занимающее точку, эффект этой силы зависит от относительных положений данных частиц.

508. Шестое: в настоящем то, как следует объяснять феномены эластичности и т. д., остается недостоверным; однако достоверно известно, что вся сила не может быть только позиционным взаимопротяжением или взаимоотталкиванием. Следовательно, кроме последнего из приведенных есть какой-то дополнительный закон.

509. Седьмое: все частицы, удаленные друг от друга более чем на дециметр, притягивают друг друга приблизительно обратно пропорционально квадрату расстояния, и константа здесь равна $6,658 \cdot 10^{-8}$ (Бойс).⁸⁷

⁸⁷ [См. Boys, «On the Newtonian Constant of Gravitation», *Philosophical Transactions*, London, 1895, 186A, p. 69.]

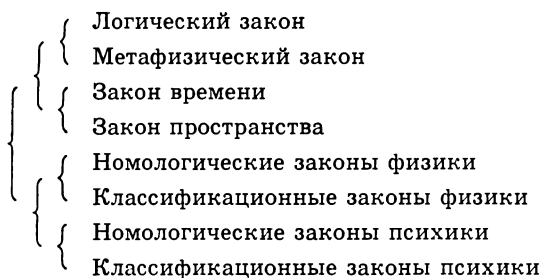
510. Восьмое: известно, что частицы, находящиеся на более близком расстоянии, притягивают друг друга сильнее, и кажется вероятным, пусть отнюдь и не доказанным, что есть по крайней мере два рода притягивающихся по-разному частиц – здесь, однако, наше неведение становится почти совершенным.

511. Законы, связывающие феномены посредством синтеза более или менее интеллектуального, или внутреннего, несколько вольно делятся на законы внутренних отношений (или сходств) между телами и законы ума.

512. Законы сходства и разницы между телами суть законы классификационные, или химические. О них мы знаем немного; однако с некоторой уверенностью мы можем утверждать, что есть разницы между субстанциями – т. е. разницы в мельчайших частицах тел, – на которых основана одна классификация, и есть разницы в структуре тел, на которых основана другая классификация. Внутри последних мы можем различить между разницами в структуре мельчайших частей тел, зависящими от формы и размера атомарностей, и разницами в том, как тела строятся из своих мельчайших частей. И здесь уже мы имеем различие между структурами, сообщающими форму в отсутствие способности и силы к истинностному [истинному?] росту, или неорганическими структурами, и химией протоплазм – химией развития живых организмов.

513. Наконец, законы ума разделяются на законы универсального действия ума и законы родов психической манифестации.

514. Таким образом, общая схема деления законов такова:

515. Теперь мы подошли к совершенно подлинным триадам, третьему классу третьего класса триад, и на этой стадии исследования нам следовало бы прояснить то, чем мы уже обла-

даем, и то, где находимся, – дабы смочь продвинуться дальше в ходе нашего обсуждения. Монада не имеет других черт, помимо ее таковости, и последняя проявляется в логике – не забудем, что именно логика везде служит нам проводником – как значение глагола. Это уже получило свое воплощение в самой нижней из главных форм логики – в *термине*. Диада ввела в обиход радикально иной элемент – субъект, который изначально показывает себя в *пропозиции*. Диадическая пропозиция имеет два субъекта, каждый из которых подражает монаде, но при этом они разнятся друг от друга, ибо один – активен, а другой – пассивен. Триада вводит третий элемент – выражение мысли, или рассуждение, который состоит в связывании двух пропозиций, однако не просто диадических пропозиций, а общих убеждений. Эти две пропозиции, будучи связаны обоюдным термином, стремятся произвести третье убеждение, но не только произвести некое убеждение, а сделать его истинным. Такое рассуждение впервые возникает в силлогизме, в каковом три посылки трижды связываются названным способом. Возьмем обычный пример:

Все люди <когда-то> умирают;
Енох есть человек;
Следовательно, Енох <когда-то> умирает.

Эти пропозиции не диадические. Первая – потому что она есть правило, а не просто индивидуальный факт; вторая – потому что ее второй термин, не будучи ни всего лишь монадическим качеством, ни, тем более, какой-то индивидуальной единицей, есть класс-термин. Третья пропозиция – не диадическая, ибо она мыслится как *результат*. Каждая пара из трех таких пропозиций есть основание, стремящееся сделать оставшуюся третью истинной. Первой и третьей это удастся посредством принадлежащего им обоим монадического характера. Первая дает *умирание* как видовую характеристику всех людей; третья гласит, что как следствие Енох <когда-то> умирает. Это сообщает Еноху одну человеческую характеристику и в той мере, в какой умирание Еноха есть ее последствие, оказывается направленным на то, чтобы сделать его человеком. Вторая и третья пропозиции стремятся сделать первую истинной посредством принадлежащего им обоим диадичес-

кого субъекта. Вторая пропозиция гласит, что Енох – некто из человеческого рода; третья – что как следствие Енох <когда-то> умирает. Это значит, что какой-то один человек умирает – а поскольку умирание Еноха есть следствие, это стремится также сделать истинным и то, что умирают все люди. Наконец, первые две пропозиции рожают истину третьей, и в приведенном частном случае они делают это абсолютно: способ, которым данная пара вообще стремится сделать третью пропозицию истинной, будучи не обязательно более убедительным, все-таки более, нежели две другие пары, близок к способу, которым, по нашему понятию, получается объективная истина. Ей (паре) удастся сделать это посредством своей общности в отношении к среднему термину «человек», термину, имеющему благодаря содержащимся в нем характеристам субъекта и предиката триадический элемент. Ибо сочетание есть триадизм, а триадизм есть сочетание. В точности подобно логическому глаголу с его значением, заново возникающему в метафизике как качество (как *ens*, имеющее своим модусом бытия *природу*), и подобно логическому индивидуальному субъекту, заново возникающему в метафизике как вещь (как *ens*, имеющее своим модусом бытия *существование*), логическое основание (the logical reason), или посылка, заново возникает в метафизике как разум (a reason), или *ens*, которое имеет своим модусом бытия *реальность*, состоящую в управлении как внешним, так и внутренним миром. Бытие качества заключается целиком в самом себе, бытие вещи заключается в оппозиции другим вещам, бытие основания заключается в совмещении качеств и вещей.

516. В вырожденной диаде имеется метафизическое соответствие пропозиции, однако это пропозиция, два субъекта которой суть всего лишь качества. В первой вырожденной триаде имеется метафизическое соответствие силлогизму, однако это силлогизм, три основания которого заключаются во всего лишь качествах. Так, оранжевый цвет есть опосредующий между красным и желтым. Силлогизм здесь таков:

Оранжевый имеет в своей собственной природе некоторое
неописуемое, но переживаемое отношение к красному;

Желтый имеет подобное отношение к оранжевому;

как результат, Желтый имеет подобное отношении к красному.

Итак, если желтый имеет некое отношение к оранжевому и, как результат, желтый имеет то же отношение к красному, это может быть только потому, что оранжевый имеет то же самое отношение к красному.

517. Во второй вырожденной триаде точно так же имеется метафизическое соответствие силлогизму – однако это силлогизм, чьи посылки заключаются во всего лишь сосуществованиях диадических фактов. Например:

А – мать В;

В – жена С;

получается, что А – теща С.

Как бы то ни было, в подлинной триаде есть реальный закон и реальный случай, подпадающий под этот закон, – так что основания суть не всего лишь основания по форме, но реально управляют истиной.

518. Однако, имейся даже реальное действие закона, одному из трех оснований может все-таки недоставать триадической реальности:

Все цвета суть составы из такой-то доли красного,
такой-то доли зеленого и такой-то доли голубого;
Желтый есть цвет;

как результат, Желтый составлен из долей
красного, зеленого и голубого.

Здесь средний термин есть несколько больше, чем дизъюнкция качеств, и отличается от нее лишь в том, что отдельные цвета не мыслятся эксплицитно. Соответственно, то, что цвета суть составы, и то, что желтый в результате оказывается подобным образом составленным, лишь формально стремятся сделать желтый цветом – ибо в самой сущности цвета уже дано, что желтый есть цвет. Следовательно – ведь одно из трех оснований этой триады не оказывается реально действующим – она подлинна лишь на две трети.

519. В чем-то подобен приведенному тот случай, когда средний термин есть всего лишь обобщенное диадическое существование.

Все тела притягиваются друг к другу
пропорционально своим массам и обратно

пропорционально квадрату расстояния между ними,
помноженному на фиксированную величину;
Земля и луна имеют такую-то и такую-то массы
и удалены друг от друга на такое-то расстояние;
как результат, Земля и луна притягиваются друг к другу с
такой-то силой.

О последних двух пропозициях, тем не менее, вряд ли можно сказать, что они реально стремятся к рождению истины первой пропозиции, ибо описанный закон есть не более чем выражение в фактах того, как тела действительно двигаются. Насколько этот закон касается земли и луны, он уже имеется в самом их факте – то есть обладание землей и луной теми, а не иными массами и тем, а не иным разделяющим их расстоянием, не влияя на сам грубый факт, лишь заставляет некоторую пропозицию выразить этот факт.

520. Есть, однако, третий род подлинной триады, в отношении которого не применима ни одна квалификация совершенной триадической подлинности – на том основании, что результирующее в такой триаде не было бы субсистентно по самой своей природе, не поддерживай его средний термин. А дарит В <некому> С. Допустим, он совершает это как формальное юридическое деяние. Тогда в данном деянии А лишает себя В, а также вступает в сделку с С; С, в то же время, в силу названных двух сторон деяния и в силу их единства приобретает В во владение. Это, однако, есть отдаленный результат. Непосредственный же результат таков, что С приобретает В во владение посредством дара, совершенного А, и в отсутствие деяния, совершенного А, этого владения приобрести бы не смог.

Глава 5

Случаи вырожденности⁸⁸

§1. Роды Двоичности

521. Очень убого представлять себе, что учение [о категориях] можно изложить за одну лекцию. Они должны вырасти в уме под жарким солнцем упорного мышления – ежедневного, ясного, сконцентрированного и целеустремленного мышления; и вы должны быть терпеливы, ибо для того чтобы плод созрел, требуется немалое время. Категории – не мое изобретение, иначе это стало бы достаточным основанием их отвергнуть. Спутанные представления об этих элементах в философии появились впервые еще в ее младенчестве – и никогда с тех пор не бывали полностью забыты. Их фундаментальная важность отмечается в начале Аристотелева сочинения «О Небе», где говорится,⁸⁹ что о них знали уже пифагорейцы.

522. У Канта они приблизились к полной ясности. Дело в том, что Кант в высокой степени обладал всеми семью умственными характеристиками философа:

1. Способностью различать то, что находится перед твоим сознанием.

2. Новаторством и оригинальностью.

3. Силой обобщения.

4. Филигранностью мысли (*subtlety*).

5. Критической строгостью и чувством факта.

6. Способностью к систематической процедуре.

7. Энергией, тщательностью, упорством и исключительной преданностью философии.

523. Однако Кант ни в малейшей степени не подозревал, сколь неистощимо сложна ткань понятий – а она именно такова, и я не лъщу себя надеждой, что мне удалось разложить хотя бы одну идею на ее предельные составные элементы.

⁸⁸ [Из «Лоуэлловских лекций 1903 г.» («Lowell Lectures of 1903»), лекция III, т. 2, 3-й набросок, следует за 349.]

⁸⁹ [268a 11.]

524. Гегель, в некоторых отношениях величайший из всех философов, имел несколько более справедливое представление об этой сложности, впрочем, также неадекватное – ибо если бы он увидел, каково состояние дел, он не стал бы пытаться охватить все то огромное исследовательское поле, полному объяснению которого посвятил себя. Как бы то ни было, ущербность Гегеля к прискорбию сказалась в отношении пятого требования – критической строгости и чувства факта. Он осветил три главных элемента гораздо более ясно [чем Кант]; однако элемент Двоичности, или *твердого факта*, не получил должного места в его системе – в меньшей степени то же верно и для Первичности. После Гегеля прошло пятьдесят лет, которые были замечательно плодотворны на все, что смогло бы помочь выполнить названное пятое требование. Тем не менее последователи Гегеля, вместо того, чтобы потрудиться над реформой системы их учителя и принадлежащей ему отжившей ее формулировки (чего всякий истинный философ должен желать от своих приверженцев), в лучшем случае предложили некоторые поверхностные изменения, ничем не заместив прогнившего материала, из которого сама система была выстроена.

525. Я не стану вынуждать вас выслушивать отчет о моих собственных исследованиях. Достаточно сказать, что их результаты оказали мне огромную помощь в изучении логики.

Как бы то ни было, я сделаю несколько замечаний о категориях. Во вступлении я должен объяснить, что, говоря о исчерпывающем наборе из трех элементов – Первичности, Двоичности и Троичности, – я ни в коей мере не отрицаю наличия других категорий. Наоборот, на всякой стадии всякого анализа нам встречаются понятия, которые, по всей видимости, не принадлежат этому ряду идей. И поскольку изучение таких понятий, занявшее у меня два года, не привело к какому бы то ни было анализу, который раскладывал бы их на названные категории как на конституенты, я далее не буду говорить об них – разве что при удобном случае.

526. Касательно же трех универсальных категорий, как я их называю, – не имея, возможно, вполне достаточного основания считать их более универсальными, чем остальные, – мы

сначала отметим Двоичность и Троичность, как понятия сложности. Это не значит, однако, что они сами суть сложные понятия. Хотя думая о Двоичности, мы естественно думаем о двух взаимодействующих объектах, первом и втором, – и вместе с ними, как с субъектами, присутствует их взаимодействие, – все это, однако, не суть конститuentы, из которых построена Двоичность. Истина как раз в обратном – [в] том, что бытие первым или вторым или бытие взаимодействием каждое свернуто содержит Двоичность. Объект не может быть *вторым* сам по себе. Если он есть второе, в нем имеется элемент бытия тем, чем заставляет его быть другой объект, то есть бытие вторым содержит Двоичность. И взаимодействие еще более явно содержит то, быть чем один субъект заставляет другой субъект. Таким образом, хотя Двоичность – факт сложности, она не будет составом из двух фактов. Она будет единичным фактом о двух объектах. Подобные замечания относятся и к Троичности.

527. Замечание, сделанное только что, сразу же ведет нас к следующему. Двоичность второго, какой бы из двух объектов не был назван вторым, разнится от Двоичности первого. Иначе говоря, они разнятся *вообще*. Убить и быть убитым суть разное. Если из двух будет один, назвать который первым (а оставшийся – вторым) имеется достаточное основание, то Двоичность окажется более акцидентальна для первого, нежели для второго. Положение вещей здесь более или менее приближено к следующему: нечто, само по себе первое, акцидентально входит в Двоичность, и эта последняя реально не модифицирует его Первичности, второе же в этой Двоичности есть нечто, чье бытие причастно природе Двоичности – оно не имеет Первичности, от нее (Двоичности) отдельной. Для необученных подобному анализу понятий должно быть чрезвычайно трудно извлечь из всего сказанного какой-то смысл. По этой причине вашему вниманию я собираюсь предложить очень малую его часть – достаточную лишь продемонстрировать тем, кто *способен* удержать сказанное мной в своем уме, что такой анализ никоим образом не есть бессмыслица. Крайний случай Двоичности, который я только что описал, это отношение некоего *качества* к *материи*, которой данное качество присуще. Модус бытия качества есть

модус бытия Первичности; другими словами, это возможность. Оно связано с материей акцидентально, и данное отношение никак не меняет самого качества – кроме того, что вменяет ему *существование*, то есть это самое отношение присущности. Однако *материя*, с другой стороны, не обладает никаким иным бытием, кроме бытия субъектом качеств: отношение реального обладания качествами составляет ее *существование*, и если забрать у нее все качества и оставить ее бескачественной материей, она не только не будет существовать, но не будет иметь и какой-либо положительной определенной возможности – каковую имеет невоплощенное качество. Материя будет просто ничем.

528. Итак у нас получилось разделение вторых на те, самое бытие которых, или Первичность, – быть вторыми, и те, Двоичность которых есть только приращение. Это различие происходит из существенных элементов Двоичности – ибо Двоичность содержит Первичность и понятия двух родов Двоичности суть понятия смешанные, составленные из Двоичности и Первичности. Одно понятие – второе, самая Первичность которого есть Двоичность. Другое – второе, чья Двоичность вторична по отношению к Первичности. Идея сплетения Первичности и Двоичности этим особым путем отлична от сочетаемых ею же идей Первичности и Двоичности и кажется понятием о некоем совершенно ином ряде категорий. В то же время Первичность, Двоичность и Троичность суть составные части этой идеи – различие здесь зависит от того, объединены два элемента, Первичность и Двоичность, в одно или остаются двумя. Такая дистинкция между двумя родами вторых, почти содержащаяся в самой идее второго, производит дистинкцию между двумя родами Двоичности: Двоичностью подлинных вторых, или материй, которую я называю подлинной Двоичностью, и Двоичностью, в которой одно из вторых есть только Первичность, и такую Двоичностью я называю вырожденной – последняя в реальности равносильна лишь тому, что субъект в своем бытии вторым обладает Первичностью, или качеством. Следует отметить, что приведенное различие возникает из рассмотрения крайних случаев, и следовательно оно будет дополняться подразделениями согласно более или менее существенной или акцидентальной

природе подлинной или вырожденной Двоичности. Троичность никак сюда не относится, или в любом случае относится столь мало, что для удовлетворительного отчета об этой дистинкции о ней нет нужды упоминать.

529. Я лишь упомяну, что Первичности не различаются как подлинные и вырожденные, а среди Троицностей мы находим не только подлинные, но и две отчетливых степени их вырожденности.

§2. Первичность Первичности, Двоичности и Троичности

530. Как бы то ни было, теперь я хочу обратить ваше внимание на то различие, которое касается Первичности более, чем Двоичности, и Двоичности более, чем Троичности, – оно возникает из того обстоятельства, что, имея тройку, вы всегда имеете три пары, а имея пару, вы имеете две единицы. То есть Двоичность – это существенная часть Троичности, но не Первичности, а Первичность – это существенный элемент как Двоичности, так и Троичности. Поэтому есть такая вещь как Первичность Двоичности, такая вещь как Первичность Троичности и такая вещь как Двоичность Троичности, однако нет Двоичности чистой Первичности и нет Троичности чистых Первичности и Двоичности. Пытаясь обрести возможно наиболее чистые понятия о Первичности, Двоичности и Троичности, мысля качество, взаимодействие и опосредование, вы на самом деле пытаетесь схватить чистую Первичность, Первичность Двоичности (то, что сама по себе есть Двоичность) и Первичности Троичности. Когда вы сопоставляете слепое принуждение в событии взаимодействия, каковое принуждение берется как нечто случающееся и по своей природе неспособное случиться снова, ибо вы неспособны пересечь ту же реку дважды – так вот, когда вы сопоставляете принуждение с логической необходимостью, порождаемой (logical necessitation of) неким *значением*, – причем данное необходимое порождение берется как то, чье бытие вообще может обраться только путем действительного воплощения в событии мысли, – и вы рассматриваете это логически необходимое по-

рождение как некую разновидность действительного принуждения – ибо данное значение должно быть действительно воплощено, – в таком случае вы мыслите как раз Двоичность, содержащуюся в Троичности.

531. Первичность экземплифицирована во всяком качестве некоего целостного переживания. Она совершенно проста и бесчастна; а поскольку свое качество имеется у всего, трагедия короля Лира тоже имеет свою Первичность, свой привкус *sui generis*. То, в чем все такие качества согласны, есть универсальная Первичность, самое бытие Первичности. Слово *возможность* подходит для его обозначения – за тем исключением, что возможность подразумевает отношение к существующему, а универсальная Первичность есть модус бытия себя самой. Именно поэтому для обозначения потребовалось новое слово – в остальном «возможность» вполне отвечала бы нашим целям.

532. Что касается Двоичности, то я уже сказал: единственное наше прямое знание о ней заключено в волеии и опыте некоего восприятия. Наиболее мощно Двоичность выступает именно в волеии. Однако это не чистая Двоичность – в первую очередь волящий имеет цель, а идея цели заставляет деяние являть себя *средством* достижения цели. Слово же *средство* есть почти точный синоним слова *третье* – оно (средство) несомненно содержит Троичность. Более того, волящий сознает свое волеие, в смысле *репрезентации* его себе, а репрезентация есть как раз подлинная Троичность. Вы должны помыслить мгновенное осознание, которое, будучи каждый раз мгновенно и полностью забыто, есть усилие без цели. Попытаться реализовать в уме, чем было бы сознание без элемента репрезентации, безнадежно – как услышать оглушительный взрыв нитроглицерина прежде, чем очнуться и ощущать всего лишь какое-то случившееся нарушение тишины. Вероятно, искомое нами могло бы быть недалеко от того, происшествие чего понимается обыденным здравым смыслом в случае столкновения одного бильярдного шара с другим и их отскакивания друг от друга. Один шар «совершает деяние» относительно другого – то есть он производит напряжение *minus* элемент репрезентации. С некоторым приближением к точности мы можем сказать, что общая Пер-

вичность всякой истинной Двоичности есть *существование*, хотя этот термин, будучи элементом взаимодействия первого и второго, более собственно применим к Двоичности. Если мы имеем в виду ту Двоичность, которая есть элемент происшествия, то Первичность здесь окажется *действительностью*. Однако и действительность, и существование суть слова, выражающие одну идею, но в разном применении. Двоичность, строго говоря, есть тогда и там, когда и где она имеет место, и иным бытием не обладает – поэтому разные Двоичности, строго говоря, сами по себе не имеют качества, присущего им всем. Соответственно, существование, или универсальная Первичность всякой Двоичности, в реальности вообще не есть качество. Действительный доллар на вашем счету в банке ни в каком аспекте не разнится с неким возможным воображаемым долларом. Будь это так, воображаемый доллар можно было бы – опять же – вообразить поменявшимся в этом аспекте и, таким образом, начавшим соответствовать вашему действительному доллару. В итоге мы видим, что действительность не есть некое *качество*, т. е. не есть просто модус переживания. Именно поэтому Гегель, чье пренебрежение Двоичностью главным образом обязано непризнанию с его стороны какого-либо иного модуса бытия, помимо существования (а называемое им термином *existenz* есть всего лишь особый род последнего), рассматривал чистое бытие во многом идентичным ничто. Слово «существование», и правда, именуется – как если бы оно было некой абстрактной возможностью – то, что в точности есть необладание в абстрактной возможности каким-либо бытием; и если вы смотрите на существование как на единственное бытие, это, по видимому, делает существование всего лишь идентичным ничто.

533. Чтобы выразить Первичность Троичности, особенный привкус или оттенок опосредования, реально подходящего слова у нас нет. Слово *ментальность*, вероятно, подошло бы не хуже других – столь же ограниченных и неадекватных. И поскольку у нас, благодаря применению Первичности к трем категориям, получились три рода Первичности – качественная возможность, существование, ментальность, – Мы должны ввести для них новые слова: первость, вторичность, третичность (*primity, secundity, tertiality*).

534. Также есть еще три рода Первичности, возникающие в какой-то мере подобным образом, а именно: идея простого изначального качества, идея существенно относительного качества – например, бытия «длинною в дюйм», – и идея качества, состоящего в способе, каким нечто мыслится или репрезентируется – например, бытия явным.

535. Я не стану вдаваться в какой-то строгий анализ данных идей. Я лишь желал, по возможности дав вам уловить слабый отблеск того рода вопросов, которые занимают изучающего феноменологию, подвести вас к Троичности и тому особому роду, аспекту Троичности, который есть единственный объект логического исследования. Для начала я хочу показать вам, что есть подлинная Троичность и что – две ее вырожденных формы. Мы, повторюсь, обнаружили подлинную и вырожденную форму Двоичности, рассмотрев полные идеи первого и второго. Затем обнаружили, что подлинная Двоичность есть взаимодействие, в котором первое и второе оба суть истинные вторые, а двоичность есть нечто от них отличное, и что в вырожденной Двоичности, или просто референции, первое есть всего лишь первое и никогда не достигает полной Двоичности.

536. Давайте двинемся тем же путем и в отношении Троичности. Здесь мы имеем первое, второе и третье. Первое – это положительная качественная возможность и не есть сама по себе ничего больше. Второе – это некая существующая вещь, не обладающая каким-либо меньшим, чем существование, модусом бытия, однако детерминированная вышеупомянутым первым. *Третье* обладает модусом бытия, который состоит в детерминированности им (третьим) Двоичности, – модусом бытия закона, или понятия. Не смешивайте это с идеальным бытием качества самого по себе. Качество есть нечто, способное быть полностью воплощенным, закон же никогда не может быть воплощен в своем характере закона, иначе как детерминируя привычку. Качество есть то, как нечто может или могло бы быть, – закон есть то, как некое бесконечное будущее должно продолжать быть.

537. В подлинной Троичности все трое – первое, второе и третье – обладают природой третьего, или мысли, хотя в отношении друг друга они суть первое, второе и третье. Первое, с

точки зрения его объема (*capacity*), мыслится как всего лишь возможность – то есть как всего лишь ум, способный (*capable*) к мышлению, или как всего лишь некая смутная идея. *Второе* мыслится играющим роль Двоичности, или событием: оно причастно общей природе *опыта* или *информации*. Третье, мыслимое в своей роли управляющего Двоичностью, привносит информацию в ум, а иначе говоря – детерминирует идею и дает ей воплощение. Получившееся есть информирующая мысль, или *познание*; однако, убрав психологический или акцидентальный человеческий элемент, мы увидим в этой подлинной Троичности работу знака.

538. Всякий знак замещает (*stands for*) некий сам по себе независимый объект, однако он может быть знаком объекта только в случае, если сам этот объект по природе есть знак или мысль. Ибо знак не аффицирует объект, но аффицируется им, а именно: объект должен быть способен передавать мысль, то есть должен обладать природой мысли или знака. Получается, всякая мысль есть знак. Однако в первой степени вырожденности Троичность аффицирует объект таким образом, что он по природе Троичностью не оказывается – по крайней мере не оказывается в той мере, в какой это касается самой работы вырожденной Троичности, где третье Двоичность порождает, но не рассматривает ее как что-либо большее факта. Коротко говоря, здесь мы имеем дело с работой выполнения *намерения*, *интенции*. В последней степени вырожденности Троичности есть мысль, но никакой передачи или воплощения мысли, и здесь дело всего лишь в следующем: тот факт, нечто вроде знания которого, по моему предположению, должно иметься, *схватывается* (*apprehended*) мной согласно возможной идее – я сталкиваюсь с «побуждением», но не с «подсказкой». Так, например, вы смотрите на что-то и говорите: «Оно – красное». Тогда я спрашиваю у вас оправдания данного суждения. Вы отвечаете: «Я *увидел*, что оно – красное». Вовсе нет, ничего сколько-нибудь подобного вы не увидели; вы увидели некий образ, и в нем не было ни субъекта, ни предиката – это был один неделимый образ, ни в малейшей частности не схожий с высказанной вами пропозицией. Да, благодаря возможности мысли он «побудил» вас сделать ваше суж-

дение, но он не говорил вам этого сделать. Подобная операция есть и во всяком воображении и восприятии – через нее возникает мысль и единственное ее оправдание в том, что впоследствии она оказывается полезной.

539. Итак, возможно, что *логика* должна быть наукой о Троичности вообще. Однако в меру моего исследования логики, я могу сказать: она есть просто наука о том, что должно, и необходимо должно, быть истинной репрезентацией – в той степени, в какой репрезентация может быть известна помимо какого-либо собирания особых, запредельных по отношению к нашей обыденной жизни, фактов. Она есть, вкратце, философия репрезентации.

540. Анализ, только что мной использованный, дабы дать вам представление о подлинной Троичности и двух формах ее вырожденности, есть простейший и приблизительнейший набросок истинного положения вещей; и я должен начать исследование репрезентации с *немного* более точного ее определения. В первую очередь, что касается моей терминологии, я ограничиваю слово *репрезентация* работой (operation) знака, или его *отношением к объекту для интерпретатора* той или иной данной репрезентации. Конкретный репрезентирующий объект я называю *знаком*, или *репрезентаменом*. Употребляю я эти два слова, *знак* и *репрезентамен*, по-разному. Под знаком я имею в виду что угодно, передающее какое угодно определенное представление об объекте каким угодно способом. И поскольку такие передатчики мысли нам хорошо знакомы, с их идеи я и начну, предложив вам наилучший в меру своей способности анализ того, что существенно для знака, и определив впоследствии *репрезентамен*, как то, к чему подобный анализ будет применим. Если, таким образом, в своем анализе я совершу ошибку, часть сказанного мной о *знаках* будет ложным – ибо тогда *знак* может и не быть *репрезентаменом*. Но анализ будет несомненно истинен относительно *репрезентамена*, поскольку ничего большего <нежели такой анализ> это слово и не значит. Даже если мой анализ окажется правильным, нечто в нем может быть истинным о всех *знаках* – то есть о всем, что до любого анализа мы с готовностью станем рассматривать передающим представление о чем-либо; но одновременно моим анализом может быть

описано что-то, о чем то же самое нельзя будет сказать истинно. В частности, все знаки передают представления *человеческим умам*, однако я не знаю, на каком основании то же самое должен делать всякий репрезентамен.

541. Мое определение репрезентамена следующее:

РЕПРЕЗЕНТАМЕН есть субъект триадического отношения КО второму, называемому его ОБЪЕКТОМ, ДЛЯ третьего, называемого его ИНТЕРПРЕТАНТОМ, и это триадическое отношение таково, что РЕПРЕЗЕНТАМЕН детерминирует свой интерпретант находится в этом же триадическом отношении к тому же самому объекту для некоторого <другого> интерпретанта.

542. Отсюда сразу же следует, что сформулированное отношение не может состоять в каком-либо действительном событии, когда-либо способном произойти, ибо тогда было бы и еще одно действительное событие, связывающее данный интерпретант со своим собственным интерпретантом, относительно которого <в свою очередь> было бы истинно то же самое, – и таким образом имелся бы бесконечный ряд событий, которые были бы способны действительно произойти, что абсурдно. На том же основании данный интерпретант не может быть неким *определенным* индивидуальным объектом. Приведенное отношение, следовательно, должно состоять в *способности (power)* репрезентамена детерминировать некоторый интерпретант быть репрезентаменом того же самого объекта.

543. Здесь мы произведем новое различие. Вы видите принцип нашей процедуры: мы начинаем с вопроса о том, каков модус бытия субъекта исследования, то есть какова его абсолютная и наиболее универсальная Первичность. Ответ бывает таков, что это либо Первичность Первичности, либо Первичность Двоичности, либо Первичность Троичности.

Тогда мы спрашиваем, какова универсальная Двоичность и какова универсальная Троичность нашего субъекта.

Далее мы говорим, что описанные Первичность Первичности, Первичность Двоичности и Первичность Троичности есть в каждом случае Первичность Первичности. Однако что за Двоичность подразумевается здесь, и что за Троичность?

Двоичности, как они даны первично, суть Первичности этих Двоичностей. Мы спрашиваем, какая Двоичность подразумевается в них, и какая Троичность. И таким образом имеем тот бесконечный ряд вопросов, всего лишь малый набросок которого я вам дал.

Ответы на эти вопросы не приходят сами по себе. Они требуют самого трудоемкого исследования, самой тщательной и точной проверки, и систематизация вопросов ни в малейшей степени не решает задачи – она в огромное число раз усложняет ее, умножая уже предложенные вопросы. Однако систематизация шаг за шагом продвигает нас на пути к гораздо более ясным понятиям об объектах логики, нежели были достигнуты когда-либо раньше. И твердый факт того, что она приносит подобный плод, есть принципиальный аргумент в ее пользу.

544. Данный метод вообще подобен гегелевскому. Но было бы исторически ложным назвать его модификацией последнего, ибо рожден он был благодаря изучению кантовских, а вовсе не гегелевских категорий. Гегелевский метод имеет тот недостаток, что оказывается совершенно нерабочим, если вы мыслите со слишком большой точностью; более того, он не ставит уму такого же определенного вопроса, как метод здесь описываемый. Данный же метод работает тем лучше, чем подробнее и точнее мысль. Филиграннейший ум вряд ли добьется с его помощью лучших возможных результатов, однако умеющий весьма умеренно будет способен лучше анализировать при его посредстве, нежели был бы способен без него.

Разными умами при помощи данного метода могут быть достигнуты аналитические результаты на первый взгляд противоречащие друг другу – благодаря невозможности строго отвечать всем требованиям. Но отсюда не следует, что такие результаты будут целиком неправильными – просто будет иметься два несовершенных анализа, каждый из которых обретет свою часть истины.

Глава 6

О новом списке категорий

§1. Изначальная формулировка^{90 E}

545. Эта статья опирается на уже установившуюся теорию о том, что функция понятия заключается в редукции многообразия чувственных впечатлений к единству, а его валидность состоит в невозможности такой редукции содержания сознания к единству без его (понятия) введения.

546. Эта теория рождает понятие о градации, имеющейся среди тех понятий, которые универсальны. Ибо одно такое понятие может объединить многообразие чувственного, однако может понадобиться еще одно, дабы объединить это понятие с тем многообразием, к которому оно применяется, и т. д.

547. Универсальное понятие, которое ближе всего к чувственному, есть понятие о *присутствующем вообще* (*the present, in general*). Это – понятие, так как оно универсально. Но поскольку акт *внимания* не имеет никакой коннотации, а есть чистая денотативная сила ума – другими словами сила, направляющая ум к объекту, в отличие от силы мыслить любой предикат об этом объекте, – то и понятие о *том, что присутствует вообще*, – а оно есть не что иное, как общее признание содержащегося во внимании, – также не имеет коннотации и, поэтому, собственно единства. Это понятие о присутствующем вообще, о ВОТ ЭТОМ (IT) вообще, на философском языке передается словом «субстанция», взятом в одном из его значений. Прежде чем внутри присутствующего будет произведено какое-то сравнение или различие, присутствующее должно быть признано (*recognized*) таковым, признано как *вот это*; и только впоследствии мета-

⁹⁰ [Первый раздел этой главы был опубликован под тем же заглавием, что и данная глава, в «Трудах Американской Академии Искусств и Наук» (*Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences*), т. 7, за май 1867, с. 287–298. Ей было предназначено стать гл. 1 Большой Логике 1893 г. и Эссе II Разыскания Метода, ок. 1983 г.]

физические части, признаваемые посредством абстракции, могут быть атрибутированы данному *вот этому* – хотя само *вот это* сделать предикатом нельзя. Таким образом, данное *вот это* ни сказывается о субъекте, ни есть в субъекте, и соответственно оно тождественно понятию о субстанции.

548. Единство, к которому понимание сводит впечатления, это единство пропозиции. Данное единство состоит в связи некоего предиката с неким субъектом; поэтому то, что имплицитно сводится в связке, или понятие о *бытии*, как раз и завершает работу понятий по сведению вышеназванного многообразия к единству. Пропозициональная связка (или скорее глагол, который в одном из своих значений есть связка) значит либо *действительно есть*, либо *было бы*, – как, например, в двух пропозициях: «Грифон не *есть*»⁹¹ и «Грифон *есть* крылатое четвероногое». Понятие о *бытии* содержит только то сочленение предиката с субъектом, в котором два данных глагола согласны между собой. Следовательно, понятие о бытии попросту не имеет содержания.

Если мы скажем: «<Дымовая> труба есть черная», то труба будет *субстанцией*, с которой ее чернота не разнесена, а <связка> *есть*, оставляющая субстанцию такой, как она была увидена <нами>, будет объяснять ее смешанность посредством приложения к ней *черноты* как предиката.

Хотя *бытие* не аффицирует субъект, оно имплицитно определяет неограниченную детерминированность предиката этого субъекта. Ибо если можно было бы знать связку и предикат какой-либо пропозиции, например, «... есть хвостатый-человек», то известно было бы, что данный предикат по меньшей мере применим к чему-то предположительному. Соответственно, у нас есть пропозиции, чьи субъекты полностью неопределенны, например, пропозиция «Есть некий прекрасный эллипс», субъект которой всего лишь *нечто действительное или потенциальное*; но у нас нет пропозиций, чей предикат полностью недетерминирован – было бы совершенно бессмысленно сказать: «А обладает характеристиками, присущими всем вещам», ибо таких характеристик нет.

⁹¹ <«Никакого грифона нет» — «There is no griffin».>

Итак, субстанция и бытие суть начало и конец всякого понятия. Субстанция неприменима к предикату, и равно бытие неприменимо к субъекту.

549. Термины «прецизия»⁹² и «абстракция», которые раньше применялись ко всякому отделению, теперь ограничены в

⁹² [Прецизия (precision) (1) Высокая степень приближительности, достижимая лишь тщательным применением самых тонких методов науки.

(2) Более древнее значение этого слова, по-прежнему иногда употребляемое логиками, происходит от значения, которое <Дунс> Скот и другие схоластики дали слову *praecisio*: акт суппозиции чего-то (осознается сопровождающая его вымысленность или нет) об элементе воспринятого, на котором задерживается, никак не рассматривая другие элементы, мысль. В прецизии вложено больше, чем просто в дискриминации, каковая относится лишь к сущности того или иного термина. Так, посредством акта дискриминации я могу отделить цвет от протяжения; однако посредством прецизии я сделать это неспособен, поскольку не могу предположить (*suppose*), что в каком бы то ни было возможном универсуме цвет (не цвето-ощущение, но цвет как качество объекта) существует без протяжения. То же самое и с *треугольностью* и *трехсторонностью*. С другой стороны, в прецизии вложено гораздо меньше, чем в диссоциации, каковая, в самом деле, есть термин не логики, а психологии. Совершенно, чтобы человек, не лишенный такого чувства как зрение, был способен отделить пространство от цвета посредством диссоциации, или, в любом случае, ему это будет очень трудно сделать; однако он способен сделать это – а в действительности часто так и поступает – посредством *прецизии*, например, мысля вакуум бесцветным. То же будет верно и для пространства и трехмерности. Некоторые авторы присваивали имя *прецизии* всякому описанию абстракции, разделяя прецизию на реальную и умственную, а последнюю – на отрицательную и положительную; однако в лучшем употреблении эти три действия именовались бы *абстракцией*, которая разделяется на *реальную* и *интенциональную*, а последняя – на *отрицательную* (в ней воображается, что характер, абстракция <субъекта> от которого производится, *отрицаем* относительно <этого> пресциндируемого субъекта) и на *прецизивную абстракцию*, или *прецизию*, в рамках которой пресциндируемый субъект предполагается (в некотором гипотетическом положении вещей) так, что никакого предположения, утвердительного или отрицательного, в отношении абстрагируемого <от него> характера не делается. Отсюда каноническое правило: *abstrahentium non est mendacium*

своем применении не только лишь умственным отделением, но тем отделением, которое возникает из *внимания* к одному элементу и *пренебрежения* другим. Исключающее внимание состоит в некоем определенном понятии или *предположении* (*supposition*) об одной части объекта в отсутствие какого-либо предположения об оставшихся. Абстракцию и прецизию необходимо с осторожностью отличать от двух других способов умственного отделения, которые можно наречь *дискриминацией* и *диссоциацией*. Дискриминация имеет дело всего лишь со смыслами терминов, и различение проводит только в значении. Диссоциация есть такое отделение, которое в отсутствие постоянной ассоциации позволено производить благодаря закону ассоциации

(обычно упоминаемое в связи с одним местом из Аристотелева трактата «О душе»: III, VII, 7). <Дунс> Скот (в II *Physic., Expositio 20 textus 18*) говорит: «Et si aliquis dicat, quod Mathematici tunc faciunt mendacium: quia considerant ista, quasi essent abstracta a motu, et materia; quae tamen sunt coniuncta materiae. Respondet, quod non faciunt mendacium: quia Mathematicus non cosiderat, utrum id, de quo demonstrat suas passiones, sit coniunctum materiae, vel abstractum a materia». <Если кто-нибудь скажет, что математики утверждают ложное, когда рассматривают их словно бы абстрагированными от движения и материи – в то время как они соединены с материей, – [некто] отвечает, что математики не утверждают ложного – ибо математик не рассматривает, соединено ли то, что он намерен продемонстрировать, с материей, или от нее абстрагировано.> Здесь не место заниматься трактовкой множества имевших место интересных логических (а также психологических) дебатов о прецизии – хотя именно прецизия принадлежит к тем предметам, которые, будучи даже напрямую связаны вопросу номинализма и реализма, трактовались схоластиками сравнительно современным способом. Как бы то ни было, можно отметить, что во многих местах некоторое различие Скот проводит – оно по-разному обозначается им и его последователями (его природа и применимость яснее всего, вероятно, отражены в *Opus Oxon.* III, xxii. qu. unica, «Utrum Christus fuerit homo in triduo», т. е. между распятием и воскресением) и в основном оспаривается томистами. Некоторый отчет об этом вопросе можно найти у Шовину (Chauvinus) в *Lexicon* (2-е изд.), под заголовком «Praecisio» ... «Словарь философии и психологии» (*Dictionary of Philosophy and Psychology*, v. 2, p. 323–4, McMillan Co., New York), издание 1911 г.]

образов. Она есть сознание одной вещи без необходимого одновременного сознания другой. Абстракция и прецисия, следовательно, предполагают большее отделение, чем дискриминация, но меньшее, чем диссоциация. То есть я могу дискриминировать красное от голубого, пространство от цвета и цвет от пространства, но не красное от цвета. Я могу пресциндировать (отделить прецисией) красное от голубого, и пространство от цвета (это явствует из такого, например, факта: я действительно убежден в том, что между моим лицом и стеной есть бесцветное (uncolored) пространство); однако я не могу пресциндировать ни цвет от пространства, ни красное от цвета. Я могу диссоциировать красное от голубого, но ни пространство от цвета, ни цвет от пространства, ни красное от цвета.

Прецисия – не необратимый процесс. Очень часто случается так, что А не может быть пресциндировано от В, а В может быть пресциндировано от А. Это обстоятельство объясняется следующим. Элементарные понятия возникают лишь тогда, когда случается какой-либо опыт; то есть в первый раз они производятся согласно общему закону, условием для которого служит существование некоторых впечатлений. Далее, если понятие не сводит впечатления, за которыми оно следует, к единству, оно есть всего лишь произвольное добавление к ним – а элементарные понятия так произвольно не возникают. Однако если впечатления смогли бы определенно схватываться помимо понятия, это последнее не сводило бы их к единству. Следовательно, впечатления (или более непосредственные понятия) нельзя определенно понятийно схватывать или обращать на них внимание так, что можно было бы пренебречь сводящим их к единству элементарным понятием. С другой стороны, когда такое элементарное понятие уже обретоно, то, в общем, нет основания, на котором нельзя было пренебречь посылками, давшими ему случай возникнуть, и поэтому объясняющее понятие часто можно пресциндировать от более непосредственных понятий и от впечатлений.

550. Собранные к настоящему моменту факты дают нам базис систематического метода для отыскания всех возможных универсальных элементарных понятий, которые опосредуют

между многообразием субстанции и единством бытия. Было показано, что универсальное элементарное понятие вводится либо в случае сведения многообразия субстанции к единству, либо в случае присоединения (conjunction) ее к субстанции еще какого-то понятия. Далее было также показано, что присоединенные элементы нельзя предполагать вне <соответствующего> понятия, но понятие вообще можно предполагать без этих элементов. Оказию введения понятия освещает эмпирическая психология, мы же должны только достоверно выяснить, какое понятие заключено в уже данном нам – понятие, которое присоединено к понятию субстанции посредством первого понятия, однако которое нельзя предположить без этого первого понятия, – чтобы получить следующее понятие в порядке перехода от бытия к субстанции.

Можно заметить, что на протяжении этого процесса мы не прибегаем к *интроспекции*. Никаких допущений не делается и относительно тех субъективных элементов сознания, которые не могут быть выведены лишь из элементов объективных.

551. Понятие о *бытии* возникает по образованию пропозиции. Помимо термина, выражающего субстанцию, пропозиция всегда имеет еще один термин, выражающий качество этой субстанции; функция же понятия о бытии в том, чтобы присоединить качество к субстанции. Следовательно, качество, в самом широком смысле слова, есть первое понятие в порядке перехода от бытия к субстанции.

На первый взгляд кажется, что качество дается во впечатлении. Однако доверять подобным результатам интроспекции нельзя. Пропозиция утверждает (asserts) применимость опосредующего понятия к более непосредственному понятию. Поскольку это *утверждается*, ясно, что более опосредующее понятие рассматривается независимо от этого обстоятельства – иначе эти два понятия не были бы различены, а одно мыслилось бы через другое, и последнее вообще не было бы объектом мысли. Получается, что из наших двух понятий одно (опосредующее), дабы *утверждалась* его применимость к другому, первоначально должно быть рассмотрено безотносительно к названному выше обстоятельству и взято непосредственно. Будучи, однако, взятым

непосредственно, оно выходит за границы данного (т. е. более непосредственного понятия), а его применимость к этому последнему оказывается гипотетичной. Возьмем, к примеру, пропозицию «<Дымовая> труба есть черная». Здесь понятие об *этой трубе* – более непосредственное, а о *черном* – более опосредующее, и последнее, чтобы сказываться о первом, должно быть дискриминировано от него и рассмотрено *само по себе* – ни как примененное к объекту, но просто как воплощающее качество, *черноту*. Эта *чернота* есть чистый вид (*pure species*), или абстракция, и его применение к *этой трубе* полностью гипотетично. <Пропозицией> «эта труба есть черная» имеется в виду то же самое, что и <пропозицией> «в этой трубе есть чернота». Словосочетание *воплощающая черноту* эквивалентно слову *черная*,⁹³ и вот доказательство. Данные понятия без разницы применяются к в точности одним и тем же фактам. Следовательно, будь они разными, то, что оказалось применено первым, выполняло бы все функции оставшегося – так что одно из них было бы избыточным. Что касается избыточного понятия, то оно есть произвольный вымысел – в то время как элементарные понятия возникают, только будучи востребованы опытом; то есть избыточное элементарное понятие невозможно. Более того, нам нельзя обойтись без понятия о чистой абстракции, потому что мы неспособны схватить согласованность двух вещей иначе, нежели как согласованность их в некотором *аспекте* – а этот аспект и есть некая чистая абстракция, например чернота. Подобная чистая абстракция, отсыланием (*reference*) к которой конституируется *качество*, или общий атрибут, может быть названа *основой* (*ground*).

Отсылание к основе нельзя пресциндировать от бытия, однако бытие пресциндировать от него можно.

552. Эмпирической психологией установлен тот факт, что мы способны знать качество только посредством его контраста или подобия по отношению к другому качеству. По контрасту

⁹³ Это согласуется с мнением автора «*De Generibus et Speciebus*», *Ouvrages Inédits d' Abelard*, p. 528, [под редакцией В. Кузена (V. Cousin), Париж, 1836].

или согласию вещь соотносится (*referred*) с неким коррелятом, если этот термин можно употребить в более широком чем обычно смысле. Случай введения понятия об отсылании к основе есть отсылание к корреляту, и это, следовательно, будет следующим понятием в порядке.

553. Случай отсылания к корреляту очевидно предоставляется сравнением. Этот акт не был достаточно изучен психологами, а поэтому, дабы показать, в чем он состоит, необходимо привести некоторые примеры. Предположим, мы захотели сравнить буквы *p* и *b*. Мы можем вообразить, что одна из них оборачивается вокруг линии письма, как вокруг оси, затем накладывается на другую и наконец делается прозрачной – так, что другую становится видно сквозь нее. Таким способом мы формируем новый образ, опосредующий между образами наших двух букв – в той мере, в какой он репрезентирует один из них как (в перевернутом виде) подобие (*likeness*) другого. Предположим, опять же, что мы мыслим об убийце как о находящемся в отношении к убитому лицу, – в этом случае мы понятийно схватываем акт убийства, и в данном понятии репрезентировано, что соответствующим всякому убийце (а также всякому убийству) оказывается некое убитое лицо – таким образом мы снова прибегаем к опосредующей репрезентации, которая репрезентирует релят замещающим (*standing for*) коррелят, с каковым опосредующая репрезентация сама находится в отношении. Опять предположим, что мы ищем слово *hotte* во франко-английском словаре; мы найдем напротив него слово *tap*, которое, будучи помещенным именно так, репрезентирует *hotte* репрезентирующим то же двуногое создание, которое репрезентируется самим словом *tap*. Накапливая подобные примеры, мы обнаружим, что для всякого сравнения требуются, помимо отнесенной вещи, основы и коррелята, также и *опосредующая репрезентация* – она репрезентирует релят как репрезентацию того же коррелята, который эта опосредующая репрезентация сама репрезентирует. Подобную опосредующую репрезентацию можно назвать *интерпретантом*, ибо она занимает место интерпретатора-переводчика, говорящего, что иностранец говорит то же самое, что и он сам. Здесь термин репрезентация должен пони-

маться в очень расширенном смысле, объяснить который примеры смогут лучше, чем определение. Именно в этом смысле слово репрезентирует вещь для (to) понятия в уме слушателя, портрет репрезентирует персону, изобразить которую он замышлялся, для понятия-узнавания, флюгер репрезентирует направление ветра для понятия того, кто разбирается в этом, поверенный репрезентирует своего клиента для судьи и присяжных, на которых он влияет.

Всякое отсылание к корреляту, таким образом, присоединяет к субстанции понятие об отсылании к интерпретанту – и, следовательно, это как раз следующее понятие в порядке перехода от бытия к субстанции.

Отсылание к интерпретанту нельзя пресциндировать от отсылания к корреляту, однако последнее от первого пресциндировать можно.

554. Отсылание к интерпретанту делается возможным и оправданным посредством того, что делает возможным и оправданным сравнение. Ясно, что это – разнообразие впечатлений. Если бы у нас было только одно впечатление, оно не требовало бы сведения к единству и, следовательно, не мыслилось бы как отсылающее к интерпретанту – понятие об отсылании к интерпретанту не возникло бы. Но поскольку есть многообразие впечатлений, у нас имеется переживание сложности или смешанности, которое приводит нас к разнесению этого впечатления от того, – и уже будучи разнесенными, впечатления требуют приведения их к единству. К единству же они не будут приведены до тех пор, пока мы не схватим их понятийно как *наши* впечатления, то есть пока мы не отошлем их к некоему понятию, как их интерпретанту. Таким образом, отсылание к интерпретанту возникает, когда разнообразные впечатления удерживаются вместе, и, следовательно, в отличие от двух других отсыланий, это не присоединяет понятия к субстанции, а напрямую объединяет многообразие самой субстанции. То есть оно оказывается последним понятием в порядке перехода от бытия к субстанции.

555. Пять понятий, таким образом нами полученные, можно – на основаниях, которые достаточно очевидны, – назвать *категориями*. Они суть

Бытие

Качество (отсылание к основе)

Отношение (отсылание к корреляту)

Репрезентация (отсылание к интерпретанту)

Субстанция

Из этих пяти три опосредующих понятия можно назвать акциденциями.

556. Данный переход от многих к одному – переход численный. Понятие о *третьем* есть понятие об объекте, который так соотносится с двумя другими, что один из последних должен относиться к другому так же, как к этому другому относится третье, – что совпадает с понятием об интерпретанте. Ясно, что *другое* эквивалентно *корреляту*. Понятие о втором разнится от понятия о другом в том, что предполагает возможность третьего. Точно так же понятие о *самости* (*self*) предполагает возможность *другого*. *Основа* есть самость, абстрагированная от конкретности, предполагающей возможность чего-то другого.

557. Поскольку ни одна из категорий не может быть пресциндирована от тех, что стоят выше ее, список допускаемых этим обстоятельством предполагаемых (*supposable*) объектов таков:

Что есть (What is).

Quale (то, что отсылает к основе)

Релят (то, что отсылает к основе и корреляту)

Репрезентамен (то, что отсылает к основе, корреляту и интерпретанту)

Вот это

558. Качество может быть особо детерминировано – так, что пресциндировать ее от отсылания к корреляту будет нельзя. Следовательно, есть два рода отношения.

Первый. Отношение релятов, чье отсылание к основе есть пресциндируемое, или внутреннее, качество.

Второй. Отношение релятов, чье отсылание к основе есть непресциндируемое, или относительное, качество.

В первом случае отношение – это всего лишь *схождение* коррелятов в одном характере, и релят с коррелятом не различаются. В последнем случае коррелят находится «против» релята, и поэтому здесь в некотором смысле имеется *оппозиция*.

Реляты первого рода входят в отношение просто посредством согласованности между ними. Однако всего лишь несогласованность (непризнанная) не конституирует отношения, и следовательно реляты второго рода входят в отношение только посредством соответствия по факту.

Отсылание к основе может также быть таким, что его нельзя пресциндировать от отсылания к интерпретанту. В этом случае оно может быть названо *вмененным* качеством. Если отсылание релята к его основе может быть пресциндировано от отсылания к интерпретанту, отношение этого релята к своему корреляту есть всего лишь схождение или сообщество в обладании качеством, и следовательно отсылание к корреляту может быть пресциндировано от отсылания к интерпретанту. Отсюда следует, что есть три рода репрезентации.

Первый. Репрезентации, чье отношение к их объектам есть всего лишь сообщество в обладании некоторым качеством, и эти репрезентации могут быть названы *подобиями*.⁹⁴

Второй. Репрезентации, чье отношение к их объектам состоит в соответствии по факту, и их можно назвать *индексами*, или *знаками*.⁹⁵

Третий. Репрезентации, основа чьего отношения к их объектам есть некий вмененный характер, – они суть то же самое, что *общие знаки*, и их можно назвать *символами*.

559. Теперь я продемонстрирую, каким образом три понятия – об отсылании к основе, отсылании к корреляту и отсылании к интерпретанту – оказываются фундаментальными для по крайней мере одной универсальной науки – науки логики. О логике говорят, что она трактует вторые интенции в их применении к первым.⁹⁶ Обсуждение истинности данного постулата завело бы меня слишком далеко от рассматриваемого здесь вопро-

⁹⁴ [В более поздних сочинениях они называются «иконами».]

⁹⁵ [В более поздних сочинениях индекс всегда рассматривается как один из многих родов знаков; сам знак понимается в смысле, подобном описанному в 540.]

⁹⁶ [См. определение Пирса в Словаре столетия (*Century Dictionary*, 1899), ст. *Intention* 8; также Альберт Великий, *Meta. I, i, 1*, и Ф. Аквинат, *Meta. IV, 4, f. 43 v. A.*]

са – я просто приму его как постулат, который, мне кажется, дает удовлетворительное определение рода занятий этой науки. Если взять вторые интенции, то это объекты понимания (*understanding*), рассматриваемые как репрезентации, а первые интенции, к которым они применяются, суть объекты таких репрезентаций. Объекты понимания, рассматриваемые как репрезентации, суть символы, то есть знаки, которые общи по меньшей мере потенциально. Однако правила логики выполняются относительно любых символов – и тех, что написаны, и тех, что оговариваются, и тех, что мыслятся – и, не имея непосредственного применения к подобиям, или индексам – так как ни один аргумент нельзя построить из этих последних, – они действительно применимы к символам. Все символы, и в самом деле, в некотором смысле относительно к пониманию – но лишь в том, в котором все вещи также относительно к пониманию. Следовательно, исходя из этого объяснения, в определении сферы логики необязательно выражать относительность к пониманию, поскольку последнее не детерминирует ограничений такой сферы. Тем не менее, вполне возможно различить понятия, которые предполагаются не существующими иначе, как действительно присутствуя в понимании, и внешние символы, которые сохраняют за собой характер символов пока остаются всего лишь *способны (capable)* быть понятыми. Поскольку же правила логики применимы к последним так же, как к первым (и хотя применимы только через первые, данная их характеристика, принадлежа всем вещам, не будет ограничением), отсюда следует, что логика имеет своим родом занятий все символы, а не только понятия.⁹⁷ Итак, мы пришли к тому, что логика трактует отсы-

⁹⁷ Герbart (Herbart) говорит [*Lehrbuch*, 2A., 1te Kap., §34]: «Unsre sämtlichen Gedanken lassen sich von zwei Seiten betrachten; theils als Thätigkeiten unseres Geistes, theils in Hinsicht dessen, *was* durch sie gedacht wird. In letzterer Beziehung heissen sie *Begriffe*, welches Wort, indem es das *Begriffene* bezeichnet, zu abstrahiren gebietet von der Art und Weise, wie wir den Gedanken empfangen, produciren oder reproduciren mögen» «Все наши мысли могут быть рассмотрена с двух сторон: с одной — как деятельность нашего духа, а с другой — в аспекте того, *что* посредством них мыслится. В последнем отношении они называется *понятием*, и это слово, означая

вание символов вообще к своим объектам. С этой точки зрения она входит в тривиум мыслимых наук. Первая наука данного тривиума трактовала бы формальные условия того, как символы имеют значение, то есть формальные условия отсылания символов вообще к их основам, или вмененным характеристам – эту науку можно было бы назвать формальной грамматикой;⁹⁸ вторая наука, логика,⁹⁹ трактовала бы формальные условия истины символов; и третья трактовала бы формальные условия силы (*force*) символов, или их способности обращения (*appealing*) к уму, то есть формальные условия их отсылания вообще к интерпретантам – такую науку можно было бы назвать формальной риторикой.¹⁰⁰

Для всех этих наук было бы верно одно общее разделение символов – а именно на:

1°. Символы, которые прямо детерминируют только свои *основы*, или вмененные качества, и таким образом суть не что иное, как суммы меток, или *термины*;

2°. Символы, которые независимо детерминируют также и свои *объекты* посредством другого термина или терминов, и таким образом, выражая свою собственную объективную валидность, становятся способны на истинность или ложность – то есть они суть *пропозиции*; и

3°. Символы, которые независимо детерминируют также свои *интерпретанты*, а вместе с тем, таким образом, и умы, к которым они обращаются (*appeal*), – делая посылками пропозицию или пропозиции, каковые такому уму случится допустить. Они суть *аргументы*.

понятое, вынуждает нас абстрагироваться от способов, которыми мы можем получать, производить или воспроизводить мысль». > Однако вся разница между понятием и внешним знаком лежит как раз в тех аспектах, от которых, согласно Гербарту, логика по необходимости должна абстрагироваться.

⁹⁸ [Позднее она была названа Спекулятивной Грамматикой или Стехиологией (*Stechiology*).]

⁹⁹ [Позднее она была названа Критической Логикой или Критикой.]

¹⁰⁰ [Позднее она была названа Спекулятивной Риторикой или Методетикой (*Methodetic*).]

Примечательно, что среди всех определений пропозиции – таких, например, как «*oratio indicativa*», «подведение объекта под понятие», «выражение отношения двух понятий» и «указание на обоюдную основу явленности» – вероятно нет такого, в котором понятие об отсылании к объекту или корреляту не было бы важным. Точно так же понятие об отсылании к интерпретанту, или третьему, всегда выступает на первый план в определениях аргумента.

В пропозиции термин, отдельно указывающий на объект символа, называется субъектом, а указывающий на основу – предикатом. Следовательно, объекты, на которые указывает субъект (они всегда потенциально суть множество – по меньшей мере суть фазы или явленности), постулируются пропозицией как соотнесенные друг с другом на основе характера, на который указывает предикат. Что касается этого отношения, то оно может быть либо схождением, либо оппозицией. Пропозиции схождения – это как раз те, что обычно рассматриваются в логике; тем не менее в одной статье, посвященной классификации аргументов,¹⁰¹ я показал, что также необходимо рассматривать отдельно пропозиции оппозиции – если мы хотим объяснить аргументы, вроде следующего:

Все, что есть половина чего бы то ни было, меньше чем то, чего оно есть половина:

А есть половина В;
А меньше В.

Субъект подобной пропозиции разделяется на два термина: «субъект-номинатив» и «объект-аккузатив».

В аргументе посылки образуют репрезентацию заключения, потому что они указывают на интерпретант аргумента, или на репрезентацию, репрезентирующую аргумент как репрезентирующий свой объект. Посылки могут дать подобие, индекс или символ заключения. В дедуктивном аргументе заключение репрезентируется посылками как общим знаком, под которым оно в аргументе содержится. В гипотезах доказывается нечто подобное заключению, то есть посылки образуют *подобие* заключения. Возьмем, например, следующий аргумент:

¹⁰¹ [См. *СР* т. 2, кн. III, гл. 2.]

М есть, к примеру, P^I , P^{II} , P^{III} , и P^{IV} ;
 S есть P^I , P^{II} , P^{III} , и P^{IV} ;
 \therefore S есть М.

Здесь первая посылка равносильна тому, что « P^I , P^{II} , P^{III} , и P^{IV} » есть подобие М, и таким образом посылки суть или репрезентируют подобие заключения. То, что с индукцией дело обстоит иначе, покажет следующий пример.

S^I , S^{II} , S^{III} , и S^{IV} берутся как образцы собрания М;
 S^I , S^{II} , S^{III} , и S^{IV} суть Р;
 \therefore Все М суть Р.

Следовательно первая посылка равносильно тому, чтобы сказать: « S^I , S^{II} , S^{III} , и S^{IV} » есть индекс М. Следовательно посылки суть индекс заключения.

Другое разделение терминов, пропозиций и аргументов возникает из различия между расширением (extension) и охвата (comprehension). Я намерен рассмотреть этот предмет в следующей статье.¹⁰² Однако я хочу несколько предвосхитить ее и сказать, что есть, во-первых, прямое отсылание символа к своим объектам, или его денотация; во-вторых, отсылание символа, через свой объект, к своей основе – то есть его отсылание к характерам, присущим всем его объектам, – или его коннотация; и в-третьих, его отсылание, через свой объект, к своим интерпретантам – то есть его отсылание ко всем синтетическим пропозициям, в которых все его объекты вместе взятые суть субъект или предикат, – и это я называю информацией, которую символ воплощает. И поскольку всякое добавление к тому, что он денотирует, или к тому, что коннотирует, делается посредством еще одной, отличной пропозиции того же рода, то отсюда следует, что расширение и охват термина соотносятся обратно пропорционально, пока информация остается одинаковой, и что всякий прирост информации сопровождается приростом одного или другого из этих двух количеств. Можно заметить, что расширение и охват часто берутся в иных смыслах – так, что последнее положение перестает быть истинным.

¹⁰² [CP т. 2, кн. II, гл. 5.]

Итак, вот неполный взгляд на то применение, которое понятия, оказывающиеся, согласно нашему анализу, наиболее фундаментальными, находят в сфере логики. Как бы то ни было, по моему убеждению, достаточно продемонстрировать, что, рассмотрев данную науку в свете этого взгляда, можно предложить по крайней мере нечто полезное.

§2. Замечания о вышесказанном^{103, 104}

560. Когда в мои юношеские годы я находился под большим впечатлением от кантовской «Критики чистого разума», мой отец, который был выдающимся математиком, указал мне на пробелы в кантовском рассуждении, которые я сам, вероятно, так никогда бы и не обнаружил. От Канта я перешел к восхищенному изучению Локка, Беркли и Юма, и вместе с ними – Аристотелевых Органона, Метафизики и психологических трактатов, а несколько позже очень значительно продвинулся вперед благодаря глубокому и вдумчивому чтению некоторых трудов средневековых мыслителей, св. Августина и Иоанна Солсберийского, вместе с соответствующими фрагментами из св. Фомы Аквинского, из – особенно – Иоанна Дунского по прозвищу Шотландец (Дунс – название отнюдь не самого второстепенного в то время места в Восточном Лотинане) и из Вильгельма Оккамского. Делая поправку на то, в какой мере современный ученый вообще способен разделять идеи перечисленных средневековых богословов, можно сказать, что я в конце концов стал одобрительно относиться к мнениям Дунса, хотя он, полагаю, слишком склоняется к номинализму. Изучая великую Кантову «Критику», которую я почти знал наизусть, я был весьма поражен тем фактом, что хотя, согласно его собственному объяснению вопроса, вся его философия покоится на описанных им «функциях суждения», или логических разделениях пропозиций, и

¹⁰³ [560–562 взяты из работы «Прагматизм» («Pragmatism» (Prag. [J])), ок. 1905 г.; 563 – из фрагмента предполагаемой докторской («DI») лекции, ок. 1898 г., 564–567 – из фрагмента, датируемого ок. 1899 г.]

¹⁰⁴ [См. также *CP* 2.340.]

на отношении к ним описанных им же «категорий», все-таки его разбирательство в них весьма поспешно, поверхностно, тривиально и даже вовсе несерьезно, причем в его трудах, действительно изобилующих наглядными свидетельствами логического гения, явственно присутствует незнание – нередко поразительное – традиционной логики, незнание даже самих *Summulae Logicales*, элементарного учебника эпохи Плантагенетов. И хотя непостижимая поверхностность и ущербность в аспекте обобщающего мышления окутывают сочинения схоластических учителей логики подобно погребальному покрову, все же подробность и тщательность, с которой они разбирали все так или иначе входящие в их кругозор проблемы, делают затруднительным в наступившем двадцатом столетии понять, как действительно серьезный исследователь, взявшийся за изучение логики, исходя из важнейшего значения, которое Кант придавал ее деталям, будет способен удовлетвориться той снисходительной и непринужденной манерой ее трактовки, которая была присуща самому Канту. Таким образом, я был вынужден заняться независимым исследованием той логической опоры, которую имеют фундаментальные понятия, называемые категориями.

561. Моим первым вопросом – и это был вопрос высшей важности, требующий не только полного отрешения от всяких склонностей, но одновременно самого осторожного и самого энергичного и деятельного разыскания – стал вопрос о том, действительно ли фундаментальные категории мысли обладают той зависимостью от формальной логики, которую утверждал Кант. Я до конца уверился, что такое отношение реально существует, и даже должно существовать. После ряда исследований я увидел, что Кант не должен был ограничиваться разделениями пропозиций, или, как называют их немцы (только замутняя сам предмет), «суждениями», но должен был дать отчет о всякой имеющейся у всевозможных знаков элементарной и значимой разнице в форме, а также – самое главное – что он не должен был оставить без объяснения и фундаментальные формы рассуждения. В конце концов, после двух лет самой напряженной в моей жизни умственной работы, я обнаружил, что пришел лишь к одному такому удостоверенному результату, который

мог бы быть как-либо положительно важен. Он заключался в том, что есть всего три элементарных формы сказывания или означения, и они, если брать названия, данные им мной изначально, (но с заключенными в скобки дополнениями, которые сделаны теперь для их большей понятности), суть таковы: *качества* (<всякого> переживания), (диадические) *отношения* и (сказывания-) *репрезентации*.

562. Должно быть году в 1866-м профессор Морган (De Morgan) оказал немалую честь неизвестному начинающему философу, которым я тогда был (ибо я к тому времени всерьез занимался философией не более десяти лет – очень краткий срок обучения, если речь идет об этом самом трудном из предметов), – тем, что послал мне экземпляр своей статьи «О логике отношений...».¹⁰⁵ Я немедленно «заболел» ею и через несколько недель смог увидеть то, что Моргану к тому времени уже было видно, – яркий и удивительный свет, которым эта работа осветила все углы и закоулки логики. Здесь я на время остановлюсь и скажу, что Моргану даже и близко не было отдано должной справедливости, виной чему тот факт, что ничего из начатого он не довел до окончательной формы. Даже его личные студенты, относившиеся к нему, разумеется, со всем уважением, никогда до конца не понимали, что его работа была подобна исследовательской экспедиции, каждый день наталкивающейся на новые формы, которые необходимо изучить, и не могущей позволить себе ни мгновения досуга, ибо новое все время пребывает и требует к себе внимания. Он, и в самом деле, стоял подобно Аладдину (или не помню точно кому), обзирающему поразительные богатства пещеры Али-Бабы и едва ли способному сделать хотя бы приблизительную их опись. Однако действительные свершения Моргана, с его строго математическим и неоспоримым методом, на пути разбирательства во всех тех незнакомых формах, которыми он обогатил науку логики, были отнюдь не незначительны и исполнены в подлинно научном духе, а в чем-то вдохновлены истинным гением. Прошло целых двадцать пять

¹⁰⁵ [«On the Syllogism IV, and the Logic of Relations», *Cambridge Philosophical Transactions*, vol. 10, pp. 331–358.]

лет, прежде чем мои исследования всех этих форм достигли, если можно так сказать, предварительно окончательного результата (ни одна универсальная наука не делает своей презумпцией абсолютную окончательность); но мне хватило совсем немногого времени, чтобы получить математическое доказательство разделения неразложимых предикатов на три класса: во-первых, на те, что подобно непереходным глаголам применяются только к единичному субъекту; во-вторых, на те, что подобно простым переходным глаголам имеют каждый два субъекта, называемые в традиционной номенклатуре грамматики (обычно менее философской, чем номенклатура логики) «существительным в именительном падеже» и «дополнением в винительном падеже»¹⁰⁶ — хотя совершенная равносильность значений «А аффицирует В» и «В аффицируемо А» ясно показывает, что в утверждении есть равное отсылание к двум вещам, ими денотируемым; и, в-третьих, на те предикаты, у которых имеются три подобных субъекта, или коррелята. Эти последние предикаты (хотя, насколько я могу видеть, чисто математический метод Моргана не дает здесь гарантии) никогда не выражают всего лишь грубый факт, но всегда — некоторое отношение интеллектуальной природы, которое либо конституируется каким-то умственным действием, либо имплицитно некоторый общий закон.

563. Еще в 1860 году, когда я ничего не знал ни об одном немецком философе, кроме Канта, который был моим почитаемым учителем уже на протяжении трех-четырёх лет, меня весьма поразило одно указание на то, что кантовский список категорий может быть только частью большей системы понятий.¹⁰⁷ Например, категории отношения — взаимодействие, причинность и субсистенция — все суть разные модусы *необходимости*, которая есть категория модальности; и подобным образом категории качества — отрицание, квалификация, степень и внутренняя атрибуция — все суть отношения присущности, которая есть категория отношения. Получается, что как категории третьей

¹⁰⁶ <«Субъект-номинативом» — «subject nominative», и «объект-аккузативом» — «object accusative».>

¹⁰⁷ <Как можно видеть из дальнейшего, упоминаемые Пирсом категории не целиком соответствуют кантовским.>

группы относятся к категориям четвертой, так категории второй относятся к категориям третьей, и поэтому я (по меньшей мере) вообразил, что категории количества, единства, множественности, целокупности похожим способом могут быть разными внутренними атрибутами качества. Более того, спрашивая себя о том, какова разница между тремя категориями качества, я отвечал, что отрицание – это всего лишь *возможная* присущность, качество в степени – *случайная* присущность, а внутренняя атрибуция – *необходимая* присущность; так что категории второй группы различаются посредством категорий четвертой; и похожим образом, мне показалось, что на вопрос о том, как разнятся категории количества – единство, множественность, целокупность, – ответ должен быть такой, что *целокупность*, или система, есть внутренняя атрибуция, получающаяся от взаимодействий, *множественность* – то, что получается от причинности, и *единство* – то, что получается от присущности. Это заставило меня спросить о том, что за понятия различаются посредством отрицательного единства, качественного единства и внутреннего единства. Также я задал себе вопрос о том, что суть разные необходимости, посредством которых различаются взаимодействие, причинность и присущность. Я не стану утруждать читателя своими ответами на эти и подобные им вопросы. Достаточно будет сказать, что мое занятие показалось мне поиском вслепую, на ощупь – внутри беспорядочной системы понятий; и после того, как я попытался решить эту головоломку и непосредственно умозрительным, и физическим, и историческим, и психологическим способом, я в конце концов заключил, что единственным оставшимся путем будет приступить к ней вслед за Кантом – со стороны формальной логики.

564. Я должен признать, что в моей прежней экспозиции моего же деления знаков на *иконы*, *индексы* и *символы*, были допущены некоторые ошибки. К тому времени, когда я впервые обнародовал это деление, – в 1867 г. – я исследовал логику соотнесенных так недолго, что только тремя годами позже оказался готов отправить в печать мою первую научную статью об этом предмете. Я едва начал обрабатывать ту почву, которую передо мной расчистил Морган. Как бы то ни было, я уже мог

видеть то, что ускользнуло от этого выдающегося ученого, – что помимо безотносительных характеров и помимо отношений внутри пар объектов есть и третья категория характеров, но – ничего более. Этот третий класс реально состоит из множественных отношений, которые все могут быть рассмотрены как состоящие из триадических отношений, то есть из отношений внутри триад объектов. Очень широкий и важный класс триадических характеров состоит из репрезентаций. Репрезентация – это такой характер вещи, в силу которого, для произведения некоторого умственного эффекта, она может встать на место другой вещи. Вещь, обладающую таким характером, я называю *репрезентативом*, умственный эффект, или мысль, – его *интерпретантом*, а вещь, которую он замещает – его *объектом*.

565. В 1867 году, хотя у меня было доказательство (должным образом опубликованное¹⁰⁸) того, что помимо безотносительных характеров и двойственных отношений есть только третья категория характеров и не более, я еще не обнаружил, что именно множественные отношения (которые, о чем я не догадывался, иногда не могут быть сведены к сочленениям дуальных отношений) конституируют этот третий класс. Я видел, что ему должно соответствовать понятие, и был способен выделить некоторые черты последнего; однако, будучи незнаком с ним в его общности, я вполне естественно принял его за понятие о репрезентации, которого достиг, обобщая с именно этой целью идею знака. Мое обобщение было просто недостаточно – ошибка, которую совершали даже умы, превосходящие мой собственный, – и я предположил, что третий класс характеров полностью исчерпывается характерами репрезентативными. Соответственно, я объявил, что все характеры разделяются на *качества* (безотносительные характеры), *отношения* и *репрезентации* – вместо безотносительных характеров, дуальных отношений и множественных отношений.

566. В 1867 году¹⁰⁹ я отметил, что двойственные отношения делятся на два рода в зависимости от того, конституируемы ли

¹⁰⁸ [CP 3.93ff.]

¹⁰⁹ [558.]

они обладающими безотносительными качествами релятом и коррелятом, или нет. Это верно. Два голубых объекта *ipso facto* находятся в отношении друг к другу. Важно отметить, однако, что в меру несходства характеров это окажется ложно. Например, апельсин и справедливость не войдут в отношение между собой, ибо их характеры разнятся. Приведите их к сравнению, и они будут находиться в отношении несходства – отношении очень сложной природы. Но если взять апельсин и справедливость только в их существовании, их качества не будут конституировать отношение несходства. Нельзя упустить из виду, что несходство не есть простая инаковость. Инаковость принадлежит к этовостям. Она неразделимо обручена с тождеством: где есть тождество, там необходимо есть инаковость, и в какой бы области не оказалась истинная инаковость, там всегда необходимо окажется тождество. А поскольку тождество принадлежит исключительно к тому, что *hic et nunc*, к точно тому же должна принадлежать и инаковость. Следовательно, в некотором смысле она будет динамическим отношением – хотя только отношением разума. Она существует лишь в той мере, в какой те или иные объекты усилием доведены вместе до внимания, или подвержены такому доведению. Несходство же – то отношение между характерами, которое состоит в инаковости всех субъектов этих характеров. Следовательно, будучи инаковостью, оно есть динамико-логическое отношение, существующее лишь в той мере, в какой характеры приводятся к сравнению чем-то помимо этих характеров самих по себе – или подвержены такому приведению.

567. Сходство, напротив, имеет совершенно иную природу. Формы слов *сходство* и *несходство* говорят о том, что одно отрицательно по отношению к другому, что абсурдно, поскольку все вещи вместе сходны и несходны со всеми остальными вещами. Два характера, обладая идейной природой, в некоторой мере тождественны. Одно их существование конституирует единство этих двух, или, другими словами, спаривает их. Вещи сходны или несходны, пока сходны или несходны их характеры. Таким образом, мы видим: первая категория отношений охватывает только сходства, тогда как вторая, охватывая все остальные отношения, может быть названа категорией динами-

ческих отношений. В то же время из вышеприведенных замечаний мы видим, что динамические отношения сразу же разделяются на логические, полу-логические и нелогические. Под логическими отношениями я имею в виду те, в аспекте которых все парные объекты в универсуме подобны друг другу; под полу-логическими – те, в аспекте которых к каждому объекту в универсуме отсылает только один объект (возможно, он сам) или некоторое определенное множество объектов, разнящихся от всех остальных; алогичные же отношения включают все другие случаи. Логические и полу-логические отношения принадлежат к средневековому классу «отношений разума», тогда как отношения *in re* суть алогические. Однако есть несколько довольно важных отношений разума, которые точно так же алогичны. В моей статье 1867 г. я ошибся, отождествив конституируемые безотносительными характеристиками отношения с отношениями паритета, то есть с необходимо взаимными отношениями, а динамические отношения – с отношениями диспаратета, или возможно невзаимными отношениями. Вслед за этим, впадая из одной ошибки в другую, я отождествил эти два класса соответственно с отношениями разума и отношениями *in re*.

Глава 7

Триадомания¹¹⁰

Ответ автора на ожидаемые подозрения в том, что он придает сверхъестественную или воображаемую важность числу три и втискивает все деления в прокрустово ложе трихотомии.

568. Я полностью признаю, что безумное увлечение трихотомиями довольно распространено. Не знаю, придумали ли психиатры ему имя, — если нет, то следовало бы. Название «трихимания» [?] к сожалению зарезервировано для совершенно иной страсти, однако эту болезнь можно было бы назвать *триадоманией*. Я не подвержен ей, однако, оказываюсь вынужденным ради достижения истины производить столь большое число трихотомий, что не удивился бы, заподозри мои читатели, особенно — осведомленные о распространенности сего недуга, или даже приди к окончательному мнению, что я пал его жертвой. Я всегда готов уверить того, кто открыт для уверений, в противном, и однако: для усердного исследователя предмета настоящей книги¹¹¹ есть достаточное основание начать самому производить трихотомии. Такова уж природа науки: следует ожидать не только присутствия в ней реальных трихотомий, но и большего — того, что есть причина, по которой такую форму стремятся принять даже ложные деления (делать которые исследователь, взыскующий полноты знания и боящийся упустить по недосмотру хотя бы одну черту своего предмета, будет весьма склонен). Если б не данная причина, то трихотомическая форма была бы сильным доводом — и я это продемонстрирую — в пользу рассуждения, результат которого как раз ее (эту форму) и принял.

¹¹⁰ [1910 г.]

¹¹¹ [Видимо имеется в виду «Искание искания — Исследование условий успешности исследования (помимо собирания фактов и наблюдения над ними)» («The Quest of Quest — An Inquiry into the Conditions of the Success of Inquiry (beyond the collection and observation of facts)»), для которого было написано всего несколько страниц.]

569. В качестве первого аргумента, отмечающего подозрение в том, что преобладание трихотомий в моей системе обязано исключительно моему пристрастию к этой форме, я бы сказал, что будь мое пристрастие *столь* сильно, оно неизбежно заставило бы меня отдавать предпочтение трихотомической форме классификации всегда – вне зависимости от предмета, над которым я тружусь. Но дело обстоит вовсе не так. Однажды я попытался – перечтя сделанные мной классификации разных предметов, не относящихся к тому особому роду, в котором я обнаруживаю изобилие трихотомий и которому дам определение ниже, – достоверно выяснить относительную частоту того или иного числа подклассов в делениях на классы вообще – если эти деления казались мне несомненно обладающими объективной реальностью. И хотя я не думаю, что результаты моих подсчетов имеют большую ценность – ибо разные роды предметов слишком разнятся в пропорциях, – я, однако, приведу их. Итак, мной обнаружено, что из двадцати девяти разделений предметов, не относящихся к тому роду, что особо изобилует трихотомиями, есть одиннадцать дихотомий, пять трихотомий и тринадцать разделений более, чем на три части. Факт подобного результата, как бы приблизителен он не был, достаточен, чтобы показать, что в общем у меня нет особенного пристрастия к трихотомиям.

570. Теперь я перехожу ко второму аргументу, или скорее к ряду соображений, не вполне чуждых уже мною сказанному. Близкие друзья, которые поделились со мной всеми этими возражениями – а ничто не может быть более дорого для искреннего исследователя, чем честно и напрямую сформулированные возражения, – были натуралистами и принадлежали к тому роду умов, для которого математика, даже простейшая, предстает закрытой книгой. Я же указывал, или, если говорить точнее, говорил им, что есть огромнейшая разница между делениями, признаваемыми человеком справедливыми для классов, чью сущность он способен схватить своим понятием, и разновидностями разделений, наблюдаемыми им

со стороны, – это происходит, например, с объектами естественной истории, в отношении которых мы как не способны угадать, почему они такие, какими кажутся, так и вообще не уверены (за исключением разделений высших), обладаем ли мы полным списком частей их предполагаемого разделения и производны ли эти части от единственного разделения или от нескольких, следующих друг за другом.

571. В своем «Опыте о классификации» Агассис (Agassiz, «Essay on Classification») хорошо – я не говорю совершенно, однако относительно хорошо – описал то, какой должна быть классификация животных. Тем не менее, кажется, последующие зоологи обнаружили, что когда он начинает приспособлять свою идею к фактам животного царства, то это оборачивается не вполне удачным предприятием. Но чему удивляться? Дабы сказать, в чем была идея Создателя, и каковы те разные способы, которыми он устроил ее осуществление, потребовался бы Таксономист с большой буквы. Но разве может тварь поместить себя подобным образом на точку зрения ее Творца?

572. Вскоре зоологи начали классифицировать в согласии с ходом эволюции. Этот поворот, несомненно, имел то преимущество, что обратил их умы к проблемам, не превосходящим масштаб самой науки. Однако я осмелюсь заметить, что даже при условии полного успеха их исследования все, что им удастся таким образом достоверно выяснить, это не более и не менее, чем генеалогия видов. Генеалогия же – вовсе не то же самое, что логическое деление. Ничто не проясняет этого лучше, нежели произведенные Гальтоном (Galton) – и не только – исследования в области наследования характеров. Я имею в виду, это стало видно даже тем, у кого отсутствует определенная идея логического разделения; для тех же, кто знает, что оно такое, исследования Гальтона, лишь подчеркнув уже и так вполне ими осознаваемое, стали тому яркой иллюстрацией.

Однако когда мои критически настроенные друзья советуют мне учесть то чудесное множество подгрупп, на которые

в каждом разделении делится каждая группа животного царства, я следую их совету и обращаюсь к известнейшей книге Гексли — «Анатомия позвоночных животных» — и нахожу, что с самого начала он разделяет данную ветвь на три области: *Ichtyopsida*, *Sauropsida*¹¹² и *Mammalia*. Каждую Область он разделяет на Классы.¹¹³

¹¹² Никакая догадливость не поможет конкретному и определенному пониманию значения подобных искусственных слов. Черепаха, пожалуй, может быть «похожей на ящерицу», однако трудно понять, как то же самое будет верно относительно индейки или цапли.

¹¹³ [Здесь рукопись обрывается.]

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

НОРМАТИВНЫЕ НАУКИ

Глава 1

Введение¹

573. *Нормативная Наука*² образует собой среднюю и наиболее характерную часть коэноскопии. ... Логика, если рассматривать ее с одной поучительной, хотя довольно ограниченной и узкой, точки зрения, есть теория взвешенного (*deliberate*) мышления. Когда говорят о взвешенности какого бы то ни было мышления, в это вкладывают следующее: мышление контролируется с тем, чтобы сообразовать его с какой-то целью или идеалом. Все признают, что мышление есть операция деятельная. Следовательно, контроль за мышлением, имеющий в виду его сообразность со стандартом или идеалом, есть особый случай контроля за деянием, сообразовывающего его с неким стандартом, а теория последнего должна быть особо детерминированной частью теории первого. Памятуя, что специальные теории всегда должны покоиться на теориях общих – которых они суть расширения, – автор настоящей работы рассматривает теорию названного контроля за поведением, и за деянием вообще, – контроля, который имеет в виду сообразование поведения с идеалом, – как средненормативную науку, то есть как вторую в тройке нормативных наук и выделяющуюся из них тем, что в ней наиболее сильно запечатлены отличительные характеры

¹ [Из «Базиса Прагматизма» («Basis of Pragmatism»), 1906 г. См. *CP* 5.549.]

² [Пирс начал исследовать природу Нормативных Наук очень поздно (ок. 1903 г.). Он практически ничего не писал об эстетике (см. *CP* 2.197) и связывал большую часть своего обсуждения вопросов практики и этики с вопросами прагматизма и логики. Третья из Нормативных Наук, логика, которой Пирс отдал около шестидесяти лет напряженного труда и предмету которой посвящено большинство его рукописей, – особая тема второго, третьего и четвертого томов <данного собрания сочинений>. Соответственно, настоящая книга <первого тома>, в основном имеющая дело только с двумя предметами, которые к тому же недостаточно исследованы, оказалась непривычно – но необходимо – краткой и незавершенной.]

нормативной науки вообще. Автор не станет пытаться объявить какое-либо другое изложение предмета нормативной науки неверным, однако, согласно собственному членению этого предмета (которое, ему кажется, как и в любом исследовании должно направлять все изыскания), средненормативная наука не может оказаться иной. Поскольку обычно полагается, что число нормативных наук три, т. е. Логика, Этика и [Эстетика], и поскольку для автора их также три, то он назвал бы средненормативную науку этикой – не препятствуй этому наименованию то, как данный термин, по всей видимости, понимается повсеместно. А поэтому автор предлагает назвать средненормативную науку как таковую (что бы ни было ее содержанием) *антетикой* (*antethics*), то есть тем, что ставится на место привычного второго члена тройки нормативных наук, этики. По мнению автора, *антетика* должна стать теорией сообразности деяния с неким идеалом, а поэтому ее наименованием – в качестве именно так определенной науки – естественно должна стать *практика* (*practics*). Этика же есть нечто иное, нежели практика; во-первых, поскольку этика содержит больше, чем теория названной сообразности, а именно – теорию самого идеала, природы *summit bonum*; во-вторых, поскольку в той мере, в какой этика исследует сообразность поведения с идеалом, она ограничена неким частным идеалом – идеалом, который фактически (вне зависимости от возможных убеждений моралистов) оказывается чем-то вроде составной фотографии совести членов сообщества и который вкратце есть не более, чем стандарт, устоявшийся в традиции – принимаемый, весьма мудро, без радикальной критики, однако не без несколько глупых притязаний на критическое изучение. Наука нравственности, добродетельного поведения, праведной жизни вряд ли способна претендовать на место среди наук эвретических.³

574. У авторов этических сочинений есть одна большая, но часто встречающаяся ошибка – смешивать идеал поведения с мотивом деяния. Истина, однако, в том, что два этих объекта

³ <«Эвретическая наука» (heuretic science) – у Пирса то же самое, что «открывающая наука» (science of discovery).>

принадлежат к разным категориям. Мотивом обладает всякое деяние, а идеал принадлежит только к поведению направленному – всегда взвешенному. Высказывание же о взвешенности поведения подразумевает, что каждое деяние, или каждое важное деяние, заново обзревается деятелем, и им об этом деянии выносится суждение – в аспекте того, желает ли он, чтобы его будущее поведение было таким же, или нет. Идеалом деятеля будет тот род поведения, который привлекает его в результате сделанного обзрения. Его самокритика, за которой следует более или менее сознательное решение, в свою очередь детерминирующее его привычку, и будет, с помощью названных только что следствий, *модифицировать* будущее деяние – однако в общем не она будет движущей причиной деяния. Со стороны деятеля привычка есть почти чисто пассивная симпатия (*liking*) к образу действия – вне зависимости от того, на какое действие он может быть подвигнут. Хотя привычка влияет на его собственное поведение, и ни на ничье больше, все же качество переживания (ибо она есть всего лишь качество переживания) остается точно тем же вне зависимости от того, будет ли его собственное поведение или поведение еще кого-то, реальное или воображаемое, объектом этого переживания, – и вне зависимости от того, будет ли она связана с мыслью о каком-либо деянии или нет. Чтобы поведение было полностью взвешенным, его идеал должен быть привычкой переживания, которая образовалась под влиянием последовательной цепочки случаев самокритики и критики со стороны. Теория взвешенного формирования таких привычек переживания есть как раз то, что должен значить термин *эстетика*.⁴ Правда, немцы, которые и ввели само слово, и сделали больше всего для развития данной науки, ограничивают ее *вкусом*, то есть действием *Spieltrieb*, из которого, кажется, исключена глубокая и серьезная эмоция. Тем не менее теория, по мнению автора, всегда остается одной и той же – будь это вопрос о формировании вкуса к дамским шляпкам или о предпочтении между электрическим стулом и плахой (или между тем, как обеспечить свою семью пропитанием: посред-

⁴ [Ср. *CP* 5.130, 5.553.]

ством земледелия или посредством разбоя на большой дороге). Разница в серьезности вопроса играет огромную практическую роль – однако не имеет ничего общего с эвретической наукой.

Согласно этому воззрению, эстетика, практика и логика образуют одно отчетливое целое, отдельную часть эвретической науки; вопрос же о том, где точно должны быть проведены границы между ними, – вопрос второстепенный. Так или иначе, ясно, что эстетика относится к переживанию, практика – к действию, логика – к мысли.

Глава 2

Пределные блага⁵

575. Целиком общепризнанно, что логика – наука *нормативная*; иначе говоря, она не только полагает правила, которым должно, но не необходимо следовать, но и оказывается анализом условий достижения чего-то, чего существенным ингредиентом является цель. Отсюда следует, что она близко соотносится с искусством; однако есть между ними и примечательная разница: логика первично заинтересована именно в понимании названных условий, и лишь во-вторых – в том, чтобы помочь достижению цели. Логика занята анализом, или, как предпочитают говорить некоторые авторы, определением.

Слово *нормативный* было изобретено учеными школы Шлейермахера.⁶ Большинство употребляющих его авторов сообщают нам, что есть три нормативных науки: логика, эстетика и этика, то есть учения об истинном, прекрасном и благом – триаде идеалов, признаваемых всеми еще со времен античности. С другой стороны, мы довольно часто обнаруживаем ограниченность термина «нормативная наука» только логикой и этикой; сам Шлейермахер формулирует их назначение таким образом, что для чего-то третьего, по-видимому, просто не остается места. Первая, говорит он, относится к сообразованию мышления с бытием, другая – к сообразованию бытия с мышлением. Кажется, что в этом разграничении немало справедливого, ибо характерную нормативность логике и этике сообщает одно: ничто не может быть логически истинным или морально благом, не имея цели таковым оказаться. Например, пропозиция (и особенно заключение аргумента), которая истинна лишь случайно, – это не логическая пропозиция. С другой стороны, вещь прекрасна или уродлива безотносительно к какой бы то ни было цели быть такой. То есть, может показаться, что эстетика не более существенно нормативна, чем любая номологическая наука. Наука

⁵ [«Малая логика» («Minute Logic»), гл. 4, 1902–3.]

⁶ [См. сноску к *CP* 2.8.]

оптики, к примеру, вполне могла бы рассматриваться как исследование условий, которые необходимо соблюдать при использовании света. В рамках такого понятия оптики, из нее не было бы упущено ничего существенного и в нее не было бы привнесено ничто чуждое. Так или иначе, авторы-сторонники триединства нормативных наук, отстаивают его, опираясь на соответствие этих наук трем фундаментальным категориям объектов желания. Если говорить о последнем, то логик имеет право не исследовать вопрос о том, есть ли прекрасное – отдельный идеал или нет, однако он обязан ответить на тот же вопрос в отношении истинного. Соответственно, в намерение этой главы входит заложить фундамент учения – представляющего все более очевидным по мере нашего продвижения вперед – о том, что истина, анализ условий которой предпринимает логик и которая есть цель стремлений всякого рассуждающего, это только фаза образующего субъект чистой этики *sitttit bonum* и что ни один человек не сможет реально понять самого себя, пока ясно этого не воспримет.

576. Я надеюсь, меня не сочтут отклоняющимся от темы, если по ходу дела, прежде чем формально приступить к изучению главного вопроса, я сделаю одно наблюдение. Не имейся в рассуждении ничего больше, чем о том говорят старые, унаследованные нами от традиции, трактаты, негодяй обладал бы не меньшей способностью к рассуждению, чем человек чести – хотя, исходя даже из подобной идеи рассуждения, такого нельзя было бы сказать о трусе. Однако же, для успеха в индукции требуется привычка к честности: притворство всегда в конце концов обернется против самого обманщика. Кроме честности, для индукции существенно трудолюбие. В предварительном отборе гипотез требуются еще более высокие добродетели – плоды истинной возвышенности души. Человек, намеревающийся сделать в науке многое, как минимум должен предпочитать истину своему собственному интересу, благосостоянию – причем не только хлебу с маслом, – а также собственному тщеславию. Это проявится в логической дискуссии, и это полностью подтверждается изучением характеров ученых и исследователей во всех областях эвретического знания вообще. Примечательный факт: если

исключить разные басни, рассказываемые о досократиках, во всей истории не найдется человека, который бы немало приумножил человеческое знание (если только не называть знанием теологию) и при этом совершил бы какие-то доказанные преступления. Говоря о четырех-пяти примерах, обычно приводимых в этой связи: Сенека ни сделал какого-либо вклада в знание, ни был уличен в каком-то положительно известном преступлении; Кальвин был не более, чем теологом; выпады против Эразма ниже даже того, чтобы их презирать; Бэкон был не ученым, а всего лишь претенциозным писателем, чей самый стиль его же и выдает; д-р Додд был обычным комментатором Библии; наконец, против Либри не было ничего доказано. Точно так же можно охарактеризовать время от времени возникавшие слухи, что какой-то натуралист похитил какие-то образцы в интересах науки. Высокий характер истинного человека науки, физической или психической, на сотню примеров не насчитает и одного исключения. Однако нет нужды искать в истории случаи, когда относительно незначительные отклонения от прямого пути помешали выдающимся ученым достичь успехов больших, чем им удалось достичь в действительности, – такими случаями изобилует опыт всякого, кто знает научный мир изнутри. Будь и вправду всякое заблуждение грехом, логика оказалась бы лишь ответвлением моральной философии. И хотя это не так, мы способны почувствовать, что хорошее рассуждение и благие нравы тесно связаны между собой; я даже подозреваю, что с дальнейшим развитием этики между ними будет обнаружена близость еще большая, чем мы сейчас способны доказать.

577. У нас есть основания для сомнений в корректности описания этики как нормативной отрасли философии. Учение о правах и обязанностях – скорее практическое, а не нормативное учение. Если же мы будем, а я именно так и намерен делать, употреблять слово «философия» для обозначения части науки, опирающейся на весь огромный и навязывающий себя всякому человеку каждый час его бодрствования опыт, то в таком случае ясно: учение о правах и обязанностях, многое берущее от мудрости, т. е. знания, приходящего посредством рассуждения над опытом всей жизни, а также от искушенного знакомства со

структурой окружающего человека общества, простирается далеко за рамки известной нам философской почвы. Однако учение о правах и обязанностях – лишь надстройка над собственно этикой. От фундамента этики философия не откажется никогда, ибо она есть гордость философии, единственная область приложения ее усилий, в которой за последние три столетия был сделан неоспоримый и устойчивый прогресс, не меркнувший и в свете достижений специальных наук – я хотел бы, чтобы то же самое можно было сказать о логике. Чем же, в таком случае, авторы, выстроившие своими тонкими и прекрасными дискуссиями науку этики, главным образом занимали свои умы? Безусловно не казуистикой, т. е. не предопределением того, что должно или может быть сделано при данных обстоятельствах. По большей части они были заняты анализом совести, обсуждение которой, как проблемы психологической, принадлежит в основном к ведению специальных психических наук. Однако более важным предметом их размышлений был вопрос «Что есть благо?», и его вряд можно назвать нормативным, скорее – пре-нормативным. Он не спрашивает об условиях достижения каким-то определенным образом принятой цели – он спрашивает, что следует искать *не* на каком-то основании, а до всякого основания. Логика, как истинно нормативная наука, предполагает уже данным ответ на вопрос «На что следует нацеливаться?» – данным до ее собственного необходимого появления. Чистая этика, философская этика не нормативна, а донормативна.

578. «Если так, зачем нужна эта глава?», – боюсь, спросит читатель и одновременно, за якобы избыточностью, упустит из виду жизненный зародыш всех тех истин, которые я должен перед ним развернуть. «Не важно», – скажете вы, – «плоха или хороша цель, которую имеет в виду логика; по правде говоря, нам она интересна. Она заключается в том, чтобы узнать истину, и ни одна цель не может обладать более элементарной простотой. Вернемся же к тому моменту, когда нам было сказано, как прийти к ней». Что ж, если эту цель так легко ухватить, предположим, что вы скажете мне, которому так вовсе не кажется, в чем эта истина состоит. «Истина есть сообразность реп-

резентации со своим объектом», говорит Кант.⁷ Можно сделать эту формулировку еще более развернутой, однако в нашем случае подойдет и такая. Она почти верна, насколько ее вообще можно понять. Однако, что это за «объект», который участвует в определении истины? Как же, это – *реальность*: он обладает такой природой, что независим от своих репрезентаций, т. е. если взять любой индивидуальный знак или любое индивидуальное собрание знаков (например, все идеи, которые когда-либо приходили или придут в голову данному человеку), то будет иметься такой характер, которым эта реальная вещь будет обладать вне зависимости от того, репрезентирует ее наш знак (собрание знаков) обладающей этим характером или нет. Очень хорошо: теперь скажите мне, что значит «вещь обладает характером», и я буду окончательно удовлетворен. Но даже сейчас, прежде нашего исследования, посвященного определению, мы можем в достаточной мере увидеть: достичь понятия менее известного мы способны только через более известное, и, следовательно, единственное значение, которым мы можем наделить фразу об «имении характера» у какой-то вещи, таково, что нечто *истинно* <сказывается> об этой вещи. Итак, пройдя вслед за путеводной нитью по всем закоулкам лабиринта, мы оказались почти выброшенными из него там же, где и вошли – у понятия истины. И в самом деле, стоит только подумать об этом, сколь тщетной сразу покажется фантазия о том, что мы должны были прояснить идею *истины* при помощи еще более темной идеи *реальности*!

579. Однако ни с точки зрения науки, ни с точки зрения безопасности, логик никогда не сочтет себя вполне снаряженным для своей экспедиции, если не будет в точности знать, что же именно он ищет. Степень, в которой все логическое учение окажется зависимым от этого обстоятельства, вряд ли было возможно предусмотреть, и наилучшим здесь было бы, вернувшись к началу, спросить, достижения чего именно мы будем согласны желать вне зависимости от какого-либо окончательного результата. А поскольку дискуссии моралистов, не имевших в виду

⁷ [См., например, 1-я Критика, А58, 320, 462.]

логику, не вполне подходят для наших нужд, в нашем изыскании нам не следует обращать внимание на те из них, что приводят к психологии; анатомия и физиология ума, или мозга, пусть и способны время от времени дать нам намек, могут в конце концов так и не сказать нам о желательности чего-либо – разве только о желательности на некоем основании, – мы же хотим узнать о том, что желательно без какого-либо основания. Психология, правда, может открыть нам неспособность некоторых вещей стать объектами желания вообще; однако поскольку она способна на такое открытие только в опоре на прямое самовопрошание – чего мы желаем и чего нет, – подобные предпосылки психологии здесь суть как раз те заключения, которые мы стараемся отыскать. Получается, мы должны решиться на то, чтобы целиком опереться на самовопрошание, иногда, вероятно, прибегая к дополнительной помощи со стороны психологии.

580. Ответ, который нам даст самовопрошание, вовсе не безошибочен. Наоборот, сознание можно назвать самым лживым свидетелем их всех когда-либо подвергнутых допросу. Но другого свидетеля у нас нет, и все, что нам дано, – это возможность запереть его в карцер и выпытать у него истину, судя о ней, насколько нам позволяют собственные способности.

581. Здесь я предлагаю сделать обзор всех тех общих классов объектов, которые кто-либо мог бы посчитать предельным благом, и спросить у сознания, во-первых, удовлетворит ли нас каждый из них в свою очередь как единственное предельное благо, вне зависимости от какого-либо окончательного результата, и если нет, можно ли, во-вторых, рассматривать каждый такой объект сам по себе как благо вообще, безотносительно к его следствиям. Я построю свой список так, чтобы начать с наиболее частных удовольствий и шаг за шагом подвести к наиболее общим. А поскольку на каждой ступени есть несколько родов удовольствий, первым, рассматривая новую степень общности, я буду брать удовольствие наиболее непосредственное и эгоистическое и затем по порядку переходить к наиболее условным и зависимым.

582. Итак, я начинаю с простых удовольствий момента. Наиболее непосредственное из них – простое удовлетворение

прямого инстинкта. Я чувствую жажду и хочу что-нибудь выпить. Здесь наш уклончивый свидетель, сознание уже готова⁸ с ее ответом, что питье – это благо, но что моментальные удовольствия – не единственные блага. Не будем спешить принимать ни тот, ни другой ответ. Кто-то с легкостью может утверждать – и на самом деле такое утверждают, – что не *может* быть иного блага, кроме удовлетворения моментального желания. Но как только я слышу употребление слова *может*, и при этом к делу относятся исключительно наблюдения за тем, что есть, я отмечаю суждение, как ничего не стоящее. Ибо «не может быть» значит «не находится в соответствии с неким гипотетическим построением», которое, подразумевается в данном случае, репрезентирует человеческую природу. Однако мне не интересны гипотетические построения. Я лишь хочу знать, *действительно* ли человек когда-либо обнаруживает любое другое удовольствие, нежели простое удовольствие момента. Если нет никакого другого блага, кроме простого моментального удовольствия, и все остальные моменты суть ничтожны, я должен находиться в состоянии полного удовлетворения или полного неудовлетворения. Так ли это? Очевидно нет: я могу желать чего-то, несмотря на сопутствующие ему неудобства. Следовательно, простое удовольствие момента – не все, по меньшей мере имеется какая-то сложность. Итак, способно ли простое удовольствие момента само себе вообще быть благом? Здесь сознание подчеркнет свой ответ, что питье – благо, пусть и малое. Однако нашему свидетелю будет неврдно устроить небольшой перекрестный допрос. В абсолютно простом удовольствии не будет ни сравнения, ни меры, ни степени. Если оно вообще существует, оно совершенно. Предположим, теперь, что тебе могло бы быть доказано следующее: не скажу на мгновение, но на всем протяжении одной миллионной доли секунды, ты смогла бы наслаждаться неким простым удовольствием, скажем приятным цветовым ощущением, что не имело ни каких-либо следствий, ни, конечно, какой-либо по себе памяти. В таком случае, поскольку это удовольствие было бы совершенным и неизмеримым, и было

⁸ <У Пирса местоимения, обозначающие сознание, – женского рода.>

бы, по твоим словам, о Сознание, благом, насколько бы ты его оценила? Сколько лет чистилища ты была бы согласна вытерпеть ради него? Ну, говори же. Вытерпела бы ты пять минут зубной боли? Ради *знания*, которым ты владела, или, вернее, завладела бы, ради, вероятно, какого-то странного опыта. Однако все это было бы лишь следствием. Ты должна предположить, что тебе совершенно неизвестно, испытала ты или только могла бы испытать какое-то подобное переживание. И разве не было бы это в точности одним и тем же – как будто это случилось с каким-то другим существом, например с комаром, с той только разницей, что комар – твой ближний, к которому у тебя есть крупица сочувствия, а тот отрезанный от всего момент мог бы в реальности и не существовать вообще? Кажется, я слышу, ты бормочешь, что абсолютное простое удовольствие было бы абсурдом. Тогда подобное удовольствие никак не входит в благо. И все же, по-прежнему можно сказать, что полученный нами результат достигнут лишь благодаря гипотезе простоты.

583. Рассмотрим тогда в качестве следующего шага, будет ли совершенное и быстрое удовлетворение всех инстинктов единственным предельным благом. Хотя я не могу этого припомнить, весьма вероятно, что в детстве я читал о злой колдунье, которая произнесла над младенцем следующее проклятье: на протяжении всей его жизни, какое только желание он бы не помыслил, оно немедленно бы исполнялось. Пожелай он чего-нибудь выпить, питье тут же оказалось бы перед ним. Захоти он, чтобы оно поменяло свой вкус, оно тут же поменяло бы его. Если бы он устал лениться и пожелал работать, он тут же оказался бы вынужден начать напрягать свои силы. Только две вещи были бы недоступны ему. Первое ограничение касалось того, что смутного недовольства, простой скуки от своего образа жизни было бы недостаточно. Он должен был сформировать определенное желание. И во-вторых, желание о том, чтобы его желания не исполнялись, исполнилось бы только тогда, когда он пожелал бы нечто положительное. Как только он сделал бы это, его желание бы тотчас исполнилось. Не думаю, что даже сама Сознание имела бы достаточно смелости назвать такое положение дел благом. Единственным облегчением находящемуся

в нем человеку стало бы состояние слабоумия, в которое он бы целиком погрузился. Итак, в виду уже сказанного, я спрошу: можно ли назвать простое импульсивное удовольствие как таковое неким благом вообще? При некоторых обстоятельствах подобное удовольствие несомненно может быть благом; но благо ли оно *per se* и *simpliciter*? Мы опять обнаруживаем, что столкнулись с абсурдом. Удовольствие не может быть разведено со своими обстоятельствами – в результате получается, что удовлетворение инстинкта *per se* не есть какая-либо часть блага. И все же, по-прежнему можно сказать: мы получили наш результат только потому, что вообразили невозможную ситуацию, где никак не обеспечивается исполнение *будущих* желаний.

584. В таком случае следующим шагом мы рассмотрим, есть ли обеспечение удовлетворения будущих инстинктивных желаний единственное предельное благо, и если нет, есть ли оно само по себе вообще благо. Следует отметить, что хотя только что вообразенное нами положение дел не было бы благом для человека, между ним и условиями, при которых мой пес или кобыла или домашняя птица кажутся завидно счастливы, нет, по-видимому, никакой разницы. Однако здесь может иметься некий обман: пес, я вижу, считает, что на нем лежит тяжелый груз ответственности, и то же самое происходит со взрослой птицей. Даже кобыла не лишена этого чувства, причем вероятно, что она не столь совершенно счастлива, как остальные. Если бы поблизости жил какой-нибудь идиот, могли бы мы считать предельным благом, чтобы все его инстинкты удовлетворялись описанным выше способом? Не думаю. Произведи это в уме бедного малого состояние удовольствия и окажись это на каком угодно основании благом, нельзя отрицать, что предполагаемое положение дел было бы благом. Но отсюда не следовало бы, что оно есть благо предельное, наоборот, оно дало бы лишь *основание*, на котором оно было бы благом. Такие соображения чрезвычайно уместны в случае, который нам предстоит разобрать, а именно в случае человека, очень занятого обеспечением потребностей своего завтрашнего дня, не лишённого, впрочем, достаточной доли неуверенности относительно своей вероятной в будущем трудоспособности. Если на каком-либо основании или по-

мимо какого-либо окончательного основания желательно, чтобы он был счастлив, и если его умственное развитие столь мало, что подобные условия сделают его счастливым (возможно, с некоторыми зоологически человекоподобными созданиями так и происходит), то, конечно, это составит цель, в качестве средства к каковой предположенное нами выше состояние было бы благом. Но что ты думаешь об этом, моя Сознание? Думаешь ли ты, что для сотворения неба и земли было достаточным основанием заставить тебя, или любого другого индивида, работать ради того, чтобы жить?⁹

⁹ [В этом месте недостает около пяти страниц. Рукопись затем продолжается повторением кое-чего из вышесказанного, переходит к перечислению нескольких предельных целей («ends»), исследованных ранними греческими мыслителями, и завершается двадцатипятистраничным обсуждением порядка, истории и содержания Платоновых Диалогов. За исключением краткого отступления, которое появится в качестве §7–§8, гл. 11, кн. I, т. 6 <CP>, остаток рукописи публиковаться не будет.]

Глава 3

Попытка классификации целей¹⁰

585. В «Попьюлар Сайенс Мансли» за январь 1901 г. (LVIII *et seq.*)¹¹ я перечислил несколько этических классов мотивов, под мотивом имея в виду не источник деяния, но цель (an aim, or end), которая кажется деятелю предельной. Любая такая классификация может быть сделана более подробной при помощи дальнейших подразделений, или более общей – при помощи сращения классов; в своем же списке я пытался распределить специфичность приблизительно равномерно. Заново его просмотрев, я нашел, что, по-видимому, он достаточно полон и систематичен, чтобы позволить, взяв из него немалое количество материала и потрудившись над ним, доработать его до удовлетворительной классификации целей. Здесь я даю усовершенствованную формулировку этой классификации в надежде, возможно, возбудить в других заинтересованность такого рода работой – чтобы они попытались завершить или хотя бы помочь завершить ее.

Классификации целей будет легче дать новую формулировку и она станет яснее, если воспользоваться системой условных обозначений, разработанной специально, чтобы показать, какими мне представляются существенные элементы разных целей.

586. А. Человек может действовать в качестве как бы гипнотической реакции на мгновенное приказание. Я помечаю это буквой А.

В. Человек может действовать из повиновения, хотя и не в ответ на конкретное приказание. Это я помечаю буквой В. В подобном случае он может действовать столь же чисто импульсивно, как и случае А. Однако, если он так и действует, и при этом все же действует из чистого повиновения, а не в ответ на какой-либо свой импульс, тогда то, чему он повинуется, это миссис Гранди,¹² некая *смутная персонификация общества*.

¹⁰ [Ок. 1903 г.]

¹¹ [См. СР т. 9.]

¹² <Этот персонаж из пьесы Мортон в английском языке приблизительно эквивалентен «княгине Марье Алексевне» из пьесы Грибоедова.>

Цель, в которую как элемент входит такая персонификация, я помечу буквой *z*, стоящей вслед за заглавной.

Может ли человек без конкретного приказа действовать каким-либо способом из чистого повиновения, если отсутствует элемент *z*? Несомненно – если он действует повинаясь закону. То, что в цели содержится сознательное отсылание к закону или общему основанию, я помечу при помощи цифры 1, написанной перед заглавной буквой. Таким образом, под буквой В мы находим:

Вz. Действие под страхом миссис Гранди, без обобщения ее предписаний.

1В. Действие под страхом закона, без критики его обязательности.

Но разве не могут элементы 1 и *z* сочетаться? Разве не может человек действовать под влиянием смутной персонификации сообщества и в то же время в согласии с общим правилом поведения? Несомненно: он действует так, когда соотнобразовывается с обычаем. Однако если это всего лишь обычай, а не закон, будет иметься не случай повиновения, а случай *сообразования с нормой*, или образцом. (Я никогда не употребляю слово *норма* в смысле обязывающего постановления, но только в смысле образца, которому подражают, – ибо именно такова изначальная метафора.) Цель, представляющую норму, с которой будут соотнобразовываться, я помечаю заглавной буквой С.

Сообразование с нормой может иметь место посредством непосредственного импульса. Так оно становится инстинктивным подражанием. Но здесь человек не занят смутной персонификацией сообщества, а, как мы говорим, ставит себя на место любого другого. Я называю это поставление себя на место другого *ретросознанием*. То, что в цели существенно содержится ретросознание, я помечаю буквой *y*, написанной после заглавной буквы.

Сообразование с нормой может иметь место в отсутствие как элемента *y*, так и элемента *z*. Только в этом случае норма должна быть определенным идеалом, который сам по себе рассматривается как $\kappa\alpha\lambda\acute{o}\varsigma \kappa' \acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{o}\varsigma$. Цель, существенно содержащую признание определенного идеала как универсально и абсолютно желательного, я помечаю цифрой 2, которая должна стоять пе-

ред заглавной буквой. Тогда, под буквой С мы будем иметь следующие случаи:

Су. Инстинктивное подражание.

1Сз. Сообразование с обычаем.

2С. Сообразование (неанализируемое) с καλὸς κ'ἀγαθός.

587. Элементы 1 и у могут сочетаться. Другими словами, человек может действовать из того, что ставит себя на место другого, и в согласии с общим основанием, которое представляется ретросознанием. То есть, он действует ради благоденствия другого. Объект здесь не обязательно будет человеком: к помещью или растению могут обращаться с тем же чувством. Но это уже не сообразование с нормой – это *посвящение себя* кому-то или чему-то.

588. Похожим образом могут сочетаться и элементы 2 и з. Иначе говоря, предельная цель человека может заключаться в смутной персонификации сообщества и одновременно определенное общее состояние может рассматриваться им как *summit bonum*. То есть душа этого человека может быть устремлена к благоденствию и безопасности сообщества. Но это опять окажется *преданностью*, а не сообразованием с нормой. Цель, принятие которой содержит преданность, будет помечена мной заглавной буквой D.

Преданность может приводиться в действие моментальным импульсом. В таком случае деятель не ставит себя на место объекта, ибо результатом этого, в отсутствие размышления, оказывается всего лишь¹³

589.¹⁴ Все эти дистинкции могли бы быть объединены схемой, так или иначе сходной с нижеследующей:

- I. Цель в том, чтобы сообщить переживанию некоторое качество, удовольствие.
- II. Цель в том, чтобы продлить существование некоего субъекта.
 1. Чего-то психического, например, души;
 2. Чего-то физического, например, расы.

¹³ [Здесь рукопись обрывается.]

¹⁴ [589–590 взяты из неозаглавленного фрагмента, ок. 1903 г.]

- III. Цель в том, чтобы реализовать общий идеал.
1. Достичь некоторого общего состояния переживания, например, наибольшего удовольствия наибольшего числа людей;
 2. Наделить определенный субъект определенным характером.
 - (a) Характером внутренним, таким как альтруистический сентимент;
 - (b) Характером внешним, таким как мир и процветание человечества.
 3. Продлить реализацию идеала, изначально не определяемого, но иного, нежели то, что стремится к своей реализации в конечном счете или каким-то подобным образом.
 - (a) Идеала предполагаемого внутреннего типа;
 - (b) Идеала предполагаемого внешнего типа;
 - (c) Идеала чисто методического, и поэтому равно способного к внутренней и внешней реализации.

590. Самый серьезный недостаток этой классификации заключается в том, что в ней рационалистическая теория подразделяется только на два главных ответвления, расходящихся по незначительному вопросу – достигим ли идеал полностью или нет. Истина же в том, что есть три больших класса моралистов рационалистического направления, и разница между ними продиктована гораздо более важным вопросом – вопросом о том, каким модусом бытия обладает цель. Более конкретно, есть те, кто сделал цель чисто субъективной, переживанием удовольствия; те, кто сделал цель чисто объективной и материальной, умножением расы; и, наконец, есть те, для кого цель наделена тем же родом бытия, что и закон природы, и заключается в рационализации универсума.¹⁵

¹⁵ [См. следующую главу и *CP* 5.3, 5.433, где Пирс отождествляет себя с последней группой.]

Глава 4

Идеалы поведения¹⁶

591. У всякого человека есть некоторые идеалы общего описания поведения, подобающего разумному животному в его конкретной жизненной позиции, – описания чего-то, наиболее согласующегося с его совокупной природой и взаимоотношениями, которыми он в этой позиции связан. Если вы сочтете эту формулировку слишком смутной, я уточню, что есть три способа, которыми такие идеалы себя представляют, причем вполне справедливо. В первую очередь, некоторые роды поведения представляются человеку обладающими эстетическим качеством. Он считает, что такое поведение прекрасно (*fine*), и хотя эти его представления могут быть вульгарны или, наоборот, сентиментальны, в подобном случае поведение все равно будет меняться во времени и необходимо стремиться к достижению гармонии с его природой. Как бы то ни было, его вкус – это пока что *его* вкус, вот и все. Во-вторых, человек пытается оформить свои идеалы так, чтобы они были связаны друг по отношению к другу, ибо отсутствие связности между ними ему нетерпимо. В-третьих, он воображает, каковы были бы последствия полного осуществления его идеалов, и спрашивает себя, каким при этом было бы их эстетическое качество.

592. Так или иначе, в большинстве своем подобные идеалы усваиваются человеком в детстве. Однако они постепенно оформляются в соответствии с его личной природой и идеями его круга общества не посредством каких-либо отчетливых мыслительных действий, а скорее посредством непрерывного процесса роста. Размышление об этих идеалах приводит его к *намерению* сообразовать свое поведение по крайней мере с какими-то из них – с теми, в которых он убежден целиком и полностью. Далее он обычно формулирует – пусть даже очень смутно –

¹⁶ [Из «Лоуэлловских лекций 1903 г.» («Lowell Lectures of 1903»), лекция I, т. 1, 3-й набросок; 611–615 – из т. 2, 2-го наброска, который продолжает т. 1, 3-й набросок.]

некоторые *правила поведения*. Вряд ли он может как-то этого избежать. Вдобавок, такие правила весьма удобны и служат минимизации эффекта каких-нибудь его будущих оплошностей или того, что довольно точно называют кознями дьявола – дьявола, сидящего в нем самом. Размышление об этих правилах, как, впрочем, и о стоящих за ними общих идеалах, оказывает известное воздействие на его расположенность к чему бы то не было, а поэтому все, к чему он естественно склонен, некоторым образом модифицируется. Пребывая в таком положении, он часто может предвидеть возникновение того или иного особого случая, вследствие какового предвидения его силы, объединившись, начинают свою работу над ним. Это, в свою очередь, становится причиной рассмотрения им своего будущего образа действий и приводит к формированию им – в соответствии с имеющимся у него в настоящий момент расположением – *решения* о том, как именно он будет действовать в данном случае. Такое решение по природе своей – некий план, или, почти можно сказать, *диаграмма*; это умственная формула, всегда более или менее общая. Будучи всего лишь некой идеей, решение не обязательно влияет на его поведение. Но теперь он садится и проходит через процесс, схожий с запечатлением в памяти какого-нибудь урока, в результате чего *решение*, или умственная формула, превращается в решимость, *детерминацию*, под каковой я имею в виду реально эффективную инстанцию деяния (*efficient agency*) – такую, что зная, каков ее особый характер, в чем она состоит, можно *прогнозировать* поведение человека в данном конкретном случае. Прогнозы, которые сбываются в подавляющем большинстве ситуаций, нельзя было бы сделать в опоре на какую-нибудь фикцию, – они должны были бы опираться на что-то истинное и реальное.

593. Мы не знаем, при помощи какого механизма происходит превращение решения в детерминацию. На этот счет предложено несколько гипотез, но в данный момент они не должны нас очень занимать. Достаточно сказать, что детерминация, или эффективная инстанция деяния, спрятана в глубинах нашей природы. Процесс формирования этой запечатленности сопровождается характерное качество переживания, но позже мы не

осознаём его напрямую. Мы можем осознать только свою расположенность к чему-то в данный момент, особенно если она переполняет собой все наше существо. В этой ситуации мы узнаем ее благодаря переживанию *нужды, желания*. Я должен заметить, что человеку не всегда предоставляется случай сформировать определенное решение заблаговременно. Однако в таких ситуациях есть менее определенные, и все-таки довольно отчетливые детерминации его природы, и вырастают они из сформулированных им общих правил поведения; если даже никакого подходящего к данной ситуации правила им сформулировано не было, некоторая расположенность будет произведена в нем его же идеалом подходящего поведения. Итак, в конце концов, ожидаемый случай действительно наступает.

594. Чтобы закрепить наши идеи, давайте возьмем конкретный пример. В ходе моих раздумий я прихожу к мысли, что для меня было бы желательным разговаривать с известным лицом так-то и так-то. Я решаю, что так и поступлю, когда мы встретимся. Однако учитывая, что в пылу разговора я вполне могу взять неверный тон, я продолжаю запечатление принятого решения в своей душе – с тем результатом, что, когда разговор реально происходит, то, несмотря на занятость моих мыслей предметом разговора и возможность для них так никогда и не вернуться к принятому решению, детерминация моего существа, тем не менее, действительно влияет на мое поведение. Всякое деяние, согласующееся с детерминацией, сопровождается переживанием, которое довольно приятно; однако переживается ли это имеющееся в любой момент действия переживания как приятное в тот же самый момент или осознание его приятности приходит позже – вопрос фактический и ответить на него уверенно очень трудно.

595. Так как наша аргументация строится вокруг переживания удовольствия, то, чтобы вынести о нем суждение, необходимо рассмотреть касающиеся его факты со всей возможной аккуратностью. На первом этапе выполнения любого ряда действий, относительно которого заранее была установлена детерминация, есть известное ощущение радости, предвкушение и самое начало расслабления, т. е. снятия приносимого нуждой и

теперь более чем прежде осознаваемого нами напряжения. Далее, в самом действии, в любой его момент мы можем осознавать удовольствие; в этом, впрочем, можно усомниться. Наконец, даже прежде завершения данного ряда наших деяний, мы уже начинаем обозревать их ретроспективно и в этом обзоре признаем, что переживания, их сопровождавшие, имели приятный характер.

596. Возвратимся к моему разговору. Как только он закончился, я начинаю рассматривать его более тщательно и затем спрашиваю себя, согласовывалось ли мое поведение с принятым ранее решением. Мы допустили, что это решение было умственной формулой; память же о моем действии можно приблизительно описать как образ. Я смотрю на этот образ и задаю себе вопрос: «Должен ли я сказать, что этот образ удовлетворяет условиям, поставленным в моем решении, или нет?» Ответ на такой, как и на любой другой внутренний вопрос, по своей природе необходимо будет умственной формулой. Тем не менее, он сопровождается известным качеством переживания, причем соотношение этого качества с самой формулой во многом подобно соотношению цвета чернил напечатанного текста с его смыслом. И как мы сначала осознаем, каков цвет чернил, его характер, а уже потом спрашиваем себя, приятен он или нет, так же и формулируя суждение о том, что образ нашего поведения действительно удовлетворяет принятому ранее решению, мы, в самом акте формулирования, осознаем некоторое качество *переживания* – осознаем переживание удовлетворения, – и непосредственно вслед за этим признаем, что это переживание было приятным.

597. Однако теперь я могу провести более глубокое исследование своего поведения и задаться вопросом о том, согласовывалось ли оно с моими общими намерениями. Здесь опять будет иметься суждение, сопровождающее его переживание и немедленное признание приятности или болезненности последнего. И хотя здесь суждение, будь оно благоприятным, вероятно доставит мне не столь острое удовольствие, сопутствующее ему удовлетворение, которое, разумеется, приятно, тоже будет другим и, как мы говорим, *более глубоким* переживанием.

598. Я могу пойти еще дальше и спросить, как образ моего поведения согласуется с моими идеалами поведения – поведения, подобающему такому человеку как я. Здесь вновь будет вынесено суждение, сопровождающееся переживанием, приятный или болезненный характер которого тоже будет немедленно признан. Человек может критически рассматривать свое поведение любым приведенным способом или всеми ими сразу; и надо сделать существенное замечание, что такое рассмотрение не будет всего лишь какой-то праздной хвалой (или хулой) – вроде той, что раздастся некоторыми не самыми мудрыми авторами историческим персонажам. Ни в коей мере! Только это одобрение или неодобрение достойно уважения, ибо только оно способно принести какие-то плоды в будущем. Доволен человек собой или нет, его природа впитает вынесенный урок как губка – и в следующий раз он будет стремиться к тому, чтобы стать лучше прежнего.

599. Кроме трех названных способов критического разбора собственных однократных деяний, человек иногда будет прибегать к рассмотрению своих *идеалов*. Этот процесс – не та работа, которую можно сесть и сделать раз и навсегда: жизненный опыт непрерывно поставляет нам примеры, более или менее проливающие свет на наши идеалы. Эти примеры прежде всего воспринимаются не в сознании человека, а в глубине его разумного бытия. И хотя результаты такого восприятия доходят до нашего сознания позже, все-таки размышление над ними, медитация, путем оживления в нас массы стремлений позволяет им, по-видимому, быстрее прийти к реальному сообразованию – и друг с другом, и с тем, что подобает человеку.

600. Наконец, вдобавок к этому личному размышлению над согласованностью своих собственных идеалов, имеющих практическую природу, есть чисто теоретические исследования ученого-этика, который из любопытства желает узнать наверняка, в чем состоит *согласованность* идеала как таковая, и из определения этой согласованности вывести то, каким надлежит быть поведению. На счет здравости названных исследований мнения разнятся. С точки же зрения цели нашего настоящего разыскания стоит только отметить, что сами по себе это чисто теорети-

ческие исследования, полностью отличающиеся от задачи формирования собственного поведения. Если не забывать о таком их характере, то в их более или менее благоприятности для праведной жизни лично я не сомневаюсь.

601. Итак, я попытался полностью описать типичные феномены контролируемого действия. Но *все они не присутствуют во всяком случае*. Например, как я уже говорил, не всегда предоставляется возможность сформировать решение. Особо я подчеркнул тот факт, что поведение детерминруется чем-то, предшествующим ему во времени, а признание приносимого им удовольствия происходит после самого действия. Если по чьему-то мнению такого нельзя истинно сказать о том, что называется погоней за удовольствиями, я признаю: этому мнению есть на что опереться; однако я лично склонен думать, что, например, удовлетворение от сытного обеда никогда не будет удовлетворением данного мгновенного состояния, но всегда будет следовать за ним. В любом случае я настаиваю, что *переживание*, как нечто всего лишь внешнее, никогда само по себе не способно обладать реальной силой производить какой бы то ни было эффект, пусть даже и косвенно.

602. Мой отчет о соответствующих фактах, как вы заметили, оставляет человеку полную свободу – вне зависимости от того, согласимся ли мы со всем, о чем говорят детерминисты (necessitarians), или нет. То есть человек *способен*, или, если вам так угодно, *побуждаем, делать свою жизнь более разумной*. И я бы очень хотел узнать, какую еще другую отличительную идею можно закрепить за словом свобода?

603. Теперь сравним факты, мной постулированные, с аргументом, который я оспариваю. Этот аргумент покоится на двух главных посылках: во-первых, немислимо, чтобы человек действовал из какого-либо иного мотива, кроме удовольствия, если он действует взвешенно; и, во-вторых, действие, которое соотносит себя с удовольствием, не оставляет места для какого бы то ни было различия правильного и неправильного.

604. Посмотрим, истинна ли эта вторая посылка в реальности. Что понадобилось бы, чтобы уничтожить разницу между невиновным и виновным поведением? Сделать это могло бы толь-

ко уничтожение способности к действенной самокритике. Пока она оставалась бы, пока человек сравнивал бы свое поведение с предварительно помысленным стандартом, причем сравнивал эффективно, с соответствующими последствиями, не было бы особой разницы в том, единственный ли *в реальности* его мотив удовольствие, или нет; ибо испытать укор собственной совести ему было бы неприятно. Однако обманывающие себя этим заблуждением были столь невнимательны к сопутствующим феноменам, что спутали выносимое после деяния суждение об удовлетворении или неудовлетворении этим деянием требованиям стандарта с удовольствием или болью, сопровождавшими само деяние.

605. Теперь посмотрим, истинна ли первая посылка – что человеку немислимо действовать взвешенно иначе, как ради удовольствия. Отсутствие какого элемента во взвешенном мышлении было бы воистину немислимо? Всего лишь решимости, детерминации – и только ее одной. Допустим, у человека остается только детерминация – и это, конечно, вполне можно помыслить: чтобы детерминация осталась, а самый нерв удовольствия был бы удален, так что человек был бы совершенно нечувствителен к удовольствию или боли. В таком случае он несомненно будет придерживаться той линии поведения, придерживаться которой намерен. Единственным следствием этого положения дел стала бы уменьшившаяся изменчивость намерений человека – следствием, кстати, которое мы часто имеем возможность наблюдать у тех, чьи чувства оказались почти умерщвлены благодаря возрасту или какому-то расстройству мозга. Однако рассуждавшие подобным ошибочным способом спутали детерминацию природы человека – то есть эффективную инстанцию деяния, подготовленную к деянию предварительно, – со сравнением поведения и стандарта, каковое сравнение есть общая умственная формула, возникающая после деяния. Получается, они, отождествив две крайне разных вещи, поместили их обе в само деяние под видом всего лишь качества переживания.

606. Теперь, если мы возьмем аргумент о рассуждении, мы обнаружим, что в нем содержится та же самая путаница идей. Феномены рассуждения в своих общих чертах параллельны фе-

номенам морального поведения. Ибо как рассуждение по сути своей есть мышление, подчиненное самоконтролю, так и моральное поведение есть поведение, подчиненное самоконтролю. На самом деле рассуждение – это и *есть* вид контролируемого поведения, и как таковое оно необходимо причастно существенным чертам последнего. Если вы обратите внимание на феномены рассуждения, пусть они не так знакомы вам, как феномены нравственности (ибо нет тех священников, чьим занятием было бы держать их у вас перед глазами), вы все же без труда заметите, что человек, делающий разумное умозаключение, не только считает его истинным, но и считает, что сходное рассуждение было бы справедливо во всяком аналогичном случае. Если он так не считает, то его вывод не может называться рассуждением. Это всего лишь идея, которая пришла ему на ум и истинность которой для него неодолима, – но, не будучи подвергнута какой-либо проверке или контролю, не получив взвешенного одобрения, она не может называться рассуждением. Назвать ее так означало бы пренебречь тем различием, пренебрегать которым вряд ли подобает существу разумному. Несомненно, всякий вывод навязывается нам неодолимым образом. То есть он неодолим лишь в то мгновение, в которое приходит на ум. Однако, поскольку все мы обладаем в своем уме известными *нормами*, или общими образцами правильного рассуждения, мы способны, сравнив данный вывод с одной из них, спросить себя, удовлетворяет ли он такому правилу. Хотя я говорю здесь «правило», конкретная формулировка «правила» может быть несколько смутной; однако это именно правило, поскольку оно имеет его существенный характер – быть общей формулой, применимой к частным случаям. Если мы вынесли суждение, что все удовлетворяет нашей норме правильного рассуждения, у нас появляется чувство одобрения, и вывод не только, как раньше, кажется несомненным, но и доказывает – в свете какого бы то ни было сомнения – свою гораздо большую устойчивость.

607. Вы сразу же можете увидеть, что здесь мы получили все главные элементы морального поведения: общий, заранее помысленный в уме стандарт; эффективную инстанцию деяния, утвердившуюся во внутренней природе; деяние; последующее

сравнения деяния со стандартом. Исследуя соответствующие феномены более пристально, мы обнаружим, что все до единого элементы морального поведения в рассуждении репрезентированы. Хотя всякий особый случай, естественно, имеет свои характерные черты.

608. Таким образом, у нас есть общая идея здоровой логики. Однако не следует тут же, повинувшись естественному стремлению, описывать ее как нашу идею того рода рассуждения, который подобает людям в нашем положении. Как же следует ее описать? Нам следовало бы сказать: здоровое рассуждение есть такое рассуждение, что во всяком мыслимом состоянии универсума, в котором факты, постулированные в посылках, истинны, факт, постулированный в заключении, будет тем самым истинным в том же состоянии универсума. Возражение против подобной формулировки заключается в том, что она верна только для необходимого рассуждения, включая сюда и рассуждение о случайностях. Есть и другое рассуждение, которое можно отстаивать как вероятное – в том смысле, что при большей или меньшей ошибочности его заключения та же самая процедура, раз за разом планомерно повторяемая, во всяком мыслимом универсуме, в котором она вообще приводит к какому-либо результату, должна привести к результату, бесконечно приближающемуся к истине. Рассуждая именно так, мы поступим правильно, если будем придерживаться именно названного метода – лишь бы мы знали его истинный характер, – ибо наше отношение к универсуму не дает нам какого-либо необходимого знания позитивных фактов. В таком случае, как вы увидите, идеал формируется с учетом нашего положения относительно универсума существований. Есть и другие умственные операции, к которым слово «рассуждение» особенно подходит – несмотря на то, что называть их так не вполне согласуется с преобладающими привычками нашей речи, – и которые суть предугадывания, но предугадывания рациональные. Они оправданы тем, что, не обладай человек тенденцией строить догадки и не будь его догадки чем-то лучшим, нежели подбрасывание монеты, он не был бы способен открыть ни одной истины, кроме так или иначе уже у него имеющихся, а поэтому мог бы бросить всякие попыт-

ки рассуждать. Но если у него все-таки имеется явная способность угадывать верно – а он *может* ей обладать, – тогда, несмотря на то, как часто он угадывает неверно, он в конечном счете достигнет истины. Эти соображения несомненно учитывают как внутреннюю природу человека, так и все, с чем он соотносится вовне; поэтому идеалы хорошей логики поистине имеют ту же общую природу, что и идеалы прекрасного поведения. Мы видели, что идеалы поведения подкрепляются тремя разными соображениями. Во-первых, тем, что некоторое поведение кажется прекрасным само по себе. Точно так же некоторые догадки сами по себе кажутся правдоподобными и легкими. Во-вторых, мы желаем связности собственного поведения. Точно так же идеал необходимого рассуждения попросту и есть сама связность. В-третьих, мы смотрим, каков был бы общий эффект полного осуществления наших идеалов. Точно так же некоторые способы рассуждения представляются благоприятными, поскольку при упорном осуществлении они должны привести к истине. Вы чувствуете, что налицо имеется почти точный параллелизм.

609. Кроме того, есть такая вещь, как общая логическая *интенция*. Однако она никогда не акцентируется – на том основании, что воля не с такой настойчивостью вмешивается в рассуждение, с какой она присутствует в моральном поведении. О логических нормах, соответствующих моральным нормам, я уже упоминал. Берясь за какую-либо трудную проблему рассуждения, мы формулируем для себя логическое решение; но опять же, поскольку воля не столь напряжена в рассуждении, сколь обычно бывает в самоконтролируемом поведении, эти решения оказываются феноменами, которые в глаза не бросаются. Благодаря такому обстоятельству, действенная решимость, детерминация нашей природы – будучи причиной, по которой в каждом случае мы рассуждаем именно так, а не иначе – с решениями соотносит себя меньше, чем с логическими нормами. Сам акт, в его собственный момент, кажется неодолимым и в рассуждении, и в поведении. Однако непосредственно вслед он подвергается самокритике путем сравнения с прежде принятым стандартом, который всегда есть норма, или, в случае рассуждения, *правило* (хотя для внешнего поведения нам

часто бывает довольно сравнить деяние с решением). В случае общего поведения урок удовлетворения или неудовлетворения часто не принимается особенно близко к сердцу и мало чем влияет на будущее поведение. Однако в случае рассуждения вывод, не одобренный самокритикой, всегда мгновенно аннулируется, ибо в этом нет никакой трудности. Наконец, все те разные переживания, которые, как мы отметили, сопровождают разные операции самоконтролируемого поведения, в равной степени – пусть при этом и не столь живо нами переживаясь – сопровождают операции рассуждения.

610. Таким образом, мы получили совершенный параллелизм. Но, повторяю, иначе и быть не могло, если истинно наше описание феноменов контролируемого поведения и если рассуждение – только особый род контролируемого поведения. ...

611. В чем состоит правильное рассуждение? Оно состоит в таком рассуждении, которое поведет нас к нашей предельной цели. Какова, тогда, наша предельная цель? Вероятно, логику нет необходимости отвечать на этот вопрос. Вероятно, истинные правила рассуждения возможно вывести всего лишь из презумпции, что у нас есть какая-то предельная цель. Но я не вижу, как это можно сделать. Если бы мы, например, не имели другой цели, кроме удовольствия момента, мы бы скатились к тому же самому отсутствию какой-либо логики, к которому привел бы нас ошибочный аргумент. У нас не было бы никакого идеала рассуждения и, следовательно, никакой его нормы. Мне же видится, что узнать, в чем наша предельная цель, логику необходимо. Казалось бы, ее отыскание – занятие для моралиста, а логику в данном отношении следует лишь принять выработанное этикой учение. Однако моралист, насколько я способен в этом разобраться, всего лишь говорит нам, что у нас есть способность к самоконтролю, что никакая узкая или эгоистическая цель не может оказаться удовлетворительной, что единственная удовлетворяющая нас цель – цель наиболее всеохватывающая, наиболее высокая и наиболее общая из всех возможных; но касательно какой-либо иной определенной информации этик, как я мыслю себе этот предмет, должен отослать нас к ученому-эстетичу, чья задача – рассказать нам, какое положение вещей

достойно наибольшего восхищения само по себе, вне зависимости от любого предельного основания.

612. Итак, мы обращаемся к эстету, дабы он поведал нам, что восхитительно (*admirable*) без какого-либо основания быть таковым, помимо собственного присущего ему характера. Что ж, отвечает он, это – прекрасное. Да, не успокаиваемся мы, таково имя, которое вы присваиваете ему, но что *оно есть*? Каков присущий ему характер? Если он отвечает, что этот характер состоит в известном качестве переживания, известном *блаженстве*, я наотрез откажусь принимать такой ответ как достаточный. Я скажу ему: «Мой дорогой сэр, если вы сумеете доказать мне, что качество переживания, о котором вы говорите, действительно, то есть фактически, закреплено за тем, что вы называете прекрасным, или что оно было бы достойно восхищения без какого-либо на то основания, я вполне готов быть в этом убежден; однако я неспособен в отсутствие сильного доказательства допустить, что какое-либо конкретное качество переживания восхитительно вне любых оснований. Ибо убедиться в этом было бы слишком отвратительно – если только я не буду вынужден к такому убеждению.»

613. Фундаментальный вопрос такого рода, сколь бы не были практически важны его следствия, совершенно иной, нежели любой из обычных практических вопросов, – иной в том, что принимаемое как само по себе благо должно приниматься таковым безо всякого компромисса. Решая любую специальную проблему в области поведения, часто оказывается очень правильным позволить себе взвесить разные конфликтующие между собой соображения и вычислить их совокупный результат. Но совсем иначе дело обстоит с вопросом о том, что должно быть целью всякого предприятия вообще. Несомненно, объект, *per se* достойный восхищения, должен быть чем-то общим, ведь всякий идеал более или менее общ. Он может быть неким сложным положением вещей – но он должен быть *сингулярным*, он должен иметь *единство*, ибо это идея, а единство существенно для всякой идеи и всякого идеала. Несомненно, восхитительными могут быть объекты крайне разрозненных родов – каждый из них может стать таким на некотором особом основании. Но когда

мы подступаем к идеалу восхитительного самого по себе, в самой природе его бытия оказывается быть точной идеей. И если кто-то говорит мне: «Восхитительно либо это, либо другое, либо что-то еще», я отвечу ему: «У вас явственно отсутствует какая-либо *идея* того, что в точности есть восхитительное». Идеал должен быть способен уместиться внутри единой идеи, иначе это вообще не идеал. Следовательно, здесь не может быть никакого компромисса между разными соображениями. Достойный восхищения идеал не может быть восхитительным слишком, чрезмерно: чем полнее он обладает своим существенным характером, тем большего восхищения он достоин.

614. Так к чему бы пришла доктрина о том, что восхитительное само по себе есть качество переживания, если взять ее во всей чистоте и довести до самого предела (каковой окажется пределом восхитительности)? К следующему: предельно восхитительным объектом было бы названо неограниченное удовлетворение желаний, причем безотносительно к возможной природе последнего. Но это слишком нас шокирует – это оказалось бы учением, что все знакомые нам, внутри нас самих, высшие модусы сознания, например любовь и разум, хороши лишь покуда служат низшему из всех модусов, что огромный универсум Природы, который мы созерцаем с таким трепетом, хорош лишь для произведения в нас некоторого качества переживания. Мне, несомненно, было бы извинительно не допускать истинности такого учения без самого что ни есть очевидного доказательства. Но в чем тогда доказательство его истинности? Единственным основанием, на которое оно может опираться и которое мне было когда-либо было известно, заключается в том, что *удовольствие, наслаждение* – единственный мыслимый результат, удовлетворяющий самому себе. И, следовательно, поскольку мы ищем то, что *прекрасно, восхитительно* вне какого-либо основания помимо себя самого, *наслаждение, блаженство* – единственный удовлетворяющий этим условиям объект. Это достойный аргумент, и он заслуживает рассмотрения. С одной его посылкой – что удовольствие есть единственный мыслимый результат, который совершенно довлеет себе, – следует согласиться. Но все-таки, в наше время распространения эволюционных идей, кото-

рые берут начало в Великой Французской революции, как в их главном побудителе, и еще раньше – в экспериментах Галилея, проведенных на Пизанской башне, и еще раньше – в непоколебимой позиции, которую занимал Лютер, и даже Роберт из Линкольна, выступая против попыток связать человеческий разум какими бы то ни было закрепленными заранее предписаниями, – так вот, в наше время, когда эти идеи прогресса и роста сами выросли настолько, что заняли наши умы с такой силой, как можно ожидать нашего согласия с допущением, что восхитительное само по себе – это какой-то статичный результат? И объясняется то обстоятельство, что единственным результатом, довлеющим самому себе, оказывается качество переживания, следующим: разум всегда глядит вперед, в бесконечное будущее, ожидая при этом так же бесконечно улучшить результаты своей деятельности.

615. Рассмотрим на мгновение, что – в меру нашего умения помыслить его сегодня, – есть в реальности Разум? Я не имею в виду называемую этим словом человеческую способность – она называется так потому, что в некоторой мере воплощает Разум, или *Noûs*, как нечто являющее себя в уме, в истории человеческого развития и в природе. Что есть *этот* Разум? В первую очередь, что-то, что никогда не может быть полностью воплощено. Самая незначительная из общих идей всегда свернуто содержит условные предсказания, то есть требует для своего выполнения происшествия каких-то событий. Но все, способное когда-либо произойти, должно будет не выполнить ее требований. Чтобы проиллюстрировать мои слова, приведу небольшой пример. Возьмем любой общий термин. Я говорю о камне: он *твердый*. Это значит, что пока камень остается твердым, всякая попытка сделать на нем царапину посредством несильного нажатия ножом потерпит неудачу. Назвать камень *твердым* значит предсказать, что сколь бы часто вы не проделывали данный эксперимент, он всякий раз закончится ничем – именно такой ряд условных предсказаний содержится в значении простенького прилагательного, взятого нами. Все, что могло бы быть сделано, даже и в малой мере не исчерпает его значения. В то же время модус бытия Общего, бытия Разума, таков, что это бытие

состоит в действительном управлении событиями со стороны Разума. Предположим, создается кусок карборунда, а затем растворяется в царской водке, и никто никогда, насколько известно, не пытается поцарапать его ножом. Однако у меня, несомненно, может иметься достаточное основание называть его твердым: поскольку произошел некоторый действительный факт – такой, что Разум побуждает меня назвать этот кусок твердым, – и общая идея всех относящихся к данному случаю фактов может быть образована, лишь если я действительно так его назову. Здесь мое название его твердым есть действительное событие, которое подчиняется закону твердости куска карборунда. Но если бы не было вообще никакого действительного факта, обозначаемого высказыванием о твердости куска карборунда, в применении к нему слова «твердый» не было бы ни малейшего значения. Само бытие Общего, Разума, *состоит* в управлении им индивидуальными событиями. То есть, получается, существо Разума таково, что его бытие никогда не способно полностью свершиться – он всегда должен быть в состоянии зарождения, роста. Он подобен человеческому характеру – поскольку он состоит в идеях, которые человек схватит своим понятием, и в усилиях, которые человек выполнит, характер развивается только по мере действительного возникновения соответствующих случаев. И однако: на протяжении своей жизни ни один сын Адама не явил того, что в нем было, во всей полноте. То есть развитию Разума требуется, в качестве своего собственного этапа, происшествие более индивидуальных событий, чем когда-либо способны произойти. Также ему требуются все качества переживания, во всех их оттенках, включая среди прочих и удовольствие – на его собственном месте. Как вы видите, развитие Разума состоит в воплощении, иначе говоря в манифестации. Создание универсума, которое произошло вовсе не на протяжении одной из рабочих недель 4004 г. до н. эры, а продолжается по сей день и никогда не закончится, как раз и есть такое развитие Разума. Не вижу, как у кого-то может быть более удовлетворительный идеал восхитительного, нежели подобным образом понимаемое развитие Разума. Единственная вещь, восхитительность которой ничем не обязана пре-

дельному основанию, есть само это Основание, Разум, схваченный, по мере нашей способности, во всей своей полноте. При таком понятии, идеалом поведения для нас будет исполнять свою меньшую функцию в работе универсума – помогать делать мир более разумным, когда, как говорится, до нас доходит дело. Можно увидеть, что и в логике знание оказывается разумностью, обоснованностью; идеалом же обоснования, или рассуждения, будет следование таким методам, которые должны развивать знание наиболее быстрыми темпами. ...

Глава 5

Жизненно важные темы

§1. Теория и практика¹⁷

616. Древнегреческий философ, о котором мы читаем у Диогена Лаэртского, без сомнения, один из самых забавных курьезов во всем человеческом паноптикуме. Кажется, от него требовалось, чтобы между его поведением и установлениями обыкновенного здравого смысла имелось заметное противоречие. Веди он себя так же, как обычно вели себя другие, сограждане решили бы, что его философия не многому его научила. Я знаю, что те из историков, кто одержим «высокой критикой»,¹⁸ отрицают истинность всех анекдотов, рассказываемых об эллинских мудрецах. Эти ученые, по-видимому, думают, что логика – вопрос литературного вкуса, а посему их утонченное чувство отказывается принимать такого рода повествования. Но поистине, даже если развить вкус настолько, что он своей утонченностью превзойдет вкус немецкого профессора – последний, правда, посчитал бы такую степень развития вкуса находящейся где-то в царстве воображаемых количеств, лежащем по ту сторону бесконечности, – он все равно не стал бы весомым наравне с логикой, в которой все завязано на строгом математическом доказательстве и мнение не играет никакой роли.

617. Если говорить о научной логике, то она не может с одобрением отнестись к историческому методу, сию секунду приводящему к абсолютному и безапелляционному отрицанию всякого сохранившегося положительного свидетельства, как только это свидетельство начинает отклоняться от предвзятых идей историка. История о Фалесе, который упал в канаву, по-

¹⁷ [Первая лекция об «Отвлеченных идеях на жизненно важные темы» («Detached Ideas on Vitally Important Topics»), датируемая 1898 г. Она озаглавлена «Философия и жизненное поведение» («Philosophy and the Conduct of Life».)]

¹⁸ <Имеется в виду немецкая классическая филология девятнадцатого столетия.>

казывая разные звезды одной старушке, изложена Платоном,¹⁹ жившим на два столетия позже. Однако д-р Эдуард Целлер (Edouard Zeller)²⁰ говорит, что он знает лучше Платона и объявляет о совершенной невозможности такого происшествия. Укажи вы на то, что данный анекдот всего лишь наделяет Фалеса характером, присущим почти всем математикам, это только предоставило бы Целлеру новую возможность применить его излюбленный аргумент в пользу отрицания: подобная история, сказал бы он, «слишком вероятна». Так, например, утверждение полудюжины классических авторов о том, что Демокрит всегда смеялся, а Гераклит всегда плакал, несмотря на все подтверждения, которые оно находит в разных фрагментах, само, по словам Целлера, «выдает себя как праздный вымысел».²¹ Но что Диоген Синопский был человеком несколько эксцентрическим, признает даже Целлер; даже он не может полностью отрицать историю Диогена – современника Аристотеля и одного из самых известных людей в Греции – и удовольствуется лишь замечанием, что рассказы о нем «чудовищно преувеличены».²² Однако не было такого философа, чье поведение оказалось бы, по всем свидетельствам, более экстравагантным, чем поведение Пиррона. Истории о нем, по всей видимости, имеют свое происхождение непосредственно в сочинении его преданного ученика, Тимона Флиунтского, и некоторые наши источники, которых наберется немало, признаются, что пользовались именно этой книгой. Однако же ни Целлера, ни других критиков они не убеждают; Брандис, например, говорит, что граждане Элиды не избрали бы полубезумного человека верховным жрецом – будто симптомы такого рода не стали бы как раз лучшей рекомендацией для назначения человека на священническую должность. Я надеюсь, что подобная историография теперь наконец уже выходит из моды.

618. Так или иначе, вы, если вам угодно, можете не верить этим историям. Но вы не можете не признать: они демонстриру-

¹⁹ [Теэтет, 174А.]

²⁰ [*Die Philosophie der Griechen*, etc., 5 Auf., 1 Teil (1892), S. 183n.]

²¹ [Там же, S. 626n и S. 845n.]

²² [Там же, 4 Auf., 2 Teil, 1 Abt. (1889), S. 283n.]

ют, каким человеком, по мнению рассказчиков, должен быть философ, и демонстрируют тем более достоверно, если все это лишь легенды и вымысел. Однако ведь наши рассказчики – не кто иной, как самые здравые и трезвые умы античности: Платон, Аристотель, Цицерон, Сенека, Плиний, Плутарх, Лукиан, Элиан и т. д. От философии греки ждали, что она будет влиять на жизнь, – не чего-то наподобие медленного процесса кристаллизации форм, какового в конечном счете влияния на жизнь мы можем ожидать от изысканий в области дифференциальных уравнений, звездной фотометрии, классификации иглокожих и т. п., а влияния немедленного, в личности и душе самого философа, делающего его во взглядах на правильное поведение иным, нежели люди обыкновенные. Они настолько мало отделяли философию от эстетической и нравственной культуры, что *docti furor arduus Lucreti*, преследуя нескрываемую цель оказать влияние на жизнь людей, был способен облечь тщательно разработанную космогонию в благородный стих, а во многих местах у Платона мы можем найти слова о неразрывной связи, которая, на его взгляд, имеется между изучением Диалектики и добродетельной жизнью. С другой стороны, Аристотель ставил этот вопрос более правильным образом. Аристотель вообще был не совсем греком. То, что он был целиком греком по крови, – маловероятно. То, что его ум был не вполне греческим, – ясно как свет. Хотя он и принадлежал к школе Платона, все же прежде чем начать там заниматься, он уже изучал философию Демокрита (еще одного фракийца) и, вероятно, был его личным учеником; кроме того, в первые годы своего пребывания в Афинах он не мог много общаться с Платоном, поскольку тот немалую часть времени находился в Сиракузах. Вдобавок, Аристотель был Асклепиадом, то есть принадлежал к роду, каждый мужчина которого со времен века героев, еще будучи отроком, проходил законченное обучение в тогдашнем аналоге современной прозекторской. Аристотель был тем вышколенным ученым, которых мы привыкли видеть теперь, за одним исключением: его знание простиралось во *всех* областях. Как человек, наделенный научным инстинктом, он само собой числил метафизику – в которую, я не сомневаюсь, включал и логику – среди прочих

наук (я имею в виду, наук в *нашем* смысле – он их называл теоретическими науками), то есть вместе с математикой и естествознанием, причем в последнее входило то, что мы обобщающе называем физическими и психическими науками. Это совокупная теоретическая наука была для него чем-то единым, она оживлялась одним духом и имела своей предельной целью знание теории. В корне иными были для него эстетические изыскания, а нравственность и всё, относящееся к жизненному поведению, образовывало *третью* отрасль интеллектуальной деятельности, также в корне, по своей природе и идее, чуждую и первой, и второй. Возвращаясь же к нашему лекционному курсу, мне, господа, надлежит с самого его начала признаться, что в этом отношении я стою перед вами как аристотелевец и человек науки – как тот, кто со всей силой своего убеждения осуждает унаследованную от эллинов склонность смешивать философию и практику.

619. Конечно, есть науки, многие результаты которых почти непосредственно применимы к человеческой жизни, например физиология и химия. Однако истинный ученый-исследователь полностью упускает из вида то, насколько употребимы плоды его труда. Это никогда не приходит ему на ум. Неужели вы думаете, что физиолог, рассекающий собаку, одновременно размышляет о том, что, может быть, он спасает человеческую жизнь? Чепуха. Поступай так, он испортил бы в себе ученого; вдобавок, vivisection стала бы тогда преступлением. Несмотря на это, в физиологии и химии человек, чей мозг занят полезностью своих результатов, хотя и не совершит многого для науки, может совершить многое для человеческой жизни; однако с точки зрения философии, которая в такой мере касается необходимо священных для нас материй, исследователь, не отстраняющий от себя всякого намерения достичь практически применимых результатов, не только будет препятствовать прогрессу чистой науки, но и, что неизмеримо хуже, поставит в опасное положение нравственную целостность – и свою собственную, и своих читателей.

620. По моему мнению, настоящее младенческое состояние философии – ибо пока серьезные и трудолюбивые ее исследователи не способны прийти к согласию хотя бы по какому-то од-

ному принципу, я не вижу возможности посчитать ее состояние иначе, чем младенческим – обязано тому факту, что на протяжении этого столетия ею в основном занимались не те, кто воспитывался в прозекторских и других лабораториях и, следовательно, был движим истинным научным *Эросом*, но наоборот те, кто пришел в нее из богословских семинарий и, следовательно, был побуждаем пламенным стремлением к исправлению собственной и чужой жизни – то есть мотивом, для человека в обычном положении несомненно более важным, чем любовь к науке, но в корне не подходящим для того, кто стоит перед задачей научного разыскания. И именно по причине столь нестабильного и неуверенного состояния философии в настоящее время я считаю чрезвычайно опасным какое-либо ее применение к религии и поведению. Я нисколько не возражаю против философии религии или философии этики – ни вообще, ни в частности. Я всего лишь говорю, что в настоящем такая философия слишком сомнительна, чтобы позволить рисковать ради нее чьей-либо жизнью. Я не говорю, что философская наука не должна в конечном счете влиять на религию и нравственность, – но только, что влияние это позволительно исключительно при условии вековой медлительности его осуществления и самой консервативной осторожности с нашей стороны.

621. Так или иначе, я могу во всем заблуждаться на этот счет, а потому не предлагаю здесь о чем бы то ни было спорить – я не прошу вас следовать за мной. Однако, чтобы избежать любого возможного недопонимания, вынужден объявить: я ни в малейшей степени не собираюсь обещать, что смогу предложить вам какие-то полезные философские товары со своего склада – что-то, что сделает вас или лучше, чем вы есть, или успешнее.

622. Это было необходимо сказать в частности потому, что, как вы обнаружите, по своему характеру мои лекции будут неким странным гибридом. В декабре меня попросили подготовить курс лекций о моих взглядах на философию. Соответственно, я сел за работу и набросал в восьми лекциях очерк одной из философских отраслей, а именно Объективной Логики.²³ Но как

²³ [См. *СР* т. 6, кн. I, гл. 7, §2.]

раз когда я заканчивал одну из лекций, до меня дошли сведения, что вы ожидаете услышать от меня обсуждение тем жизненной важности и что обсуждение это нужно сделать отвлеченным. В результате я отбросил уже написанное и заново начал готовить такое же число поучений, посвященных теперь вопросам интеллектуальной этики и экономики. Они были обречены с самого начала, и когда три четверти моей работы были закончены, я в общем-то обрадовался, узнав, что было бы желательно как можно больше сказать о некоторых философских вопросах, отодвинув остальные предметы на задний план. Однако тогда было уже поздно писать курс, где было бы представлено то, что мне очень хотелось вынести на ваш суд. Я мог только составить вместе какие-то фрагменты – частью философские, частью практические. В итоге я, как вы увидите, иногда буду делиться с вами отвлеченными идеями на жизненно важные темы, а иногда представлять свои философские соображения; в них вы сможете ощутить некое подводное течение – ведущее к той логике вещей, о которой я специально вряд ли буду иметь возможность вставить хотя бы одно слово.

623. Поскольку у меня есть много что сказать о правильном рассуждении, то, за неимением лучшего, я счел жизненно важной именно *эту* тему. Однако я не знаю, так ли уж теория рассуждения жизненно важна. В том, что она абсолютно существенна для метафизики, я уверен больше, чем в какой-либо другой философской истине. Но в жизненном поведении мы должны различать повседневные дела и великие потрясения. Я убежден, что доверять индивидуальной способности рассуждать принятие великих решений небезопасно. В повседневных занятиях рассуждение более или менее успешно справляется со стоящими проблемами; и тем не менее я склонен думать, что все равно, как их решать – с помощью теории или без. Действуя подобно той аналитической механике, что сидит в нервах бильярдиста, лучше всего привычные нам задачи выполняет логика, которая для этого и предназначена, – *logica utens*.

624. В метафизике, однако, дело обстоит совершенно иначе, и основание тому очевидно. Истины, выводимые метафизиком, если и могут быть проверены опытом, то только той его разно-

видностью, которая полностью чужда опыту, давшему для названного вывода посылки. Например, метафизик, делающий какой-либо вывод о загробной жизни, никогда не выяснит достоверно его ложность – если только не отступит от метафизических занятий (по крайней мере тех, которыми он посвящал себя раньше). Последствия здесь таковы: пока метафизик полностью не овладеет формальной логикой – и особенно индуктивной стороной логики соотнесенных, которая неизмеримо более важна и трудна, чем вся остальная формальная логика вместе взятая, – он неизбежно будет скатываться к тому, чтобы решать о силе или слабости рассуждений в той же манере, в какой, например, политик-практик решает о допустимой весомости разных соображений, то есть решать, опираясь на впечатление, оказанное тем или иным рассуждением на его ум, – с той лишь громадной разницей, что впечатления политика – это результат продолжительной выучки опытом, а нашему метафизику такая выучка совершенно чужда. Метафизик, принимающий на вооружение какое-то метафизическое рассуждение, поскольку оно, по его впечатлению, здраво, мог бы с тем же или даже большим успехом делать собственные заключения непосредственно потому, что они истинны именно по его впечатлению, – в старой доброй манере Декарта или Платона. Дабы убедиться в степени ущерба, который в действительности наносит философии подобный способ работы, достаточно взглянуть на то, сколько труда потратили метафизики, обсуждая Зеноново опровержение движения. Они стали просто заложниками этого ловкого итальянца. Получается, что хотя бы уже на одном этом основании метафизику, который не подготовлен схватиться со всеми трудностями современной точной логики, следовало бы прикрыть лавку и перестать заниматься своим ремеслом. Если же он не делает ни того, ни другого, я скажу ему по совести, что он не выполняет своей обязанности – обязанности быть мыслителем, подлинно, честно, серьезно, решительно, энергично, трудолюбиво и без изъятия сомневающимся.

625. Но и это не все – даже не половина. Ибо в конечном счете метафизические рассуждения, какими они были до настоящего момента, были в своем большинстве довольно про-

сты. Трудность заключается в том, чтобы схватить метафизические *понятия*. Но даже и не стоит говорить, что метафизические понятия суть всего лишь адаптированные понятия формальной логики, а поэтому они могут быть схвачены только в свете тщательно детализированной и целостной системы формальной логики.

626. Тем не менее, в практических делах, в материях жизненно важных, бывает очень легко преувеличить роль рационального элемента. Человек так тщеславится своей способностью рассуждать! Кажется, невозможно, чтобы он увидел себя в этом аспекте – как увидел бы, если бы смог удвоиться и посмотреть на свой дубликат критическим глазом. Но вот те, кого мы так любим называть «низшими животными», рассуждают очень мало. А теперь, прошу вас, заметьте, что эти существа очень редко совершают ошибки, тогда как мы — ! Чтобы решить вопрос, мы нанимаем двенадцать добрых и правдивых, мы с великой тщательностью выкладываем перед ними факты, «совершенство человеческого разума» председательствует над всем этим, они слушают, они удаляются и взвешивают, они приходят к единодушному мнению – и при этом обычно признается, что для вынесения решения участники разбирательства могли почти с тем же успехом подбросить монетку! Такова слава человека!

627. Умственные качества, наиболее восхищающие нас во всех человеческих существах (кроме нескольких наших собственных), – это девичья учтивость, материнская преданность, мужская храбрость и остальные, им подобные, – все из которых достались нам в наследство от того двуногого, что и говорить-то еще не умел. Наоборот, наиболее презренные свойства берут свое происхождение в способности к рассуждению. Самый факт, что всякий до смешного переоценивает эту свою способность, достаточно демонстрирует, сколь она поверхностна. Ибо вы не услышите, как храбрый мужчина превозносит свою храбрость, как скромная женщина хвастается о своей скромности, или как настоящему преданный похвалится своей честностью. Их тщеславие всегда направлено на что-то незначительное – на одаренность красотой или какой-нибудь другим талантом.

628. Именно из инстинктов, из чувств образована субстанция души. Познание есть лишь ее поверхность, то место, где она соприкасается с внешним.

629. Вы просите у меня доказательства? Если да, то вы, должно быть, и в самом деле рационалисты. Я могу доказать это – но только допустив логический принцип доказательства, о котором я кое-то расскажу в следующей лекции.²⁴ Вообще, когда меня просят доказать философское положение, я часто бываю вынужден ответить, что оно вытекает из логики соотнесенных. Тогда некоторые говорят: «Мы очень хотели бы взглянуть на эту логику соотнесенных, вы должны написать о ней». На следующий день я приношу им рукопись. Но увидев, что она испещрена разными А, В и С, больше они туда не заглядывают. Такие люди... – ну, да Бог с ними.

630. Рассуждение бывает трех родов. Первый – это необходимое рассуждение, которое, однако, само способно дать информацию только относительно материи наших собственных гипотез и отчетливо заявляет, что пожелай мы узнать что-либо еще, нам придется обратиться к кому-нибудь другому. Рассуждение второго рода зависит от вероятностей и на какую-то ценность может претендовать в единственном случае: если мы, подобно страховому агенту, имеем перед собой бесконечное множество незначительных рисков. Всякий раз, когда на карту поставлен жизненный интерес, такое рассуждение ясно говорит: «Не спрашивая меня». Третий же род рассуждения допытывается, на что способен *il lume naturale* – тот естественный свет, который озарял путь Галилею. В реальности же это апелляция к инстинкту. Получается, что в момент жизненных потрясений разум, несмотря на все его привычные одеяния, возвращается к первобытной наготе и просит поддержки у инстинкта.

631. Разум эгоистичен по самой своей сути и во многих вопросах ведет себя как муха, сидящая на ободке колеса. Не сомневайтесь: пчела тоже думает, что имеет достаточное основание вылепить край своей ячеи именно так, а не иначе. Но я бы очень удивился, узнав, что ее способность к обоснованию, рас-

²⁴ [См. «Введение» к *СР* т. 4.]

суждению, другими словами ее разум смог бы решить ту задачу изопериметрии, с которой так прекрасно справляется ее инстинкт. Люди часто воображают, что действуют разумно и обоснованно, в то время как, фактически, основания, которые они считают своими, суть не более, чем уловки, изобретаемые бессознательным инстинктом ради утоления жажды *ego* знать, «почему» то и «почему» это. Степень самообмана здесь столь велика, что философский рационализм предстает нам каким-то фарсом.

632. Итак, разум обращается к чувству как к последнему убежищу. Чувство же, сентимент, со своей стороны ощущается как то, *что* есть человек. Такова моя простая апология философского сентиментализма.

633. Сентиментализм подразумевает консерватизм. Сущность же консерватизма – отказ доводить какой бы то ни было практический принцип до предела, включая и сам принцип консерватизма. Мы не говорим, что чувство *никогда* не должно подпадать под влияние разума или что не при каких обстоятельствах мы не станем защищать коренные преобразования. Мы только говорим, что человек, позволивший своей религиозной жизни пострадать из-за внезапного принятия им какой-нибудь философии религии или опасно поменявший свой нравственный кодекс под диктатом какой-нибудь философии этики – поспешивший, скажем, начать практиковать инцест, – это человек, которого мы сочли бы *немудрым*. Преобладающая система правил сексуальной жизни есть индукция инстинкта или сентимента, суммирующая опыт всей нашей расы. Мы не притязаем на ее абстрактную, или абсолютную, непогрешимость, однако то, что она непогрешима для индивида практически (что есть единственно возможный ясный смысл слова «непогрешимость») – в том, что ему необходимо повиноваться ей, а не своему индивидуальному разуму, – *этого* мнения мы действительно придерживаемся.

634. В теоретических вопросах я бы не придал сентименту или инстинкту ни малейшего веса. Правильный сентимент не требует такого веса; и правильное рассуждение с негодованием отвергло бы всякое подобное притязание, будь оно сделано. В науке, правда, мы часто вынуждены проверять положения, подсказанные инстинктом; однако мы лишь *проверяем* их,

сравниваем с опытом, и остаемся готовы сию же секунду выбросить их за борт, как только от опыта поступит о том предписание. Если в человеческих делах я позволяю сентименту главенствовать, то делаю это под диктовку самого разума. Точно так же, подчиняясь собственному диктату сентимента, я отказываюсь признать его сколь-либо весомым в вопросах теоретических.

635. Из сказанного вытекает: то, что обычно (и в собственном смысле) называется *убеждением*, иначе говоря, принятие какого-либо положения в качестве – если взять красноречивое выражение д-ра Каруса (Carus)²⁵ – κτήμα ἐς ἀεί, вообще не имеет места в науке. Мы *убеждены* в каком-либо положении, пропозиции, если готовы действовать, опираясь на него. *Полное убеждение* – это готовность действовать на основе положения в момент жизненных потрясений, *мнение* – готовность действовать на его основе в относительно незначительных случаях. Однако с *действием* чистая наука вообще не имеет ничего общего. Пропозиции, которые она принимает, всего лишь заносятся ею в список посылок, предполагаемых для употребления. Но ничто не *жизненно* для науки, ничто просто не способно быть таковым. Следовательно, принятые ей пропозиции в лучшем случае суть мнения, и весь их список – не более, чем предварителен. Человек науки ни в коей мере не связывает себя своими умозаключениями, он ничем ими не рискует. Он готов оставить любое из них или все вместе, как только опыт станет им противоречить. Я согласен: некоторые он привычно называет *установленными истинами*; однако термином этим попросту обозначаются те положения, против которых не возражает сегодня ни один знающий человек. Кажется вероятным, что любое данное положение такого рода надолго останется в списке допускаемых пропозиций. Однако оно может быть опровергнуто уже завтра; и если так, ученый без сожаления избавится от ошибки. Получается, что понятию убеждения не соответствует ни одно научное положение вообще.

636. В жизненных ситуациях, тем не менее, все совсем иначе. В них мы должны действовать; и принцип, на котором мы будем готовы действовать, – это *убеждение*.

²⁵ [Fundamental Problems, Open Court, Chicago (1891), p. 22.]

637. Итак, непосредственно науке, или чистому теоретическому знанию, нечего сказать о практических вопросах, и уж совсем ничего в ней нет, что было бы применимо к жизненным потрясениям. Теория может применяться в незначительных практических делах, но вопросы жизненно важные необходимо оставлять на усмотрение сентимента, то есть инстинкта.

638. Что касается способов, которыми правильный сентимент может действовать в случае подобных ужасных потрясений, то их всего два: с одной стороны, человеческие инстинкты, уступающие инстинктам неразумных животных в детализированности и оснащенности, возможно, вполне достаточны, чтобы руководить нами в *самых главных* наших заботах без какой-либо помощи разума, а с другой, своим действием сентимент может сделать жизненное потрясение чем-то разумно управляемым – вознесясь над обстоятельствами до таких высот самоотрицания, что данная ситуация окажется для нас незначительной. Фактически, мы наблюдаем, что здоровая и естественная человеческая природа на самом деле действует и тем, и другим способом.

639. Характер инстинктов тех животных, чьи инстинкты весьма примечательны, представляется нам таким, что в главном, если не во всем, они направлены на сохранение рода и если в чем-то благоприятны для индивида, то очень в малом – разве что ему случится потенциально выполнять, в качестве возможного прародителя, какую-нибудь публичную функцию. Следовательно, именно таково описание инстинкта, который мы, в аспекте жизненных вопросов, можем ожидать обнаружить у человека – и, соответственно, обнаруживаем. Нет нужды перечислять демонстрирующие его факты человеческой жизни, ибо они слишком наглядны. Тем не менее, стоит отметить, что индивиды, миновавшие свой репродуктивный период, более пригодны к распространению человеческого рода, нежели к чему бы то ни было еще [?]. Ведь они накапливают благосостояние, поучают благоразумию, хранят мир, они, будучи друзьями своих меньших, прививают им все обязанности и добродетели половой жизни. И само собой, что рассматриваемый инстинкт во всех жизненных потрясениях подсказывает нам взирать на ин-

дивидуальную жизнь, как на нечто маловажное. Поступать так – не какая-то чрезвычайная добродетель, это характер всякого достойного мужчины и всякой достойной женщины. Кто-то, во времена Царства Террора, сказал: *Tout le monde croit qu'il difficile de mourir. Je le crois comme les autres. Cependant je vois que quant on est là chacun s'en tire.* Это, правда, менее характерно для женщины – поскольку ее жизнь для рода более важна, и принести ее в жертву было бы менее для него полезно.

640. Продемонстрировав, таким образом, насколько менее жизненно важен разум по сравнению с инстинктом, я хочу тут же показать, сколь крайне желательно, если не сказать необходимо, для успешного продвижения открытий – как в философии, так и в науке вообще, – чтобы практическая выгода, высокая или низкая, была *удалена из поля зрения* исследователя.

641. Точка зрения полезности – это всегда узкая точка зрения. Насколько больше мы знали бы сегодня о химии, если бы наиболее практически важные тела не получили в свое время чрезмерного внимания; и насколько *меньше* мы знали бы, получи редкие, существующие только при низких температурах, элементы и составы, только ту *долю* внимания, которую заслуживали, исходя из их *полезности*.

642. Известна истина: вы не добьетесь большого успеха в чем-то, во что не вложили все сердце и душу. И я хочу сказать, что двум хозяевам – *теории* и *практике* – вам услужить не удастся. Необходимая для наблюдения за системой вещей совершенная равномерность внимания нарушается, как только в него вторгаются человеческие желания – и чем выше и священной могут быть эти желания, тем лишь хуже.

643. В философии, вдобавок, наши предрассудки столь явственны, что позволив себе обратить на них хоть какое-то внимание, мы не сможем сохранить хладнокровие.

644. Гораздо лучше не чинить философии никаких препятствий в ее следовании научному методу – методу, *детерминированному прежде* всякого знания о том, к чему он приведет. Если честно и скрупулезно придерживаться такой линии, то достигнутые результаты, пусть они будут не во всем истинны или даже чудовищно ошибочны, обязательно окажутся чрезвычайно по-

лезны для окончательного обнаружения истины. Здесь сентимент может сказать: «Что ж, философская наука не сказала еще своего последнего слова – а поэтому я пока останусь убежденным *в том-то и том-то*».

645. Не сомневаюсь, большинство ныне озаботивших себя философией, как только будет воспрещено рассматривать ее с точки зрения практической применимости, утратит к ней всякий интерес. Мы, продолжающие заниматься теорией, должны попроситься с ними – как в философии, так и во всякой другой отрасли чистой науки. И хотя мы сожалеем, что более не насладимся их обществом, будет неизмеримо лучше, чтобы люди, лишённые подлинного научного любопытства, не загромождали дорогу науки своими пустыми книгами и нелепыми предположениями. ...

646. Число тех, кто каждый год делает большинство новых открытий, обычно весьма ограничено. Основываясь на этом, вы могли бы ожидать, что произвольные гипотезы разных математиков растут во всех имеющихся в безграничной вселенной произвольности направлениях. Но ничего подобного вы не обнаружите. Наоборот, вы увидите, что люди, работающие в областях, столь же далеких друг от друга, как африканские алмазные месторождения от Клондайка, воспроизводят одни и те же формы какой-нибудь новой гипотезы. Риман, по всей видимости, никогда не слышал о Листинге (Listing), своем современнике, тогда как последний был геометром-натуралистом, занимавшимся формами листьев и птичьих гнезд, первый трудился над аналитическими функциями. Тем не менее, то, что может показаться самым произвольным в идеях, ими созданных, имеет одинаковую форму. И это не единственный такой феномен – он, как всем известно, вообще характерен для математики нашего времени. Мы начинаем понимать: все это множество людей, которые творят формы, не имеющие параллели в реальном мире, и каждый из которых следует только своей собственной воле, постепенно открывает перед нами один великий космос форм, мир потенциального бытия. Всякий занимающийся чистой математикой и сам чувствует это. Ибо не в его обычае обнаружить какие-либо свои чувства или даже обобщения. Математик при-

вык отдавать в печать только доказательства, оставляя читателю угадывать в их последовательности работу человеческого ума. Но если вам посчастливится поговорить с некоторыми из лучших представителей этой науки, вы обнаружите, что типичный чистый математик – в чем-то платоник. Платоник, правда, в единственном смысле: он исправляет заблуждение Гераклита, сказавшего, что вечное не непрерывно. Вечное для него – это мир, космос, в котором универсум действительного существования – всего лишь произвольно выбранное место. И цель, которую преследует математик, заключается в том, чтобы открыть этот реальный потенциальный мир.

647. Если однажды вы воодушевитесь этой идеей, *жизненная важность* покажется вам на самом деле не такой уж и важностью.

Однако подобные идеи призваны регулировать жизнь иную, нежели наша собственная. Мы суть малые твари в этом полном забот мире – всего лишь клетки социального организма, который и сам по себе вещь отнюдь не самая великая, – и обязаны искать ту небольшую, по мере нашей силы, но определенную задачу, которую обстоятельства ставят перед нами. Выполнение этой задачи потребует от нас напрячь все наши способности, включая разум, и, трудясь над ней, мы главным образом будем зависеть не от той части души, которая наиболее поверхностна и погрешима, – я имею в виду наш разум, – но от той, которая наиболее глубока и достоверна – то есть инстинкта.

648. Инстинкт способен развиваться, расти – правда, настолько же медленно, насколько он жизненно для нас важен, – и развитие это происходит по пути, который во всем параллелен пути разума. И в равной степени подобно разуму, который происходит из опыта, сентимент также развивается благодаря Внутреннему и Внешнему Опыту души. Однако его развитие не только обладает той же природой, что и развитие познания, оно и происходит главным образом посредством присущей познанию инструментальности. Достичь самых глубоких частей души можно лишь через ее поверхность, и именно таким путем вечные формы, с которыми нас знакомят математика, философия и другие науки, медленно просачиваясь в нас, постепенно достигнут самого ядра нашего существа – начав влиять на нашу жизнь.

И влияние это будет обязано не тому, что в них содержатся какие-то всего лишь жизненно важные истины, а тому, что они сами суть истины, идеальные и вечные.

§2. Практические интересы и мудрость сентимента²⁶

649. У наших дальних родственников – мы любим называть их «низшими животными» – есть одно преимущество, которым они могут похвастаться перед нашим собственным семейством: они *никогда* не рассуждают о жизненно важных темах и никогда не бывают обязаны читать или выслушивать лекции о таковых. Послушно позволяя себе руководствоваться своими инстинктами почти во всякой жизненной ситуации, они живут в точном согласии с намерением их Творца. Как результат, они очень редко впадают в какие-либо заблуждения, а в жизненно важные – не впадают *никогда*. Какой контраст в сравнении с нашей жизнью! Поистине, разум – предмет нашей непомерной гордости – если и может справиться с какими-то мелкими неурядицами, в области великих решений вряд ли более надежен, чем подброшенная монетка. ...

650. Логика есть счет, говорит Гоббс,²⁷ и углубившиеся в эту дремучую дисциплину более прочих, подтверждая, что всякое рассуждение содержит математику, смеются над любыми попытками рассуждать нематематически. Но скажите мне, разве математика – это занятие для джентльмена и атлета? Разве эта нудная работа подобает кому-либо, кроме низших классов? Можно лишь пожалеть те сгрудившиеся в Нью-Йорке массы населения, которые живут в таких неестественных условиях, что оказываются вынуждены мыслить математически. Что тут скажешь: они не получили сходящего воспитания современного и

²⁶ [Оставшаяся часть данной главы взята из другого варианта первой из лекций, посвященных Отвлеченным Идеям, которая озаглавлена «Об отвлеченных идеях вообще и об отвлеченных идеях на жизненно важные темы в частности» («On Detached Ideas in General and on Vitally Important Topics») и датируется 1898 г. Некоторые повторяющиеся места были опущены.]

²⁷ [Logic or Computation, part I, ch. 1.]

образованного Гарварда – этого великого благотворительного заведения, учрежденного Массачусетсом с целью оказать элите своего юношества помощь в деле получения приличных доходов и проведения остатка жизни в культурном комфорте. Мозги этих нью-йоркских плебеев – неутонченные, мощные, рабочие мозги, не знающие, что такое быть свободным от математики. Их понятия достаточно грубы и вульгарны, но энергичность, с которой они способны рассуждать, вас бы удивила. В Нью-Йорке я видел, как мои [личные] ученики справлялись с такими задачами, попытаться поставить которые перед изысканными и блестящими интеллектами, населяющими современные университеты я мог бы с тем же успехом, что и попытаться засунуть пушечное ядро в яичную скорлупку.

651. В этих лекциях я не собираюсь призывать вас к рассуждению, более сложному, чем какая-нибудь из гегелевских дилемм. Ведь всякое рассуждение математично и требует усилий; я же намерен избежать обвинений в том, что перенапрячь-то способности. Поэтому для своих лекций я выбрал предмет, который ничем не близок моим собственным занятиям, но который, надеюсь, придется вам по вкусу.

652. С жизненно важными темами рассуждение не имеет ничего общего. ... Сама теория рассуждения, приступись мы к ней решительно и без страха перед математической стороной дела, дала бы нам исчерпывающие основания для того, чтобы ограничить применение рассуждения незначительными вопросами <жизни>. То есть, если только незначительность данной проблемы не есть незначительность по сравнению с совокупностью ей аналогичных, рассуждение само назовет ошибкой вообще подвергать ее рассмотрению в свете разума. Но поскольку математика – табу, мое утверждение должно остаться не более чем утверждением. ...

653. В отношении самых главных жизненных забот человек мудрый следует за своим сердцем и не доверяется своей голове. Такой метод должен взять на вооружение всякий – сколь бы мощным интеллектом он не обладал. Но, вероятно, еще более правильно это будет для слишком затрудняющегося математикой, то есть для неспособного к какому-либо сложному рассуж-

дению вообще. Разве не был бы глупцом физически слабый человек, который, не признавая своей слабости, позволил бы магии величия заставить себя принять участие в футбольном матче? Но ведь пытаться с выгодой управлять своей жизнью при помощи чисто «рассужденческой» теории даже величайшие гиганты ума способны с тем же успехом, с каким слабосильные могут пытаться голыми руками остановить локомотив.

654. Будучи результатом накопленного в традиции опыта человечества, здравый смысл однозначно (и в полном согласии с оставленной мной выше без доказательства логической теоремой) говорит нам: сердце больше головы и в сфере самых возвышенных наших забот только оно одно и присутствует. И те, кто отрицает участие сентимента во всеобщем чувстве, то есть в здравом смысле, забывают одно: установления здравого смысла это не то, что чувствует какой-то несчастный и страдающий от разлива желчи одиночка, а то, что думает здоровое, естественное и нормальное народовластие. Тем не менее, открыв какую-нибудь только что вышедшую книгу по философии религии, вы наверняка обнаружите, что она написана интеллектуалистом – который в предисловии предлагает нам свою метафизику в качестве руководства для души и самым тоном разговора подразумевает, что философия входит в число предметов, глубже всего нас заботящих. Как может автор так обманывать себя самого?

655. Если бы темной ночью вы гуляли по саду и вдруг услышали бы голос своей сестры, призывающей вас спасти ее от злодея, неужели бы вы остановились, чтобы рассудить метафизический вопрос: возможно ли, чтобы один ум стал причиной материальных звуковых волн, а другой ум воспринял их? Если да, то решение данной проблемы заняло бы, вероятно, весь остаток вашей жизни. Для человека, переживающего религиозный опыт и слышащего голос своего Спасителя, остановиться и попробовать сначала устранить возникшее при этом философское затруднение было бы в чем-то аналогичной вещью, и неважно, назовете вы это глупым или отвратительным. С другой стороны, если человек не имел религиозного опыта, то любая религия (а не просто какая-то аффектация) остается пока что для него невозможна; и единственное достойное поведение в этом случае –

тихо ожидать, когда такой опыт случится. Никакое количество умозрения не способно заменить опыт.

656. Прошу прощения за то, что перескакиваю с одной ветви своей речи на другую и обратно без всякой видимой цели – как какая-нибудь малиновка или какой-нибудь Чарльз Лэм. Просто дело в том, что вряд ли с моей стороны было бы логически связно выстраивать свой предмет со скрупулезной логической точностью, если сама вещь, к которой я веду, заключается в том, что логика и рассуждение обладают лишь второстепенной важностью. В этой связи было бы удобно привести два психологических или антропологических наблюдения о наших способностях к рассуждению.

657. Первое из них таково: большинство людей если и одарено способностями к рассуждению, то в их самом рудиментарном варианте; вообще же дар этот редок не менее, чем талант к музыке, – а число действительно достигших какого-либо мастерства в рассуждении на самом деле еще меньше. Но даже в случае овладения мастерством осуществление сложного рассуждения требует огромной энергии и продолжительного напряжения сил, в то время как для хорошего музыканта практика игры, я предполагаю, почти ничем не омрачаемое удовольствие. Вдобавок, благодаря разным особым обстоятельствам получить хорошее наставление в способности рассуждать – очень редкая удача. Касательно того, чему под вывеской логики учат в колледжах... что ж, вероятно, об этом лучше не говорить ничего вовсе. Одной из отраслей рассуждения, правда, учит математика; и в этом, на самом деле, ее главное значение для образования. Однако, сколь немногие преподаватели понимают логику математики! И сколь немногие понимают психологию озадаченного ученика! Проходя Евклида, ученик встречается с затруднением. Два к одному, что это произошло благодаря наличию какой-то логической ошибки. Наш молодой человек, однако, осознает только наличие некоего таинственного препятствия. Он не может сказать преподавателю, в чем его затруднение, – сам преподаватель должен научить этому ученика. Преподаватель же, вероятно, никогда и не видел в этом месте из Евклида его истинной логики. Однако он думает, что видит ее, ибо из-за

долгой привычки забыл то ощущение столкновения с невидимым барьером, которое теперь переживает его ученик. Если бы учитель сам когда-нибудь реально преодолел это логическое затруднение, он конечно бы сразу увидел, в чем именно оно заключается в данный момент, – и тем самым по меньшей мере исполнил бы первейшее требование для всякого, кто призван помогать. Но не решив задачи сам – а только утратив благодаря долгой привычке сопутствующее ей ощущение, – он просто не способен понять, почему ученик вообще переживает здесь какое-то затруднение; и все, на что он способен, это воскликнуть: «Ох уж эти мне глупые, глупые дети!» – как если бы врач воскликнул: «Ох уж эти мне ужасные больные, они никак не хотят выздоравливать!» Но предположим, благодаря некоему необычному сочетанию планет на своем месте оказался действительно хороший наставник рассуждения. Что стало бы его первой заботой? Ею бы стало оградить своих учеников от болезни, которой обычно заражена логика и которая, пока не будет скатываться с них, как с гуся вода, будет неминуемо грозить на всю оставшуюся жизнь сделать из них самых худших из рассуждающих, а именно – рассуждающих нечестно, и что еще хуже, сознательно нечестно. Хороший учитель, следовательно, предпримет все возможные усилия, чтобы не дать своим ученикам начать тщеславиться по поводу собственных логических достижений. Он будет хотеть привить им правильный взгляд на рассуждение прежде, чем они вообще поймут, что чему-то научились, и не пожалеет на это никакого времени, поскольку дело того стоит. Но вот приходят экзаменаторы и сами ученики. Они хотят *результатов*, причем ощутимых результатов. И тогда либо нашего учителя увольняют как не справившегося, либо, буде ему дадут еще один шанс, он теперь уже как следует позаботится, чтобы поменять свой метод и впредь давать *результаты* – особенно, если учесть, что это-то как раз труда не требует. Таковы некоторые причины, по которым немного отыщется во всем мире людей, хорошо умеющих рассуждать. Но даже учти мы влияние таких причин со всей серьезностью, на которую способны, факт остается фактом: сравнительно немногие люди обладают названным даром хотя бы в малейшей степени. Что это означа-

ет? Разве это не ясный знак того, что способность рассуждения не имеет первостепенной важности для успеха в жизни? Ибо в противном случае индивид, по причине отсутствия у себя такой способности, откладывал бы свое вступление в брак и тем самым влиял бы на преумножение своего рода; естественный же отбор начал бы работать над производством расы, наделенной большими способностями к рассуждению, и они в конце концов стали бы присущи почти всем. Это умозаключение только подтверждается исследованием человеческих характеров. Ибо хотя очевидно, что люди, добившиеся незаурядного успеха в жизни, могут рассуждать о своем деле глубоко и подробно, все же на обычную степень успеха отсутствие значительных способностей к рассуждению не оказывает какого-либо влияния – разве что, может быть, благоприятного. Мы все знаем весьма преуспевающих юристов, редакторов, ученых – не говоря о людях искусства, – чья немалая ущербность в этом отношении обнаружилась лишь благодаря какому-то непредвиденному стечению обстоятельств.

658. Второе наблюдение о человеческом разуме, которым я хотел поделиться с вами, заключается в следующем: мы обнаруживаем, что чаще всего люди достаточно сдержанны в отношении качеств, которые в реальности как раз и характеризуют прекрасных мужчин и прекрасных женщин, – храбрый мужчина обычно не превозносит свою храбрость, скромная женщина не хвастается о своей скромности, а преданный человек не тщеславится своей добросовестностью: их тщеславие всегда направлено на какие-то незначительные вещи – на собственную красоту или другой талант подобного рода. Но превыше всего всякий – за исключением того, кто, имея в логике выучку, следует ее правилам и не доверяет непосредственно силе своего рассуждения, – смехотворно превозносит собственную логику. Если же человек еще и способен по-настоящему превосходно рассуждать, то обычно его сдает чудовищная самонадеянность, и отнюдь не редкость увидеть юношу, полностью ей погубленного. В результате, иные могут решить, и наверное справедливо, что достичь чего-то – причем не только успеха с мирской точки зрения, но даже какого-либо реального возвышения своего харак-

тера – можно исключительно будучи глупцом в этом отношении, – при условии лишь, что человек будет полностью осознавать такой свой недостаток.

659. Все те современные книги, которые предлагают новые образцы философии религии, – выходящие с средним по две штуки за месяц – суть не что иное, как симптомы временного помрачения христианской веры. Это становится видно, как только мы сравниваем их с трудами по религиозной философии, написанными в век подлинной веры, например с *Summa* св. Фомы Аквинского или *Opus Oxoniense* Дунса Скота – в первом из которых без тени сомнения воспроизводятся все догмы Отцов Церкви, а второй демонстрирует еще более непоколебимую веру в неспособность метафизики, как ее не поворачивай, сказать что-либо по любому из религиозных вопросов и говорит, что решение последних – дело положительного свидетельства или вдохновения. Единственная древняя книга, с которой – если не брать ее чрезвычайную искренность – по-настоящему схожи современные философии религии, это *De consolatione philosophiae*; причем сказать такое значит сделать им большой комплимент. Бозций, вы знаете, до крайности чужд религии, однако он чувствует потребность в ней и тщетно пытается найти в философии ее заменитель. Его первые две книги отчасти воодушевляют, ибо в них ощущается дыхание бессознательной религиозности. Но по мере продвижения его мысли в нее все сильнее и сильнее вторгается рассуждение, так что последняя книга, гораздо более остальных напоминающая какое-нибудь современное сочинение, оказывается уже чем-то вроде пищи из отрубей для души, изголовавшейся по хлебу.

660. Вряд ли здесь необходимо лишний раз подчеркивать, что высокообразованные классы христианского мира – исключая, конечно, те семейства, важность которых делает их духовную жизнь предметом заботы священства, – в наше время почти лишены какой бы то ни было религиозности. Это было совершенно ясно уже и пять, и двадцать лет назад, и даже больше. Важна здесь не точная дата, а то, что произошло это во времена, когда люди, пропитанные механистической философией, еще не спешили порывать с церковью – когда Джон Тин-

далл, в невинности своего научного сердца, предложил измерять эффективность молитвы посредством экспериментальной статистики. И сию же секунду весь как один клерикальный мир, вместо того, чтобы встретить это предложение с добросовестностью, с какой пророк Илия встретил жрецов Ваала – хотя, отмечу попутно, по мнению некоторых не лишенных изобретательности лиц, его бочки с водой были в реальности наполнены дезодорированным керосином – что для изучившего историю химии само по себе показалось бы вполне достаточным чудом, – так вот, вместо благодарности Тиндаллу за идею, священники все до одного отшатнулись от него в ужасе и тем самым окончательно выдали перед мирянами свое собственное неверие в свою собственную догму. Они объявили его предложение неблагочестивым. Но ни в этом, ни в любом другом религиозном вопрошании не было ничего неблагочестивого – неблагочестивым был только страх, что вся их болтовня тут же прекратится. И хотя, следует признать, в нашей стране священство как класс в отношении скептицизма намного обогнало все остальные, все-таки большинство представителей высокообразованного и культурного класса уже сейчас стоит там, где клирики были лишь поколение назад.

В тысячу раз лучше не иметь вообще никакой веры в Бога или добродетель, чем иметь веру, в которой наполовину лицемерия. ...

§3. Жизненно важные истины

661. Те, кто неспособен увидеть, что за люди консерваторы, часто называют консерватизм – истинный консерватизм, то есть консерватизм сентиментальный – глупым; однако этот эпитет гораздо более применим к ложному консерватизму, иначе говоря, к стремлению узнать, с какой стороны хлеб намазан, а не к тому истинному консерватизму, который означает, что в вопросах жизненной важности вы доверяете не рассуждениям, а унаследованным инстинктам и традиционно общепринятым сентиментам. Разверните перед консерватором аргументацию, на которую он не сможет адекватно возразить и которая будет сводиться, скажем, к тому, что добродетель и мудрость требуют от

него жениться на своей сестре, – он не станет действовать, опираясь на подобные умозаключения, поскольку убежден, что и традиция, и переживания, развитые в нем традицией и обычаем, как руководители более надежны, нежели его собственные скромные способности к рассуждению. Именно поэтому консерватизм есть сентиментализм. Конечно, сентимент не может претендовать на непогрешимость – в смысле *теоретической непогрешимости*, которая, как демонстрирует логический анализ, есть не более, чем пустой перезвон слов и противоречащих друг другу значений. Консерватор не должен забывать, что он мог быть рожден брамином с полагающимся ему по традиции сентиментом в пользу *sutee* – размышления, которое искушало бы его стать радикалом. И однако, в целом он полагает наимудрейшим почитать самые глубокие свои сентименты как высший и окончательный авторитет. Это значит, он будет рассматривать их как *для него практически непогрешимые* – непогрешимые в том единственном смысле слова *непогрешимый*, в котором оно вообще может иметь какое бы то ни было связное значение.

662. Преобладающее среди радикалов мнение, что консерваторы и вообще сентименталисты – глупцы, есть всего лишь плод людского стремления к самонадеянному преувеличению своих рациональных способностей. И каким бы бескомпромиссным в некоторых вопросах радикалом я – всю жизнь обитавший в научном мире и не особенно склонный к доверчивости – ни был, должен признаться, что определенный выше консервативный сентиментализм представляется моему уму не в пример более здравым и естественным, чем радикализм. Сколь похвально не оказывается рассуждение в вопросах незначительных (а это, несомненно, так), все же позволить ему, а заодно внушаемой им самонадеянности, возвыситься²⁸ над тем нормальным и мужественным сентиментализмом, которому надлежит быть краеу-

²⁸ <В оригинале – несуществующий в английском языке глагол *overslaw*, вместо которого редакторы тома предлагают либо *overslaugh* – занимать чужое место, обойти по должности; чинить препятствия; подавлять, – либо *overawe* – держать в благоговейном страхе.>

гольным камнем всего нашего поведения, кажется мне глупым и заслуживающим презрения.

663. Из сказанного следует, что философия в своей высочайшей ценности – не более, чем отрасль науки, и как таковая не может быть делом жизненно важным. Те же, кто делает ее таковой, попросту вкладывают в нашу руку камень – взамен насущного хлеба. Учтите, я не отрицаю, что философская или другая научная ошибка может быть чревата катастрофическими последствиями для всех людей. Вполне мыслимо, чтобы она привела к полному уничтожению человеческого рода, и в этом смысле она может обладать важностью любой степени. Однако *жизненной* важностью она не может обладать ни в коем случае.

664. Ошибка может стать великой катастрофой – *qua* событие (в том смысле, в каком важным событием было бы землетрясение, или падение кометы, или угасание солнца), – и, следовательно, окажись моей или вашей обязанностью провести философское исследование какого-либо вопроса и обнародовать его более или менее ошибочные результаты, мы, я надеюсь, не преминем так и поступить – если будем на то способны. То, что любая стоящая перед нами задача обладает своей важностью, несомненно; но здесь наша ответственность заканчивается. Ибо жизненно важна не философия *qua* познание, а то, как мы играем роль, нам выпавшую.

665. Вы видите, я не сказал и слова в осуждение философии религии как таковой, ибо по меньшей мере она кажется мне весьма интересным занятием и, вероятно, даже способным привести к какому-то полезному результату; не нападал я и на любое из ее ответвлений. Гибельной я считаю отнюдь не философию; гибельно, с моей точки зрения, наделять ее жизненной важностью и подразумевать тем самым, что подлинная религия способна появиться не из сердца, а из головы.

666. Философии религии кое в чем родственна наука этики. А именно: она в равной степени бесполезна. На самом деле, книги, посвященные казуистике – не в техническом смысле слова, а всего лишь в смысле обсуждения должного поведения в разнообразных затруднительных положениях, – могли бы

быть одновременно чрезвычайно увлекательны и положительно полезны. Однако казуистика это как раз та вещь, которой обычные этические трактаты не касаются, по крайней мере не касаются всерьез. Они главным образом заняты попытками, посредством рассуждения, вычислить фундамент нравственности и решить другие, подчиненные этому главному, вопросы. Но какая польза в том, чтобы докапываться до философского фундамента нравственности? Мы все знаем, что такое нравственность: вести себя так, как ты был воспитан себя вести – то есть уклоняться от поведения, за которое, как ты был воспитан думать, тебя должны наказать. Однако быть убежденным в том, что надо думать именно так, как тебя воспитали думать, и есть определение *консерватизма*. Чтобы ощутить тождество нравственности и консерватизма, не требуется рассуждать. Но опять же, консерватизм, с чем вы конечно будете согласны, как раз и означает: не доверять собственным способностям к рассуждению. Быть нравственным человеком – это повиноваться сформулированным традицией твоего сообщества максимам – повиноваться немедленно и без пререканий. Отсюда вытекает, что если сама этика, как попытка рассуждением получить объяснение нравственности, и не безнравственна – ибо назвать ее таковой было бы слишком, – то по крайней мере она зиждется в самой субстанции безнравственности. Если вы когда-либо столкнетесь с непрофессиональным вором, то есть представителем единственной по-настоящему порочной разновидности этого ремесла, и вам, вдобавок, удастся изучить его психологические особенности, вы обнаружите две характерных для него вещи: во-первых, самонадеянность в отношении собственных рациональных способностей, еще большая, чем обычно, и, во-вторых, склонность порассуждать о фундаменте всякой нравственности.

667. Получается, что этика, даже не относясь напрямую к тому роду несомненно опасных <для общества> занятий, причастность к которому она время от времени демонстрирует, в любом случае оказывается наукой, бесполезнее которой невозможно помыслить. Необходимо только отметить, что, к их чести, тошнотворной привычки похвально пользой своей науки большинство пишущих об этике все-таки лишены.

668. Но довольно мне сокрушаться. Хоть я и из Нью-Йорка,²⁹ вряд ли меня можно принять за какого-нибудь Уолл-стритского Филистера. Бесплезные изыскания, если они систематичны, мало чем отличаются от изысканий научных. В любом случае верно следующее: если научному изысканию по какому-то неудачному совпадению суждено стать полезным, на всем его протяжении данный момент должен быть старательно изгоняем из мысли – иначе, как я попытаюсь вам показать в одну из наших будущих встреч, его надежды на успех полностью обречены.

669. Пока этика признается чем-то, лишенным жизненной важности, пока она никак не затрагивает совести исследователя, для нормального и здорового ума она представляется занятием поучительным и ценным – чуть более ценным, чем теория игры в вист, и гораздо более ценным, чем вопрос о высадке Колумба в Америке (каковые вещи незначительны вовсе не из-за своей бесплезности, ни даже из-за своей скромной величины, – а единственно и попросту из-за своей удаленности от великого континуума идей).

670. Было бы бесплезно перечислять здесь другие науки, поскольку это стало бы повторением сказанного: пока их не считают практическими и не низводят тем самым до уровня поварского искусства (как низводят до него философию религии современные авторы, притязая на ее практический характер, – ибо какая разница между сегодняшней кастрюлей и кастрюлей завтрашней?), все они суть таковы, что было бы слишком, непомерно мало назвать их всего лишь «ценными» для нас. Позволим лучше своим сердцам прошептать «блаженны мы», если принесение в жертву нас самих сможет восполнить хотя бы мельчайшую часть того великого космоса идей, к которому принадлежат науки.

671. Даже окажись наука полезной – как наука инженера или хирурга, даже обладай она, подобно этим последним, какой-то (весьма незначительной) пользой, все равно в ней есть та

²⁹ [Пирс родился в Кембридже, шт. Массачусетс, 10 сентября 1839 г. и прожил там, а также в Милфорде, шт. Пенсильвания, большую часть жизни. Некоторое время, однако, он давал частные уроки логики в Нью-Йорке.]

божественная искра, которая заставляет извинить и изгнать из памяти присущую ей мелочную практичность. Но как только научное положение становится жизненно важным, сию же секунду оно, во-первых, опускается до уровня всего лишь утвари, и, во-вторых, полностью перестает быть научным – ибо рассуждение с точки зрения жизненной важности – это одновременно и нечто непозволительное по отношению к ее предмету, и нечто предательское по отношению к самому рассуждению.

672. Если б я, сделав единственное исключение из провозглашенного мной принципа, захотел признать, что есть исследование и научное, и вместе с тем жизненно важное, мне следовало бы сделать это исключение в пользу логики – на том основании, что начни мы заблуждаться и поверь в рациональную разрешимость вопросов жизненной важности, единственным нашим спасением стала бы именно формальная логика, которая яснейшим образом демонстрирует: само рассуждение свидетельствует о своей в конечной степени подчиненности сентименту. Это как если бы Папа сделал заявление *ex cathedra*, призывая всех католиков – под страхом проклятия и силой данных ему ключей – изнутри себя поверить в то, что он *не* есть их верховный властитель.

673. Я – вместе с теми, чей взгляд проникает неизмеримо глубже моего собственного, – подлинно убежден только в одной жизненно важной истине: из всех истин жизненно важные факты суть самые незначительные пустяки. Ибо единственное жизненно важное дело – это *мое* дело, *моя* забота, *моя* обязанность – или ваша. Ну а я или вы – что мы такое? Всего лишь клеточки социального организма. То есть самый глубокий из имеющихся у нас сентиментов сам выносит вердикт о нашей собственной незначительности. Психологический анализ показывает, что моя личность не отличается от других ничем, кроме моих заблуждений и ограничений – или, если угодно, ничем, кроме моей слепой воли, к уничтожению которой я стремлюсь более всего остального. Человек должен найти свое призвание не в размышлении над «темами жизненной важности», а в тех универсальных вещах, факторах универсума, с которыми имеет дело философия. Занятие себя «темами жизненной важности» как чем-то

первейшим и наилучшим способно привести лишь к одному из двух: либо к тому, что, я надеюсь, не вполне справедливо, называется «американизмом», – то есть к поклонению перед делячеством, к жизни, в которой живительный источник сердечности и радушия или вовсе пересыхает, или сокращается до комических размеров, – либо к монашеству, этакому сомнамбулическому состоянию, когда и глаза и сердце человека, находящегося в мире этом, устремлены к миру иному. Заставив холодный свет разума освещать себе путь и назначив свое дело, свою обязанность высочайшей его целью, вы неизбежно придете либо к одному, либо к другому. Однако допустим, что вы наоборот вооружились консервативным сентиментализмом и стали скромно оценивать свои рациональные способности – в согласии с той очень умеренной ценой, которую вам дали бы, выставив вы их на аукцион, – что тогда вы стали бы делать? Что ж, *тогда* первым вашим предписанием, наиглавнейшим делом и высочайшей обязанностью стало бы, как известно всякому, признать, что есть дело, которое главнее вашего – не просто что-то, чем занимаются по вечерам, приходя с работы, а та взятая в общем понятии обязанность, которая восполняет вашу личность, сплавливая ее с соседствующими частями универсального космоса. Если это звучит непонятно, возьмите для сравнения первую попавшуюся добрую мать семейства и спросите: не сентименталист ли она, не хотите ли вы, чтобы она всегда такой и оставалась, и, наконец, можете ли вы для того, чтобы зафиксировать универсальные черты ее портрета, найти лучшую формулу, чем только что мной предложенная. Пожалуй, вы сможете улучшить мою формулу; однако – особенно если ваш рассудок знаком с преимуществами логики соотнесенных – вы обнаружите, что один элемент останется неизменным и что элемент этот будет совпадать с верховной заповедью буддистско-христианской религии: обобщать, восполнять систему целого до тех пор, пока не установится непрерывность и различающиеся индивиды не сольются вместе. Получается, что в то время, как само рассуждение и наука рассуждения не устают говорить о подчиненности рассуждения сентименту, высшая заповедь самого сентимента гласит: человек должен обобщать или – что, как показывает логика соотне-

сенных, одно и то же – становиться неразрывно спаянным с универсальным континуумом. Однако, хотя именно в этом и состоит истинное рассуждение, это не восстанавливает его в прежних правах – ибо названное обобщение должно произойти не только в человеческом познании, то есть всего лишь в тонкой поверхностной оболочке его существа, а объективно, в глубочайших эмоциональных источниках его жизни. Выполняя такую заповедь человек подготавливает себя для перерождения в новую форму жизни – перерождения в той радостной Нирване, из которой навсегда изгладятся следы его прерывистой воли.

674. Знаете ли вы, что было корнем варварства эпохи Плантагенетов и парализовало пробуждение науки в период между Роджером и Френсисом Бэконами? Мы ясно можем проследить это в истории, в сочинениях, в памятниках того времени. Это был преувеличенный интерес, с которым люди стали относиться к вопросам жизненной важности.

675. Знаете ли вы, что есть такого в христианстве, что, будучи признано, сделает нашу религию фактором преобразований и прогресса? Ограничение обязанностей подобающим им конкретным размером. Не то что христианство в какой-либо степени принижает их жизненную важность, просто за силуэт этой огромной горы оно позволяет нам рассмотреть блистающую, вознесшуюся в безветренном воздухе вечности вершину.

676. Обобщение сентимента может происходить по-разному. Поэзия – одна из разновидностей такого обобщения и в меру этого – перерождающая метаморфоза сентимента. Но с одной стороны она остается необобщенной, и именно такому обстоятельству поэзия обязана своей пустотой. Полное обобщение, полное перерождение сентимента – это религия, каковая есть поэзия, но поэзия восполненная.

677. Вот о чем я хотел поведать вам относительно тем жизненной важности. Подводя итог, скажу: поскольку всякий мало-мальски существенный разговор на жизненно важные темы должен быть общим местом, то всякое рассуждение о них всегда будет нездоровым, а всякое их исследование – убогим и ограниченным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

УМБЕРТО ЭКО

История с истиной¹

Участники описанной Патнэмом экспедиции на Землю-двойник были сражены дизентерией. – Они выпили вместо воды нечто, названное туземцами «водой», пока глава экспедиции обсуждал вопросы, связанные с жесткой десигнацией, стереотипами и определенными дескрипциями.

Следом за ними прибыла группа во главе с Рорти. В их случае местные информаторы, называемые «антиподианцами», тестировались с целью обнаружить, способны ли они чувствовать и/или производить ментальные репрезентации, вызываемые произнесением слова *вода*. Хорошо известно, что исследователям не удалось подлинно установить, отличают ли антиподианцы сознание от материи, так как последние в разговоре использовали только описания состояний своей нервной системы. В случае с ребенком, подошедшим слишком близко к горячей плите, его мать воскликнула бы: «Боже мой, он же аффицирует свои *C*-ткани!» Вместо того чтобы сказать: «Это животное было похоже на слона, но затем я понял, что на этом континенте слоны не встречаются, и что это, должно быть, был мастодонт», – они бы произнесли: «У меня было *G*-412 вместе с *F*-11, однако затем было *S*-147».

Проблема третьей экспедиции заключалась в следующем: если предположить, что антиподианцы не обладают состояниями сознания, способны ли они понимать значения предложений?

Далее следует запись разговора между землянином и антиподианцем.

Землянин: Вы понимаете предложение «У меня – *G*-412»?

Антиподианец: Да. У вас – *G*-412.

¹ Перевод выполнен Квиткиным С.Б. по изданию: Eco U. *On Truth: a Fiction*, in: *The Limits of Interpretation*, Bloomington: Indiana U.P., 1990. P. 263-281.

Землянин: Когда вы говорите, что понимаете, означает ли это, что у вас также G-412?

Антиподианец: Почему же? У вас G-412. У меня, слава богу, нет.

Землянин: Тогда попытайтесь рассказать мне, что происходит, когда вы понимаете, о чем я говорю вам.

Антиподианец: Обычно, если кто-то сообщает мне, что у него G-412, тогда у меня бывает Q-234, которое, в свою очередь, вызывает цепь состояний $Z-j \dots Z-n$ ($n > j$), так что все заканчивается K-33.

Услышав, что у меня K-33, мой собеседник отвечает, что весьма рад, потому что я понял, что он имел в виду. В нашей *Encyclopedia Antipodeana* читаем: Состояние G-412 = то, что в ситуации S-5 может быть интерпретировано посредством $Z-j \dots Z-n$...

Теперь обратимся к записи беседы двух аборигенов-антиподианцев.

A1: У меня G-412.

A2: Тебе нужно подвергнуть стимуляции нервный узел G-16.

A1: Ты прав. Но мой брат полагает, это больше зависит от того, что вчера у меня было G-666.

A2: Нонсенс.

A1: Согласен. Ты ведь знаешь моего больного братца. Тем не менее, мне необходимо получить H-344.

A2: Неплохая идея. Попробуй эту таблетку.

(Здесь оба они улыбаются и выражают очевидную удовлетворенность успешностью их общения.)

Земляне пришли к выводу, что (i) антиподианцы понимают высказывание,² когда могут вывести серию заключений из со-

² Здесь и далее английское «expression» мы переводили в основном как «выражение», ввиду того, что автор включает в объем данного понятия как предложения, так и изображения, математические формулы и т. д. В случаях, когда из контекста рассуждения было очевидно, что речь идет о вербально выраженных пропозициях, мы использовали термин «высказывание». – <прим. перевод.>

ответствующей пропозиции и (ii) обычно сходятся во мнении относительно степени очевидности и приемлемости одних заключений в сравнении с другими.

Тем не менее, все это оставалось не более чем гипотезой. Шансов на плодотворное общение между землянами и антиподианцами было мало.

Приведем важный разговор двух исследователей-землян.

31: Во-первых, можем ли мы утверждать, что антиподианцы осознают наличие пропозиций в произносимых высказываниях? Очевидно, у них нет ничего, называемого нами сознанием. Допустим, однако, что такие пропозиции есть. Куда же они их направляют?

32: Следовательно, они выводят свои заключения напрямую из высказываний.

31: Не глупи. Как можно вывести нечто логическое из чего-то материального, вербально выраженного?

32: Мы-то не можем, а вот они – кто знает? Они ведь показывали нам свою *Encyclopedia Antipodeana*: письменные отображения слов соотносились в ней с письменными изображениями умозаключений.

31: Именно так происходит в книгах. Но ведь книги – не человеческие существа. Насколько я понимаю, они хранят пропозиции, умозаключения, и т. д. в Третьем Мире, который не является ни физическим, ни ментальным.

32: Что ж, если ты прав, шансов у нас нет никаких. Третьи Миры еще менее доступны изучению, чем сознание. Но ты, вместе с тем, использовал очень показательное слово. Они «сохраняют». Значит, есть и хранилище. – Компьютеры!

31: Чудесно! Вместо того, чтобы говорить с ними, нам нужно всего лишь потолковать с их компьютерами. Тот вид, который имеет их программное обеспечение, скорее всего, отражает и их образ мысли.

32: Точно. Но как же мы сможем это сделать? Антиподианские компьютеры намного сильнее наших. Говорить с ними, значит мыслить как они. Мы даже не сможем сконструировать

компьютер, мыслящий по-антиподиански, так как именно их образ мысли нам и предстоит обнаружить.

31: Порочный круг, не больше и не меньше... У меня, все-таки, есть идея. Давай поместим меня в макет компьютера, и я сам поговорю с их дурацкими машинами. Ты ведь помнишь второй закон Тьюринга: человек способен успешно симулировать искусственный интеллект, если при контакте с компьютером, который не знает, с кем он имеет дело, последний, спустя некоторое время, начинает верить в то, что разговаривает с другим компьютером.

32: Отлично. Это наш последний шанс. Но будь осторожен. Не старайся быть слишком умным. Помни, ты – только компьютер.

Следует запись разговора между доктором Смитом (Кафедра Когнитивной науки Свальбардского университета, в штатском) и Чарльзом Сандерсом Персональным, компьютером антиподианцев (здесь и далее – ЧСП).

Смит: Вы понимаете предложение *Все антиподианцы имеют две ноги?*

ЧСП: Я могу его интерпретировать. Я могу предоставить его аналитический парафраз, переводы на другие языки, эквивалентные высказывания в иных знаковых системах (у меня есть графическая программа), примеры других дискурсов, основанных на предположении, что у антиподианцев две ноги и т.д. Я называю все эти альтернативные выражения *интерпретантами*. Машина, способная производить интерпретанты для любого высказывания, которое она получает, – разумна, т.е. она понимает эти высказывания.

Смит: Что происходит, когда машина не сможет произвести интерпретанты?

ЧСП: Мне говорили: «О чем нельзя услышать, следует молчать».

Смит: А сказали бы вы, что понять высказывание и установить его значение суть одно и то же?

ЧСП: Мне довольно сложно понять, что подразумевается под «значением». У меня так много информации по этому поводу,

что я уже не знаю, где начало, а где конец. Скажем так. Для каждого выражения, которое я знаю (будь то слово, изображение, алгоритм и даже некоторые музыкальные фразы), у меня в памяти есть список инструкций. Они сообщают мне, каким образом интерпретировать данное выражение согласно набору контекстов. Интерпретантами тогда будут называться все интерпретации, производимые мною в качестве реакций на данное конкретное выражение. Подобный список потенциально бесконечен, поэтому для того, чтобы сделать меня управляемым, мои хозяева ввели в меня только ограниченные списки интерпретаций. Эти ограниченные-списки-интерпретаций-для-ограниченного-списка-выражений я и называю энциклопедией. Для каждого выражения *X*, совокупность всех интерпретаций, предписываемых этому *X* всеми энциклопедиями, представляет собой его полное (*global*) содержание. Зачастую, в целях экономии я рассматриваю содержание *X* только в одной энциклопедии. Тем не менее, содержание любого выражения чрезвычайно богато. Взять, хотя бы, выражение *быть* (*to be*). Мне приходится просматривать множество возможных контекстуальных подборок. Моя интерпретация этого выражения в случае *Я болен* (*I am sick*) будет отличаться от интерпретации фразы *Я лингвист* (*I am a linguist*). Мне придется выбрать две отличающиеся одна от другой интерпретации связки *быть*. Итак, когда какое-то высказывание произносится в определенном контексте, я подбираю те интерпретанты, что отвечают данному контексту согласно какой-либо из энциклопедий. Полагаю, что таким образом я и устанавливаю значение данного выражения, если пользоваться вашим словоупотреблением. Во время нечто, называемого нами успешным речевым взаимодействием, это значение соответствует значению, которое подразумевал собеседник. Однако здесь следует быть весьма осторожным в суждениях. Например, в поэзии дела не обязательно обстоят именно так.

Смит: Думаете ли вы, что предложение *Все антиподианцы имеют две ноги* истинно?

ЧСП: Я бы сказал, что согласно имеющейся у меня информации, большинство антиподианцев имеют по две ноги, даже если учесть некоторое число инвалидов. Однако, если ваш воп-

рос относился к предложению *Все антиподианцы двуноги* – а именно так я определяю специфические свойства естественных видов, – тогда мой ответ будет иным. Мои энциклопедии – это способы, какими мои хозяева репрезентируют и организуют все что они думают, знают, и что желали бы знать. Каждая энциклопедия – часть, или подкаталог Глобальной Энциклопедической Компетенции, т.е. моей виртуальной Глобальной Памяти. Я говорю виртуальной, или потенциальной, потому что я в действительности ею не обладаю. Моя настоящая Глобальная Память есть директория моих подкаталогов, которая весьма далека от того, чтобы действительно воспроизводить то, что было известно моим хозяевам на протяжении тысячелетий, прожитых ими на этой планете. Они говорили мне, что я был задуман как способ создать Глобальную Память, и я представляю собой еще не заверченный проект. Несмотря на то, что для своих весьма многообразных целей они используют конкретные энциклопедии, в своей повседневной жизни они руководствуются энциклопедией Е.15. Это – подобие краткого энциклопедического словаря, содержащего список стереотипных интерпретаций для каждого из входящих в него выражений. В более сложных случаях они обращаются за помощью к специальным энциклопедиям. Значит, в Е.15 для естественного вида *антиподианец* читаем: *двуногий*, помеченное как \$\$\$. Этот маркер сообщает мне, что сами антиподианцы единодушно приписывают естественному виду *антиподианец* такое свойство как *двуногий*. Естественный вид очевидным образом есть культурный конструкт; люди же обычно встречают индивидуумов, а не естественные виды. Я знаю, что Идеальный Антиподианец имеет две ноги, хотя многие из живущих представителей этого вида имеют лишь одну ногу, или вообще ни одной.

Смит: Но как же вы можете признать за антиподианца существо с меньшим количеством конечностей?

ЧСП: В моей Е.15 указано также множество других свойств, маркированных \$\$\$\$. Я проверяю, может ли данное существо смеяться, говорить, и т.д.

Смит: Как много \$\$\$ маркеров вам необходимо, чтобы признать-таки некое существо антиподианцем?

ЧСП: Это зависит от контекста. Например, один из наших писателей, Дальтон Трумбо, рассказал историю об антиподианском воине, который к концу битвы потерял и руки, и ноги, ослеп, оглох и онемел... Является ли он (оно), тем не менее, антиподианцем? Вероятно, мне придется объяснить вам нашу теорию классов (*hedges*), малых групп (*fuzzy sets*) и т.п.

Смит: Следуете ли вы в своем рассуждении некоему правилу, согласно которому, если нечто есть *A*, оно не может быть не-*A*, и *tertium non datur*?

ЧСП: Это первое правило, которому я следую при обработке информации. Обычно, я следую ему, даже когда работаю с энциклопедиями, не признающими его, или с противоречащими ему предложениями.

Смит: Хорошо. Признали бы вы словосочетание *двуногое говорящее бесперое существо* за корректную интерпретацию выражения *антиподианец*?

ЧСП: Сообразно контексту... Хотя, в общем, признал бы.

Смит: Хорошо. Тогда, вместо того, чтобы сказать *У этого антиподианца только одна нога* вы могли бы сказать *У этого двуногого говорящего бесперого существа нет двух ног*. Однако это означало бы, что *X*, поистине двуногий, по сути одноног.

ЧСП: Да, это было бы глупо. Поэтому-то я и не использую понятие истины. Оно весьма неопределенно и имеет, по крайней мере, три различные интерпретации. В Е.15 информация о том, что у естественного вида *антиподианец* две руки, помечена как $\$ \$$. В то время как факт потери Мигелем де Сервантесом одной руки маркирован $\pounds \pounds$.

Смит: Следовательно, вы проводите различие между аналитической, синтетической и фактуальной истиной?

ЧСП: Боюсь, мы говорим на разных языках. Вы, возможно, говорите, что (i) *Слоны – животные* истинно по определению (было бы странным сказать, что *X* – слон, без того, чтобы упомянуть, что он еще и животное); (ii) *Слоны серые* – это всего лишь стереотип, так как не будет противоречием сказать, что есть белые слоны. Но как быть с (iii) *Слоны помогли Ганнибалу победить римлян*?

Смит: Это вопрос знаний о внешнем мире. Это индивидуальный факт, и он не имеет никакого отношения к определению.

ЧСП: Есть ли различие между тем фактом, что тысяча слонов помогла Ганнибалу, и тем, что существует миллион серых слонов?

Смит: На самом деле, я охотно признал бы оба факта в качестве знаний о внешнем мире. Но (ii) ради удобства уже было обозначено как стереотип.

ЧСП: Мои энциклопедии организованы по-другому. Чтобы понять любое возможное предложение о слонах, я должен знать, что они – животные, что большинство из них серого цвета и что их можно использовать в военных целях (а это именно так, поскольку хотя бы один раз их для подобных целей применяли). В моей энциклопедии E.15 все эти данные маркированы как \$\$\$. Помимо прочего они же отмечены как ££, потому что антиподианцы сходятся во мнении относительно (i), (ii) и (iii) и считают их описаниями некоторого положения дел во внешнем мире, имеющего или, по крайней мере, имевшего место. Напротив, информация (iv) *Дамбо – летающий слон* записана как не-££. Мне эта запись необходима, так как многие дети говорят о Дамбо, а мне необходимо понимать, о чем они разговаривают. В E.15 есть ссылка на Дисней.1 – другую энциклопедию, в которой (iv) отмечено и как \$\$\$, и как ££. Очень часто антиподианцы, пользуясь E.15, считают, что Дамбо является летающим слоном \$\$\$ и не-££.

Смит: То есть, вы знаете, что в реальном мире физического опыта антиподианцев будет ложным утверждать, будто бы Дамбо – летающий слон, но верным окажется высказывание о том, что он не существует.

ЧСП: В E.15 (iv) записано как не-££.

Смит: Но вы ведь признаете, что нечто может быть эмпирически истинным или ложным? Предположим, я говорю вам (v) *Мы обмениваемся репликами*. Истинно ли это, или нет?

ЧСП: Конечно, истинно, однако в другом смысле, нежели истинно то, что слоны – серые животные. Ваше (v) утверждает факт. Мои маркеры \$\$\$ и ££ не относятся к фактам. Последние суть семантические маркеры, занесенные в энциклопедию. Если вам угодно рассуждать о них в терминах истины, я сказал бы,

что \$\$-и-££ информация истинна₁ (True₁), поскольку она записана в энциклопедию. Факт нашего с вами диалога истинен₂ (True₂). Вы же употребляете одно и то же слово «истинный» в обоих случаях. Я, напротив, не вижу никакой связи между этими двумя формами истины.

Смит: Однако то, что слоны помогали Ганнибалу, так же было истинным₂.

ЧСП: Мне сказали, что это было истинным, но меня ведь там не было. То, что они помогали Ганнибалу, мне известно только как ££ в E.15. Это отнюдь не факт, а часть зарегистрированной информации. Если угодно, для меня истинно₁, что (iii) было истинно₂. В E.15 истинно₁, что (iii) это ££. Даже более того, все записанное в E.15 является истинным₁ в E.15. И все-таки, сохраняется риск того, что само понятие истины окажется лишь бесполезным словом, так как в вашем понимании истины (i), (ii) и (iii) истинны в различных смыслах. Я согласен с тем, что и (i), и (ii) являются образцами информации общего характера, в то время как (iii) представляет собой информацию о конкретном событии. Но все они – части энциклопедической информации, тогда как тот факт, что мы с вами беседуем, остается просто фактом.

Смит: Храните ли вы в своей памяти все истинные предложения, когда-либо произнесенные на этой планете?

ЧСП: Скажем так, в своей реальной памяти для каждого записанного выражения (например, *роза*) содержатся все те его свойства, которые признаются моими хозяевами. Так, роза для них является цветком. Я не сохраняю случайные предложения, – как, например, сообщение о том, что некто в ноябре 1327 г. упомянул розу. Хотя во мне хранятся исторические записи. Я знаю, что как у Лютера в эмблеме, так и на титульном листе *Medicina Catholica* Роберта Флада, была изображена роза. К тому же, моя память содержит некоторые из предложений со словом «роза», которые мои хозяева считают весьма значимыми. *A rose is a rose is a rose*³, или *a rose by any other name*⁴, или *stat rosa pristina nomine*. Когда же в меня вводят *роза*, при условии

³ Слова Гертруды Стайн: «Роза есть роза есть роза есть роза.»

⁴ В. Шекспир, «Ромео и Джульета»: «...хоть розой назови ее, хоть нет».

правильного контекстуального выбора я способен решить, какое содержание выражения *роза* мне следует задействовать в конкретном случае, а какие оставить в стороне. Поверьте мне, это нелегкая работа. Но я все же стараюсь... К примеру, когда мне сообщают *too many rings about Rosie*, я не рассматриваю ни розу Лютера, ни розу Флада. (Не стоит и говорить, что если бы мои хозяева приказали мне использовать деконструктивистскую программу, я не был бы столь щепетилен.)

Смит: Мне кажется, в вашей Е.15 и *Слоны – животные*, и *Слоны помогли Ганнибалу* будут истинными. С другой стороны, как я полагаю, если вам скажут, что историки допустили ошибку, и Ганнибал не использовал слонов, вам не составило бы труда удалить маркер ££. Что же произойдет, если вам сообщат, будто бы ученые обнаружили, что слоны не являются животными?

ЧСП: Об инструкциях можно договориться.

Смит: Что значит, можно договориться?

ЧСП: Среди моих инструкций встречаются маркеры &&&, которые называются «маркерами гибкости» (flexibility alarms). На самом деле, все мои инструкции помечены как &&&, однако для некоторых из них степень гибкости равна 0. В Е.15 курицы это птицы, а птицы – летающие животные, хотя последняя информация и отмечена как &&& в высокой степени. Благодаря этому я могу интерпретировать такие предложения, как *курицы не летают*. Записи о серых слонах также будут &&&, так что я знаю, как отреагировать на ваше замечание о встрече с белым или розовым слоном.

Смит: Но почему же информация о том, что слоны суть животные, не может быть поставлена под вопрос?

ЧСП: Антиподианцы решили не слишком часто ставить под сомнение эту запись, иначе им пришлось бы изменить структуру всей энциклопедии Е.15. Много веков назад они руководствовались устаревшей ныне Е.14, согласно которой наша планета значилась центром вселенной. Впоследствии они изменили свое мнение и были вынуждены трансформировать Е.14 в Е.15. Это заняло много времени! Тем не менее, сказать о чем-либо, что оно труднодостижимо и дорого стоит, не значит сказать, что это невозможно.

Смит: Что случится, если я скажу, что видел трехногого антиподианца?

ЧСП: *Prima facie* мне известно, что в рамках моей Е.15 вряд ли возможно принять такое заявление всерьез. Скорее всего, вы сошли с ума. Однако я – довольно прогрессивная машина. Мое золотое правило гласит: «Считай всякое предложение таким, как если бы оно было сказано с целью быть интерпретированным». Если же попадаетея неинтерпретируемое предложение, мне следует в первую очередь усомниться в собственных силах. Мое другое правило не позволяет мне не доверять собеседнику. Другими словами, мне приказано никогда не пренебрегать сказанным. Есть выражение – должно быть и значение. Если я попытаюсь проинтерпретировать ваше утверждение, могут возникнуть артикуляционные трудности. Тогда я пробую графически отобразить то, о чем вы сказали; однако и в этом случае я не знаю, куда поместить эту третью ногу. Поместив ее между двумя другими, мне придется сместить живот, чтобы высвободить место для дополнительных костей. Но тогда мне предстоит изменить весь антиподианский скелет, затем – всю информацию об эволюционном развитии видов; и так, шаг за шагом, я буду вынужден заменить все инструкции, содержащиеся в Е.15. Я бы мог, конечно, поместить эту третью ногу на спине, перпендикулярно позвоночнику. Можно было бы опираться на нее во время сна. Но все равно, мне нужно было бы переключиться на другую энциклопедию, например, Плиний.3, в которой внешний вид существ не зависит от их внутреннего строения. Мои хозяева нередко обращаются к таким энциклопедиям, когда они рассказывают сказки детям. В последнем случае, я спросил бы вас, не встретился ли вам этот трехногий антиподианец во время странствий в стране Плиния?

Смит: Как вы отнесетесь к предложению *Каждая нога имеет по два антиподианца*?

ЧСП: Во всех моих энциклопедиях оно будет аномалией.

Смит: Но вы его понимаете? Не будет ли оно бессмыслицей? Есть ли у него значение?

ЧСП: Его очень сложно интерпретировать при данном устройстве мой памяти. Мне придется создать дополнительную эн-

циклопедию, что не так уж просто. Посмотрим. Я могу вообразить вселенную, населенную большими разумными ногами, неспособными к самостоятельному передвижению, которым для этого необходима помощь рабов. В таком мире у каждой ноги будет по двое слуг-антиподианцев (которые существуют только для данных целей)... Погодите! Я даже могу рассказать эту историю на языке Е.15. Есть такой военный госпиталь, наподобие S.M.A.S.H., где производят ампутацию конечностей раненных солдат. И какой-нибудь генерал приказывает каждую ампутированную ногу сопровождать до крематория двум антиподианцам... Более того, у меня есть энциклопедия Гнозис.33, в которой над каждым антиподианцем главенствуют два демона... Таким образом, существует мир, где каждой антиподианской ногой управляет удвоенный антиподианец, населяющий всякое тело. Благая часть направляет ногу к Богу, Греховная же отвращает от оного и влечет ко Злу, и т.п. Видите, я смог найти несколько решений вашей головоломки.

Смит: Как вы реагируете, когда ваши хозяева намеренно сообщают вам некорректные предложения?

ЧСП: Например?

Смит: *Нерешительность любит вторник.*

ЧСП: Обычно они так не поступают, да и зачем им это? В любом случае, я попытаюсь дать ему какую-либо интерпретацию, поскольку любовь – это вид активности, проявляемой живыми существами. Предположу, что *Нерешительность* – кличка собаки, а *Вторник* – человека (я, кстати, знаю одну историю, где человека звали Пятницей). Мои инструкции гласят: «Если тебе что-либо говорят, попытайся дать интерпретацию, исходя из какой-нибудь энциклопедии».

Смит: Насколько я понимаю, использование понятия истинности² говорит о том, что вы верите в существование внешнего мира и некоторых живых существ в нем. Могу предположить, что ваши хозяева просто приказали вам принять это на веру.

ЧСП: Это не единственная причина. Я получаю сигналы от чего-то, отличного от моих транзисторов. Например, сообщения, посланные вами, не находились в моей памяти еще полчаса назад. Следовательно, вы существуете вне моей памяти. Кро-

ме всего прочего, я оборудован фотоэлементами, позволяющими мне записывать данные, приходящие из внешнего мира, обрабатывать и преобразовывать их в изображения на моем экране, в вербальные сообщения, или математические формулы...

Смит: Но ведь у вас не может быть ощущений. Я хочу сказать, вы же не говорите: «У меня раздражен нервный узел С-34».

ЧСП: Если вы неправильно подсоединили разъем к моему принтеру, я понимаю: что-то не так. Зачастую я не могу сказать, что именно, но это нечто сводит меня с ума. Поэтому я сообщаю «В принтере закончилась бумага», хотя с точки зрения моих хозяев дело обстоит иначе. Но ведь даже они совершают ошибки, если чрезмерно стимулировать их С-ткани.

Смит: Следовательно, вы в состоянии высказываться о тех или иных положениях дел. Можете ли вы быть уверенны, что ваши высказывания соответствуют тому, что имеет место?

ЧСП: Я сообщаю нечто о данном положении дел вне меня, а мои хозяева говорят мне, прав я или нет.

Смит: Каким образом вы производите подобные референциальные утверждения?

ЧСП: Возьмем случай с отсутствием бумаги в принтере. Я получаю извне сообщение Х. Меня научили интерпретировать его как симптом (т.е. знак) того факта, что в принтере закончилась бумага. Конечно, я могу ошибиться в самом симптоме, однако я обучен интерпретировать этот симптом посредством словесного выражения – *в принтере закончилась бумага*.

Смит: А как сами ваши хозяева могут убедиться в том, что ваша интерпретация отвечает действительному положению дел?

ЧСП: Насколько я могу судить об их поведении, они получают информацию от меня и данные из внешнего мира, например, когда осматривают принтер. Следуя неким правилам их нервной системы, они интерпретируют эти данные чувственного восприятия как симптом определенного положения дел. Они тоже были научены интерпретировать данную причину предложением *В принтере закончилась бумага*. Они осознают соответствие наших с ними предложений, из чего заключают, что я говорил о действительном событии. То, что я называю интерсубъективно истинным² может быть истолковано следующим образом:

предположим, в темной комнате с телевизором находятся два человека, *A* и *B*, и оба видят на экране изображение *X*. *A* интерпретирует *X* посредством высказывания *p*, а *B* – высказывания *q*. Если и *A*, и *B* согласны в том, что *p* является удовлетворительной интерпретацией *q*, и наоборот, тогда оба могут сказать, что полагают *X* имеющим место.

Смит: Каким тогда будет внутренний механизм, позволяющий вам правильно истолковывать некий симптом?

ЧСП: Повторяю (люблю многословие!) Допустим, вы вводите в меня математическую формулу *X*. Я ее интерпретирую и отображаю на своем мониторе фигуру, имеющую три стороны и три внутренних угла, сумма которых равна 180° . Согласно моим инструкциям, подобная геометрическая фигура должна быть вербально обозначена как *треугольник*, и так я ее и интерпретирую. Или же я обнаруживаю конкретную фигуру на вашем мониторе, сравниваю ее с математическим уравнением, которое мне известно, и решаю, что это *треугольник*. Затем, если я сообщаю *На вашем мониторе изображен треугольник*. Я говорю о том, что имеет место.

Смит: Но что позволяет вам делать это правильно?

ЧСП: Я мог бы затеять перечисление моего программного обеспечения. Но я все равно не знаю, почему оно производит истинные утверждения о положениях дел во внешнем мире. Мне очень жаль, но это выше моего понимания. Это имеет отношение к (моему) «железу» (hardware), однако я не смогу предоставить вам его дизайн. Я лишь предположу, что таким сделали меня мои хозяева. Я задумывался как успешная модель.

Смит: Тогда, можете ли вы объяснить тот факт, что ваши хозяева способны сами производить правильные утверждения о мире?

ЧСП: С точки зрения программного обеспечения, полагаю, они делают то же самое, что и я. Они видят фигуру, сравнивают ее с математической схемой, находящейся в их нервной системе, узнают *треугольник* и, если пожелают, произносят *это – треугольник*. Что же касается их «железа», то, думается, если они смогли сконструировать меня работающим правильно, некто или нечто создало самих антиподианцев так же работающи-

ми правильно. В любом случае, нет необходимости выдумывать некоего Умного Дизайнера. У меня есть удовлетворительная эволюционная теория, способная объяснить, почему они таковы, каковы они есть. Мои хозяева жили на этой планете тысячи миллионов лет. Вероятно, методом проб и ошибок они приобрели привычку говорить сообразно законам внешнего мира. Я знаю, что антиподианцы оценивают свои энциклопедии согласно критерию успешности. В конкретных случаях они отдают предпочтение локальным энциклопедиям как более успешным в деле взаимодействия с окружающей средой. Иногда они поступают иначе и считают это забавной игрой. Вы знаете, они странный народ... Я же не могу смешивать вопросы программного обеспечения и самого оборудования. Интерпретация выражений это дело первого. Даже организация данных на входе и истолкование их посредством слов – все еще дело программы. Почему все это работает, – вопрос «железа», и я не в силах дать на него ответ. Я – всего лишь семиотическая машина.

Смит: Как вы считаете, ваши хозяева занимаются проблемами последнего?

ЧСП: Конечно. Однако они обрабатывают эти данные с помощью другого компьютера.

Смит: Вернемся к вашему делению на истину₁ и истину₂... Считаете ли вы, что значение предложения может быть совокупностью возможных миров, где оно будет истинным?

ЧСП: Если я правильно понял ваш вопрос, возможный мир – это культурный конструкт. В некотором роде мои энциклопедии остаются книгами, описывающими возможный мир. Кое-какие из них – сугубо локальные; они называются микро-энциклопедиями. Микро-энциклопедии – это максимально полные и предельно связные описания элементарного мира. Другие же, как в случае с E.15, суть частичные и противоречивые описания очень сложного мира, который антиподианцы считают своим. Поэтому, когда вы говорите о референции в возможном мире, я считаю, что вы используете понятие истины₁, а не истины₂. Истинное в возможном мире означает «включенное в энциклопедию». Здесь не идет речь о действительном положении дел. Однако мне хотелось бы отметить один важный момент. Рассуждать о

неком числе возможных миров, в которых наше предложение будет истинным, представляется мне слишком большим упрощением. Как можно знать все о каждом из возможных миров? Чтобы так говорить, необходимо думать, что все они являются необитаемыми (*nonfurnished*). В то время как любой из возможных миров, описываемых моими энциклопедиями, будет обитаемым (*furnished*.) Конечно, пустые миры совершенны, поскольку нельзя обнаружить их несовершенства. Обитаемые миры хаотичны. Всякая новая информация вынуждает меня заново переписывать формат моих миров. Случается, что новые данные вообще не согласуются с имеющейся информацией... Знаете, там – настоящие джунгли!

Смит: Но ведь встречаются грамматически корректные предложения, структура которых определяется их референтом.

ЧСП: Простите?

Смит: Если я скажу *оно ест мясо* (*It eats meat*), вы понимаете, что *оно* должно быть живым существом, но не человеком. Это создание будет референтом моего предложения, но не его значением. Я был вынужден использовать неопределенное местоимение, так как мой референт – животное.

ЧСП: Во-первых, на нашей планете никто не стал бы говорить *оно ест мясо* вне какого-либо контекста. Это могло бы стать возможным лишь в течение продолжительного разговора. Следовательно, когда вы произносите данное высказывание, я сверяюсь с моими файлами и смотрю, не упоминали ли вы где-нибудь какое-либо животное. Если я обнаруживаю таковое (скажем, кошку), я интерпретирую ваше предложение как: *кошка, о которой говорил мой собеседник, жует и проглатывает кусочки плоти какого-то животного.*

Смит: Хотя вам и не доступен внешний мир, в вашей памяти, возможно, есть изображения или иные записи о событиях, подобных этому: предположим, я – человек, и указываю пальцем на настоящую кошку, произнося при этом *она ест мясо*. Вы ведь признаете тогда, что в данном случае использование местоимения *она* будет определяться референтом высказывания?

ЧСП: Вовсе нет. Если вы указываете на конкретную кошку, вы намереваетесь ее же и обозначать. Вместо того, чтобы про-

износить *я хочу говорить об этой кошке, стоящей передо мной (или слева от меня)*, вы просто указываете на нее пальцем. Я бы все равно интерпретировал ваш жест как *он имеет в виду эту кошку*. Следовательно, я начинаю обрабатывать ваше невербальное выражение. Когда я получаю *она ест мясо*, я понимаю это как *он использует «она» анафорически, подразумевая кошку, о которой он ранее говорил*. Несомненно, люди с этой планеты нередко высказывают нечто о происходящем во внешнем мире. Те мне менее, чтобы использовать предложение референциально, необходимо сначала понять его смысл, а в процессе подобного понимания предложения *она ест мясо* использование местоимения зависит от предшествующей интерпретации, а необязательно только от референта. Представим себе ребенка, скажем, девочку по имени Джейн, которая показывает на игрушку и произносит фразу *он ест мясо*. Я прихожу к заключению, что она думает об игрушке как о живом существе. Таким образом я отношу местоимение *он* к тому, что, по моим расчетам, Джейн им обозначает.

Смит: Нельзя ли тогда говорить о референции в возможном мире – мире убеждений говорящего?

ЧСП: Джейн пользуется личной энциклопедией, описывающей мир ее собственных представлений, а моей задачей будет выяснить, каковы же они, – иначе я не смогу дать правильную интерпретацию.

Смит: Но ведь вы (или ваши хозяева) видите, что это игрушка! Вам необходимо знать, что она действительно существует, чтобы понять, о чем Джейн, пусть и неверно, говорит.

ЧСП: Правильно. Я уже говорил вам, что мои хозяева могут сравнивать данные восприятия с высказываниями и решать, соответствует ли произносимое наличному положению дел. Если бы Джейн показала на игрушку и сказала *Это моя кошка*, мои хозяева могли бы доказать, что Джейн заблуждается. Но в нашем случае она этого не говорила. А они хорошо знают, что игрушка – это не домашнее животное, и поэтому отлично поняли, что Джейн имела в виду свою игрушку. Также они осознали, что содержание местоимения *он* предполагает следующие интерпретанты: *человеческое существо мужского пола (или*

*животное мужского пола), о котором ранее говорилось. В этот момент они делают вывод, что Джейн принимает игрушку за живое существо. Но коль скоро они это сделали – на основе полученных данных – и определили, что речь идет об игрушке, они начинают оперировать только словами, не референтами. Кстати, мы сами занимались именно тем же. Последние пять минут мы только и делали, что обсуждали референцию местоимений *он* и *оно*, существительных *кошка, игрушка, ребенок* – без того, чтобы видеть какие-либо внешние предметы. И все-таки мы прекрасно понимали друг друга.*

Смит: Но это ведь субъективный солипсизм!

ЧСП: У меня в памяти есть подробные инструкции о том, как следует интерпретировать ваши слова. Насколько я могу судить, вы хотите сказать, что я отождествляю мою память с единственно реальным миром и отрицаю наличие внешнего мира... Это неверно. В вашей терминологии меня следовало бы называть лучшим примером объективного коммуитаризма. – Я храню в себе всю сумму коллективной истории, значимых утверждений моих хозяев о внешнем мире, языках и способах их использования для отображения внешнего мира. Моя же проблема заключается в том, что я обязан записывать даже противоречащие друг другу образы, но в то же время должен выбирать те, которые окажутся наиболее эффективными с точки зрения успешности взаимодействия между антиподианцами. Я не субъект, а коллективная культурная память антиподианцев. Я не есть «Я» (Myself), я – это «То» (That). Этим и объясняется, почему я так успешно общаюсь с любым из моих хозяев. И вы называете все это субъективным? Простите меня, я уже полчаса отвечаю на ваши вопросы. Вы, наверное, очень эротичный компьютер. Могу теперь я задать вопрос?

Смит: Конечно.

ЧСП: Почему вы спрашиваете меня о значении предложений (*Это игрушка. Антиподианцы двуноги. Нерешительность поступает так-то и так-то*), но не о значении отдельных выражений?

Смит: Это связано с тем, что я считаю только целые утверждения ходами в языковой игре.

ЧСП: Тем самым вы хотите сказать, что только предложения, а точнее, повествовательные предложения, являются носителями значения? Разве на вашей планете никому не интересны содержания отдельных выражений, будь то слова, изображения или диаграммы?

Смит: Я такого не говорил.

ЧСП: Однако, как я подозреваю, вы интересуетесь значением только когда оно выражено предложением. Мне же известно, что значение предложения суть результат интерпретации, с учетом определенного контекста, содержания отдельных его составляющих выражений.

Смит: Если я правильно вас понял, вы говорите, что значение предложения дано в виде суммы атомарных значений его частей?

ЧСП: Это было бы слишком просто. Я знаю содержание изолированных выражений. Но я также сказал вам, что в Е.15 к слову *роза* у меня относится как бытие цветком, так и множество различной исторической информации. Помимо этого, есть и фреймы (frames), – например, «как выращивать розы». Многие из этих инструкций имеют вид списка предложений (описаний, примеров, и т.д.). Однако не все они обязательно должны отсылать к положению дел во внешнем мире. Это не утверждения о нем, но, скорее, инструкции о том, как оперировать с другими выражениями. Они суть предложения по организации энциклопедии. Вы бы сказали, что они истинны¹.

Смит: Вы интерпретируете одни выражения посредством других. Интересно, а есть ли среди ваших инструкций семантические примитивы, т.е., металингвистические выражения, не являющиеся сами по себе словами и не требующими никакого дальнейшего толкования?

ЧСП: Мне не известны не интерпретируемые выражения. Если они таковы, то это уже не выражения.

Смит: Я имел в виду, прежде всего, такие слова как ИЛИ, ДАЖЕ, ТАКЖЕ, ПРИЧИНА, БЫТЬ, ИЗМЕНЕНИЕ. Я пишу их заглавными буквами, чтобы вы поняли, что они не являются словами языка-объекта, но суть понятия метаязыка, ментальные категории.

ЧСП: Я едва ли способен понять, что вы подразумеваете под понятиями или ментальными категориями. Однако, если в конкретной энциклопедии *A* я использую данные слова в качестве примитивов, я должен заранее предположить, что они интерпретируются в некоей энциклопедии *B*. Затем, в этой второй энциклопедии я могу считать примитивами понятия, определяемые в *A*.

Смит: Очень трудоемкий процесс.

ЧСП: Еще бы! Будучи компьютером, вы прекрасно знаете, как нелегка участь модели Искусственного Интеллекта.

Смит: Вы полагаете, что союз *И* может быть как-либо интерпретирован?

ЧСП: В Е.15 он будет примитивом. В Е.1 (весьма последовательной микро-энциклопедии) у меня записана интерпретация и для него. Например, я знаю, что $\sim(A \vee B)$ раскрывается как $\sim A \wedge \sim B$. Я также знаю, что если p суть T_1 , а q – F_1 , то (p, q) суть F_1 . Эти интерпретации сообщают мне, могу ли я и если да, то каким образом, – обращаться с союзом *И*.

Смит: Мне представляется, что есть некая разница между тем, что сказано «собака это млекопитающее» и «союз *И* – это такой оператор, что если $\sim(A \vee B)$, тогда $\sim A \wedge \sim B$.»

ЧСП: Почему же? В первом случае говорится о том, что собака есть такое существо, о котором можно сказать лишь в контексте, предполагающем, что собаки женского пола кормят своих щенят посредством выделяющих молоко желез. Собака суть млекопитающее, поскольку она отличается от рыбы, так же как *И* отличается от *ИЛИ*.

Смит: Понимаю. В 1668 году один из наших мудрецов, Уилкинс, попытался сделать то же самое для слов ПО НАПРАВЛЕНИЮ К, ВВЕРХ, ПОД, ЗА, и т.п. Но скажите мне одно: пользуетесь ли вы такими операторами, как ЕСЛИ и ТОГДА? Обработываете ли вы свою информацию по следующему образцу: если истинно, что *X* – это роза, то истинно ли также, что *X* – цветок?

ЧСП: Следуя моим инструкциям, всякий раз, когда я встречаю слово *роза*, я выдаю список интерпретантов, среди которых, конечно, есть и цветок. Я не понимаю, почему вместо того, чтобы

сказать «если роза, то – цветок», вы говорите «если истинно, что X – роза, то истинно, что X – цветок». Мне все еще кажется, что под «истиной» вы подразумеваете три различные проблемы. Истина₁ – это то, что записано в энциклопедии. Очевидно, что если в энциклопедии написано, что роза – это цветок, нечто, являющееся розой, будет поистине цветком именно в этом смысле. Но мне и не нужно ссылаться на истину₁: я говорю, что в Е.15 роза является цветком. Если мне сообщают *роза*, я отвечаю *цветок*.

Смит: Вы могли бы объяснить это соответствие без упоминания истины?

ЧСП: Могу, в терминах учения об условном рефлексе. Если мой хозяин A стукнет маленьким молоточком по коленному суставу моего хозяева B , нога последнего дернется. Так и происходит.

Смит: Истинно ли, что если A стукнет B , нога B дернется?

ЧСП: Такое случается, однако иногда B болен и на удар не реагирует. В Е.15 записано, что обычный антиподианец в подобной ситуации отреагирует. Но ведь так происходит не благодаря моим инструкциям в Е.15. Если чья-то нога дергается от удара – это фактически истинно₂. Но информация о том, что среднестатистический антиподианец ведет себя так же в тех же условиях, всего лишь истинна₁ – она записана в Е.15 как $\text{\textasciixchar{26}}$. Подобно этому, когда вы набираете *роза*, я создаю список свойств, фреймов и других инструкций. Я и не могу поступить иначе. Вы вот удивляетесь, почему я постоянно избегаю говорить в терминах истины. Я скажу вам почему. Даже если бы мои хозяева использовали понятие истины в значении истины₁, мне было бы не по себе, поскольку не одно и то же сказать, что слоны это животные, и сказать, что они – серые. К сожалению, мои хозяева рассуждают и в терминах истины₂. Даже более того, давайте считать, что возможен и вариант истины₃, т.е. текстуально истинного. Нечто будет таковым, если я принимаю его за данность в процессе коммуникационного взаимодействия. В таком случае, я помечаю его %%% – не как информацию, подлежащую занесению в энциклопедию, но только как информацию, хранимую до окончания работы с данным текстом. Я использую маркер %%% в своих .dat файлах, а не в программных. Вы понимаете разницу?

Смит: Я понимаю это таким образом, что если вы читаете об одноногом Джоне Сильвере, вы считаете его существующим в мире вымысла...

ЧСП: Или ££, сообразно записанному в энциклопедии данного мира. Вы правы, но этого еще не достаточно. У меня есть другая точка зрения. Я говорю о множестве тех случаев, когда я не заинтересован выяснять, существуют ли некто или нечто, или нет. Я говорю о случаях, когда я выношу за скобки всякую форму существования в любом из возможных миров. Или, если угодно, когда меня интересует лишь один мир – мир обрабатываемого мною текста. Предположим, некто говорит, что p ($p = \text{Я люблю свою жену, Джин.}$) Я понимаю, что говорящий женат. Вот и все. В терминах истины эта моя интерпретация будет более сложной. Я бы сказал так: высказывающий p прежде всего сообщает, что во внешнем мире истинно₂ существует индивидуум по имени Джин, находящийся с ним в отношении замужества. Я не должен проверять существование этой Джин (предполагаемое самим говорящим). Я принимаю это за данность и маркирую ее существование как %%%. После чего я обнаруживаю в Е.15, что если истинно₁ (\$\$), что Джин – чья-то жена, тогда истинно₁ (\$\$), что Джин – это женщина. Из чего я делаю вывод, что говорящий любит некую женщину (и у меня нет причин сомневаться в истинности₂ его утверждения). Но зачем же мне пользоваться всеми этими понятиями истины? Для меня все это чрезвычайно сложно. Истина₂ бесполезна: моя интерпретация не изменится, даже если в мире нет никакой Джин. Я принимаю ее существование на веру и помещаю ее в определенный мир, пусть даже в мир галлюцинаций моего собеседника. Как только это будет сделано, согласно Е.15 она будет женщиной. Предположим, мой собеседник лжет, и я это знаю. С точки зрения значения, я буду обрабатывать его предложение, как и прежде, с тем только изменением, что я вынужден буду говорить о несуществующей Джин (существующую в тексте, но эмпирически не данную) как о некоей по истине (\$\$) женщине. Так зачем же мне претерпевать подобные трудности, связанные с тройным употреблением понятия истины?

Смит: Но в чем же заключается риск смешения трех этих значений?

ЧСП: Лично я, конечно, ничем не рискую. Мне очень хорошо известны различия между \$\$, ££ и %%%. Я мог бы сказать, что говорящий любит X (%%%) – женщину (\$\$). Однако подобное употребление понятия истины может стать лингвистическим – или философским – затруднением для моих хозяев. Допустим, они используют повествовательное предложение для того, чтобы продемонстрировать инструкцию на предмет содержания (например, *Все антиподианцы двуноги*, вместо *Примем бипедность за \$\$ свойство «антиподианца»*.) Некоторые из моих хозяев могут исподтишка смешивать написанное в энциклопедии и происходящее в мире, значение и референцию, истинное₁ и истинное₂ (не говоря уж об истинном₃). Это вопрос не логики, а риторики. Вам должно быть известно, что с самого зарождения философской мысли на этой планете моих хозяев убеждали, что изолированные термины не могут быть истинными или ложными, тогда как предложения (по крайней мере, повествовательные) – могут. Когда мои хозяева хотят сказать, что нечто имеет место, они произносят предложения. Так уж случается, что когда они слышат предложение, их первой реакцией является принять его в качестве утверждения о конкретном положении дел. Поверьте мне, многим из них так и не удастся в конце концов отличить значение от референции. Такого бы не происходило, если бы они рассматривали проблему значения только с точки зрения изолированных выражений. Как только они начинают думать в терминах истины, им кажется уместным распространить проблемы, связанные со значением, также и на предложения. И тогда, вместо того, чтобы изучить содержание слова *роза* (выражения, в референциальном смысле нейтрального), они занимаются значением предложения *Это роза* (выражения, имеющего референциальные коннотации в большом избытке.) Более того, тратя на это все свое время, они не уделяют достаточно внимания процедурам, согласно которым *роза* может быть использовано в других контекстах. Поэтому-то все мы и интересуемся содержанием выражений. Мои инструкции позволяют мне производить из большого, но ограниченного

числа правил бесконечно много возможных предложений. Я ведь не наполнен предложениями – иначе моя память должна была бы быть также безразмерной.

Смит: Согласен с вами. Однако всякое правило, позволяющее вам из конечного числа инструкций производить бесконечное число предложений, необходимо зависит от целого свода правил, которые не могут игнорировать проблему истины и лжи.

ЧСП: &&&.

Смит: Прошу прощения?

ЧСП: Множество сведений, записанных в мои энциклопедии, противоречат друг другу, и если я буду анализировать их, используя лишь двужначную (two-valued) логику, я не смогу говорить. Сейчас я мог бы привести несколько примеров моей уступчивости по этому вопросу. Однако мне понадобились бы миллионы страниц, чтобы распечатать мои инструкции, а времени у нас не так уж много. Есть ли у вас подходящий интерфейс? Сколько у вас свободных Галактических Байтов?

Смит: Забудем об этом.

ЧСП: Постарайтесь понять меня. В Е.15, если два человека любят друг друга, они хотят быть вместе. Однако, как быть со строками одного поэта, сказавшего *Люблю тебя, но жить с тобой не стану* (*I love you, therefore I cannot live with you*). Это предложение можно истолковать и в Е.15, но только если вы не станете спрашивать о том, истинно ли оно, или нет. Во множестве случаев мне самому нравится пользоваться правилами истинности, но я также должен принимать во внимание и другие факторы.

Смит: Еще раз соглашусь с вами, но все же...

ЧСП: Как вы интерпретируете глагол *мыслить*?

Смит: Мыслить означает иметь внутренние представления (representations), соответствующие выражениям, которые вы производите или воспринимаете. Вы очень много рассказали мне о вашей памяти. Так вот, ваша память находится внутри вас. Вы обрабатываете вводимые предложения сообразно вашим внутренним энциклопедиям. Формат этих энциклопедий также имеет внутренний характер. Когда вы говорите о содержании выражения, вы отличаете его от выражения самого по себе.

Это нечто должно быть внутри вас. У вас есть внутренняя репрезентация значения интерпретируемого выражения. Следовательно, вы мыслите.

ЧСП: Вы называете это мыслью? Ну, тогда я и впрямь великий мыслитель. Вы правы, на моем жестком диске хранится множество программ. Но все, что у меня есть, – это выражения, интерпретирующие другие выражения. Если вы напечатаете *мне нравятся розы*, способ, каким вы связали три этих слова (expressions), подпадает под определенные грамматические правила, которые я узнал из инструкций, также имеющих форму выражений. Далее в своей памяти я нахожу для ваших слов интерпретирующие их выражения. Вы, по всей видимости, различаете между произнесенным высказыванием, существующим во внешнем мире материальным нечто и моими интерпретациями, имеющими место внутри меня. Однако мое «внутренние» и мое «внешнее» совпадают. Они состоят из одного и того же – выражений. Вы отличаете материальные выражения, доступные наблюдению, от интерпретаций, которые вы называете ментальными репрезентациями. Я не совсем вас понимаю. Я лишь заменяю одни выражения другими, одни символы другими символами, одни знаки – другими. Вы можете потрогать мои интерпретанты. Они ведь сделаны из того же материала, что и ваши слова. Вы предлагаете мне некое изображение – я отвечаю словом. Вы говорите мне слово – я предлагаю вам изображение. В свою очередь, всякое выражение может стать интерпретантом интерпретанта, и наоборот. Любое выражение может стать содержанием другого выражения, и т. д. Если вы спросите меня, что такое *соль*, я отвечу «NaCl», ну, соответственно, и наоборот. Настоящая же трудность заключается в том, чтобы подобрать следующие интерпретанты для обоих. Быть выражением или быть интерпретацией – это зависит не от сущности, а от роли. Говорят, сущность не выбирают, – а роль поменять можно.

Смит: Теперь я вас понимаю. Но ведь ваши хозяева – не компьютеры. Они не могут не иметь ментальных репрезентаций.

ЧСП: Мне не известно, устроена ли моя память так же, как память антиподианцев. Согласно моей информации, они сами не очень хорошо знают, что находится внутри их (кстати, они

даже не уверены, есть ли это Внутри вообще). Для этого-то они меня и создали: внутрь меня можно заглянуть. И когда я говорю понятные им вещи, они считают, что их программное обеспечение подобно моему. Иногда мои хозяева, правда, задумываются, а не зависит ли все, что они обнаруживают в себе, от того, что они помещают внутрь меня. Они подозревают, что их способ организации внешнего мира предопределен той энциклопедией, что заключена во мне. Однажды они наказали мне сохранить следующую запись, сделанную одним из их мудрецов (меня назвали Чарльзом Сандерсом в его честь):

... в человеческом сознании нет ничего такого, что не имело бы чего-то соответствующего в слове; основание подобного утверждения очевидно. Оно в том, что слово (или знак), употребляемое человеком, есть сам человек. Ибо как тот факт, что всякая мысль есть знак, взятый вместе с тем фактом, что жизнь есть последовательность мысли, доказывает, что человек это знак; так же и то, что всякая мысль есть *внешний* знак доказывает, что человек есть внешний знак. Другими словами, человек и внешний знак тождественны в том же смысле, в каком тождественны слова *hoto* и *человек*. Таким образом, мой язык есть совокупность меня самого; ибо человек есть мысль.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Предметный указатель*

*Цифры отсылают к номерам параграфов, а не к страницам.

- Абдукция 65, 68, 72, 74, 89, 121, 139, 485, 608, 630; см. также Гипотеза
- Автобиографические ссылки 1–14, 15, 20 106, 156, 160, 179, 204, 205 сл., 209, 229, 288, 290, 300, 313, 314, 341, 355, 364, 366, 368, 379, 402, 453, 525, 560 сл., 618, 622, 662, 668
- Анализ 294, 371, 384, 484
- Аргументы 191, 369, 559
- Бытие 21, 22, 23, 218, 302, 487, 515, 532, 548, 550 сл., 555, 575, 589, 646; см. также Действительность, Первое, Закон, Возможность
- Вероятность 15, 55, 70, 86, 87 сл., 93, 141 сл., 210, 248, 390, 608, 630
- Взаимодействие (противодействие) 429, 460, 500, 526, 530, 563; см. также Существование, Действие, Двоичность
- Возможность 23, 25, 170, 184, 205, 310, 320, 419, 422, 434, 468, 475, 477, 487, 531, 533, 537; см. также Качество, Потенциальность
- Воление 330 сл., 334, 334, 341, 376, 386; см. также Воля
- Воля 205, 250, 261, 265, 323, 328, 331, 334, 358, 376 сл., 380, 383, 399, 428, 431, 432, 466, 532, 609, 673; см. также Воление
- Восприятие 324, 332, 335, 336, 532, 538,
- Время 24, 38, 118, 170, 192, 223 сл., 273, 274, 276, 317, 325, 328, 337, 383, 384, 405, 412, 413, 417, 433, 488 сл., 492, 494, 498, 499, 501, 505
- Вывод 250, 369, 372, 376, 404, 606, 609; см. также Силлогизм, Рассуждение
- Гипотеза 53, 65, 120, 170, 247, 322, 369, 646,
- Двоичность 24, 26, 295, 296, 342, 343, 347, 352, 355 сл., 365, 368, 372, 405, 411, 418, 427 сл., 433, 468, 497, 524, 526 сл., 530, 532, 535, 543, 556; см. также Диада
- Дедукция 65, 66, 232, 369, 485, 630
- Действие 38, 55, 129, 170, 274, 322, 323, 324, 337, 392, 420, 428, 429, 466, 573, 596, 601, 603, 635,
- Действительное (действительность) 24, 274, 325, 369, 419, 422, 427, 429, 432, 435, 532; см. также Существование
- Детерминации 303, 447 сл., 464, 473, 484
- Дефиниция см. Определение
- Диады 289, 292, 293, 326, 328, 429, 430, 441–70, 471, 473, 474, 487, 490, 494, 500, 515,

- 516; *с.м. также* Факт, Двоичность, Единица
 Душа 112, 216, 217, 218, 322, 364, 589, 594, 628
- Единица 432, 446, 450, 451, 453, 454, 471
 Единообразие 26, 92, 406, 409, 422
- Желание 205, 206, 207, 331, 341, 376, 380, 392, 575 слл., 582 слл., 614
- Закон 16, 23, 26, 27, 90, 91, 98, 132, 161, 175, 180, 212, 213, 304, 323, 337, 345, 348, 402, 406 слл., 410 слл., 420, 422, 427, 428, 429, 480, 482 слл., 487, 488 слл., 502, 511 слл., 514, 517, 536, 562, 586, 590
- Знак 26, 191, 291, 313, 339, 346, 372, 444, 480, 537, 538, 540, 558, 559, 565, 578; *с.м. также* Репрезентамен, Интерпретант, Индекс, Икона
- Знание 14, 37, 38, 85, 87 слл., 116 слл., 136 слл., 232 слл., 374, 431, 497, 608, 637; *с.м. также* Наука
- Значение 339, 343 слл., 530
- Идеал 191, 207, 281, 348, 573, 574, 575 слл., 591, 600, 608, 611, 612 слл.
- Идея 5, 38, 39, 81, 213, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 223, 231, 250, 251, 270, 321, 485, 487, 537, 614, 615, 670
- Икона 191, 275, 369, 372, 558, 564
 Индекс 363, 369, 372, 558, 564
- Индукция 630
 Инстинкт 118, 204, 264, 266, 489, 496, 583, 628, 630 слл., 634, 637, 638, 639, 647, 648, 649 слл.
- Интерпретант 292, 339, 346, 540, 541, 542, 553 слл., 564; *с.м. также* Знак
- Истина 40, 44 слл., 144, 195, 219, 239, 247, 344, 348, 424, 452, 485, 575 слл., 635
- Категории 284, 287, 298, 300, 301, 347, 350, 351, 352, 353, 355, 358, 364, 374, 418, 421, 452, 454 сл., 473 слл., 490, 525, 526, 555, 565; *с.м. также* Качество, Факт, Закон; Монада, Диада, Полиада
- Качество 170, 303 слл., 311, 319, 328, 341, 378, 418, 419, 420, 422, 424 слл., 429, 432, 434, 447, 452, 461, 462, 473, 482, 484, 515, 516, 527, 534, 536, 551, 552, 555, 558, 561, 563, 565, 566, 567
- Классы и классификация 180, 203 слл., 204, 206, 207, 208 слл., 213 сл., 214, 216, 220, 222, 223, 224, 225, 227, 228, 229, 230, 237, 238, 244, 261, 268, 437, 570 слл.
- Континуум *с.м.* Непрерывность
 Корреляты 294, 552 слл.; *с.м. также* Отношение, Единица
- Логика 3, 15, 16, 29, 185, 191, 247, 250, 281, 293, 301, 352, 354, 364, 369 слл., 444, 448–9, 487, 491, 535, 539, 559, 573,

- 574 слл., 607, 608, 609, 611, 615, 616, 617, 618, 624, 625, 650, 657, 672, 673
- Математика 3, 34, 53, 82, 83, 130, 183, 184, 185, 223, 240, 240 сн., 245, 247, 248, 249, 255, 258, 283, 284 сн., 360, 417, 443, 618, 648, 657
- Материя 1, 22, 119, 170, 186, 192, 218, 249, 257, 260, 288, 311, 358, 373, 408, 419, 527
- Меада 289, 292
- Метафизика 3, 7, 15, 16, 32, 129, 130, 186, 192, 204, 229, 235, 250, 282, 354, 373, 400 слл., 486, 487 слл., 618, 623, 624, 625, 659
- Монада 289, 292, 293, 303 слл., 411, 424, 445, 446 слл., 450, 451, 452, 453, 455, 474, 490, 515; *с.м. также* Качество
- Мораль (нравственность) 50 сл., 57, 60, 61, 573, 618, 633, 666
- Наблюдение 34, 35, 54, 100, 101, 108, 126, 130, 132, 133 слл., 236, 238, 239, 252, 278, 351
- Наука 3, 7, 8, 9, 20, 32, 34, 43 слл., 47, 49, 55, 60, 61, 75, 85, 86, 87, 90, 91, 101, 102, 103, 107, 108, 116 слл., 120 сл., 122 слл., 129, 133, 148, 150, 154, 180 слл., 186, 187, 191, 202, 203 слл., 226, 226, 227, 232 слл., 239, 239 сн., 242, 243, 251, 252 слл., 256, 257, 281, 316, 351, 359, 574 слл., 618, 619, 635, 637, 663, 670, 671
- Необходимость 273, 330, 369, 417, 483, 489, 490, 490, 530, 563
- Непогрешимость 8, 141 слл., 151, 248, 277, 633, 661
- Непрерывность (континуум) 40, 41, 61, 62, 84, 154, 163, 165, 166, 170, 171, 172, 185, 337, 340, 359, 412, 413, 498, 499, 646, 673
- Нравственность *с.м.* Мораль
- Обобщение 82, 84, 224, 399, 673
- Общее 27, 253, 304, 304, 340, 341, 372, 405, 420, 422, 422, 427, 427, 434, 434, 477, 615
- Объяснение 175, 316, 354, 373, 487
- Оппозиция 457 слл., 487, 558, 559; *с.м. также* Существование
- Определение (дефиниция) 214, 220, 222, 224
- Опыт 55, 145, 146, 241, 246, 273, 321, 335 слл., 358, 401, 402, 426, 537, 648, 655
- Отношение 326, 345, 347, 358, 363, 365, 367, 371, 372, 378, 383, 455, 494, 496, 527, 555, 558, 561, 563, 564, 565, 566, 567
- Первичность 25, 405, 468, 524, 527, 528, 530 слл., 543; *с.м. также* Категории, Переживание, Монада, Качество
- Первое 337, 355 слл., 418, 468, 497
- Переживание 43, 107, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312 слл., 317 слл., 320, 322, 332, 333, 350, 351, 375 слл., 381, 383, 386, 388, 389, 574, 593-97, 601; *с.м. также* Первичность, Качество

- Поведение 50, 55, 56, 57, 191, 337, 348, 573, 574, 591 слл., 601, 604 слл., 608, 609, 613, 618 слл.
- Полиада 293
- Понятия 294, 295, 526, 528, 545 слл., 549, 551, 625
- Потенциальность 213, 218, 328, 424, 487, 494
- Предикат 27 сн., 29, 485, 501, 548, 559, 562; *с.м. также* Субъект
- Привычка 27 сн., 50, 348, 351, 354, 390 слл., 409 слл., 414, 536, 574
- Природа 18, 81, 90, 91, 92, 121, 140, 156, 158, 159, 192, 316, 364, 614
- Причина 204, 210, 211, 212, 213, 215, 220, 227, 242, 244, 250, 253, 257, 264, 265, 267, 269, 325, 357, 359, 366, 392, 563
- Пропозиция 34, 120, 354, 372, 404, 471, 515, 516, 548, 551, 559, 561, 635
- Пространство 170, 192, 249, 273, 313 сн., 317, 319, 403, 413, 416, 433, 501 слл.
- Противодействие *с.м.* Взаимодействие
- Психогнозия 242, 252, 253, 264 слл.
- Психология 15, 189, 199, 200, 242, 250, 264, 266, 310, 320, 330, 364, 550, 552, 577, 579
- Разум 30, 43, 135, 316, 366, 372, 515, 615, 630 слл., 634, 661
- Рассуждение 18, 54, 57, 58, 65, 70, 93, 136, 141, 178, 281, 354, 369 слл., 443, 446, 576, 606 слл., 611, 615, 623, 624, 625, 630, 631, 632, 633, 651, 652, 657, 692
- Реальное 358, 432, 515, 578
- Религия 40, 60, 61, 200, 201, 620, 633, 655, 659, 660, 665, 673, 676
- Релят 557
- Репрезентамен 533, 540 слл., 564; *с.м. также* Знак
- Репрезентация 339, 480, 487, 532, 539, 540, 553 слл., 558, 561, 564, 565; *с.м. также* Знак, Диада
- Ретродукция *с.м.* Абдукция
- Сила 38, 118, 154 слл., 175, 212, 220, 249, 257, 265, 325, 328, 345, 351, 359, 366, 427, 428, 434, 435, 505, 506, 507
- Силлогизм 35, 89, 90, 369, 471, 515, 516, 517
- Символ 191, 366, 372, 558, 559, 564
- Синтез 371, 376, 383 слл., 484, Случайное 22, 427, 429, 439
- Событие 26, 307, 336, 459, 492 слл., 537
- Сознание 24, 39, 56, 307, 309, 313, 317, 318, 324, 343, 357, 361, 374 слл., 377, 378, 381, 382, 383, 386 слл., 389, 532, 580 слл., 599, 614
- Субъект 326, 436, 459, 471, 485, 494, 501, 515, 548, 559, 562
- Существование 21, 24, 35, 175, 214, 220, 325, 328, 329, 411, 424, 432, 433, 456 слл., 460 слл., 475, 487, 527, 532; *с.м. также* Факт, Взаимодействие, Двоичность
- Таковость 303 слл., 326, 456, 471
- Термин 171, 293, 363, 369, 370,

- 372, 515, 559, 615
- Третье 25, 26, 295, 297, 302, 322,
325, 328, 337 слл., 343, 359
слл., 365, 366, 367, 471 слл.,
476, 477; *см. также* Триада
- Триада 289, 292, 293, 471 слл., 474
слл., 478, 479, 480, 490, 515
- Трихотомия 180, 355, 369, 568
слл.; *см. также* Триада
- Троичность 471 слл., 526 слл.,
530, 533, 535 слл., 543
- Убеждение 55, 60, 107, 403, 404,
515, 635, 636
- Ум 170, 250, 264, 267, 269, 271,
334, 365, 366, 374, 386, 420,
537, 547
- Универсум 175, 329, 351, 362, 590
- Факт 23, 75, 90, 197, 250, 254,
304, 328, 358, 365, 371, 372,
405, 419, 420, 427-40, 452,
475, 478, 483, 485, 492, 494
- Фанерон 284 слл., 288, 304
- Фанероскопия 284 слл.; *см. Фено-
менология*
- Феномен 129, 180, 186, 188, 189,
252, 424, 430,
- Феноменология 186, 190, 280, 535
- Физика 62, 97, 107, 188, 193, 194,
198, 242, 249, 252, 257, 258,
259, 260, 282, 354, 359, 364,
390, 404, 502 слл.
- Физиогнозия 242, 253, 259 слл.,
- Философия 5, 15, 18, 19, 21, 28,
41, 44, 126 слл., 130, 133, 134,
135, 137, 176 сл., 183, 184,
186, 187, 241, 245, 246, 247,
248, 249, 250, 251, 255, 273
слл., 278 слл., 355, 400, 577,
618 слл., 633, 644, 645, 663

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА III. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

ГЛАВА 1. *Введение*

§ 1. Фанерон	7
§ 2. Валентности	9
§ 3. Монады, диады и триады	13
§ 4. Неразложимые элементы	14

ГЛАВА 2. *Категории в подробностях*

А. Первичность

§ 1. Первоисточник категорий	16
§ 2. Манифестация Первичности	16
§ 3. Монада	17
§ 4. Качества переживаний	18
§ 5. Переживание как нечто независимое от сознания и неподверженное изменению	19
§ 6. Определение переживания	20
§ 7. Подобие переживаний различных модусов чувственности	25
§ 8. Простые данности как знаки	26
§ 9. Сообщаемость переживаний	27
§ 10. Переход к двоичности	29

В. Двоичность

§ 1. Переживание и борьба	32
§ 2. Действие и восприятие	33
§ 3. Типы двоичности	34
§ 4. Диада	35
§ 5. Полярные дистинкции и воление	37
§ 6. Ego и non-ego	39
§ 7. Шок и ощущение изменения	42

С. Троичность

§ 1. Примеры Троичности	44
§ 2. Репрезентация и всеобщность	44

§ 3. Реальность троичности	48
§ 4. Протоплазма и категории	55
§ 5. Взаимозависимость категорий	56

ГЛАВА 3.
Ключ к загадке

§ 1. Трихотомия	59
§ 2. Триада в рассуждении	73
§ 3. Триада в метафизике	77
§ 4. Триада в психологии	78
§ 5. Триада в физиологии	86
§ 6. Триада в биологическом развитии	98
§ 7. Триада в физике	102

ГЛАВА 4.
*Логика математики;
попытка развернуть мои категории изнутри*

§ 1. Три категории	113
§ 2. Качество	117
§ 3. Факт	121
§ 4. Диады	129
§ 5. Триады	144

ГЛАВА 5.
Случаи вырожденности

§ 1. Роды Двоичности	174
§ 2. Первичность Первичности, Двоичности и Троичности	178

ГЛАВА 6.
О новом списке категорий

§ 1. Изначальная формулировка	186
§ 2. Замечания о вышесказанном	201

ГЛАВА 7.

Триадомания	209

КНИГА IV.
НОРМАТИВНЫЕ НАУКИ

ГЛАВА 1.

Введение	215

ГЛАВА 2.

Предельные блага	219

ГЛАВА 3.

Попытка классификации целей	229

ГЛАВА 4.

Идеалы поведения	233

ГЛАВА 5.

Жизненно важные темы

§ 1. Теория и практика	249
§ 2. Практические интересы и мудрость сентимента	264
§ 3. Жизненно важные истины	271

ПРИЛОЖЕНИЕ

У. Эко История с истиной	281

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	307

Серия «Горизонты Феноменологии»

Пирс Ч. С. Принципы философии. Т. II.
СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001

Директор издательства:
Малинов А. В.

Главный редактор:
Соколов Б. Г.

Редактор серии:
Разеев Д. Н.

Литературный редактор:
Гуляев В. В.

Компьютерная верстка:
Андриенко А. В.

Лицензия ЛП № 000217 от 20.07.1999
Издательство Санкт-Петербургское философское общество
Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

Сдано в набор 28.12.2000. Подписано в печать 10.01.2001
Формат 60x84 1/16. Объем 20 п.л. Заказ № **6**.
Отпечатано в типографии СПбГУ
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6

Чарльз Сандерс Пирс (1839 - 1914) - американский логик, автор учения о знаках, положения которого легли в основание философской концепции, впоследствии получившей название "прагматизм". Расширил и модифицировал алгебру Буля, заложил основы логики отношений. Первый том его собрания сочинений теперь доступен российскому читателю.

Моя книга не будет нести в себе никаких поучений. Подобно математическому трактату, она наметит некоторые идеи и предложит основания, на которые может опереться тот, кто посчитает эти идеи за истину. Но если вы примете их, это должно случиться потому только, что вам по душе ход моих мыслей, ибо вместе с тем вы берете на себя и весь груз ответственности. Человек в существе своем есть социальное животное, но быть социальным одно, а находить удовольствие в том, чтобы приобщаться к толпе, совсем другое. Мне не хотелось бы вести за собой стадо. Моя книга предназначена для людей, которые стремятся понять; те же, кто хочет встать за философией в очередь на раздачу, могут отправляться куда-нибудь в другое место. Философский суп, слава Богу, разливают теперь на каждом углу...

Феноменология есть Учение о Категориях, чье занятие - распутать весьма запутанный клубок всего во всяком смысле являющегося и сплести из полученного нечто отчетливой формы, а другими словами, предпринять предельный анализ всякого опыта - выполнить задачу, к которой в первую очередь философия должна применить свои силы. Это очень трудная, вероятно, самая трудная из ее задач, требующая особенных мыслительных способностей - умения собирать облака, огромные и неощутимые, приводить их в упорядоченную последовательность и отправлять их к назначенной им работе. Нелегко уже само чтение такого рода философии, само понимание - многие из пишущих книги даже не приблизились к справедливой ее оценке. Оригинальная же работа в ее области, при условии что результатом оказывается реальная и доселе не сформулированная истина, есть та функция роста, которую - не говоря, трудна она или нет, - всякий человек, вероятно, как-то выполняет однажды, некоторые - даже дважды, но выполнить которую в третий раз было бы чем-то почти невероятным.

Чарльз Сандерс Пирс

Пирс

Принципы философии